

Рудольф Штейнер

**Тайны становления человечества
в свете Евангелий**

*12 лекций, прочитанных в Берлине,
Штуттгарте, Цюрихе и Мюнхене
с 11 октября по 26 декабря 1909г.*

GA 117

*"НОВАЛИС" МОСКВА
2009*

RUDOLF STEINER.

Die tieferen Geheimnisse des Menschheitswerdens
im Lihte der Evangelien.

Zwölf Vorträge, gehalten in Berlin, Stuttgart, Zurich und Vunhen
vom 11. Oktober bis 26. Dezember 1909.

1986.

RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHVEIZ.

GA № 117.

К ПУБЛИКАЦИЯМ ЛЕКЦИЙ РУДОЛЬФА ШТЕЙНЕРА

Все лекции Рудольфа Штейнера — за исключением некоторых специальных курсов в рамках Свободной Высшей школы духовной науки при Гётеануме — с 1924 г. стали общедоступны. В марте 1925 г. он пишет по этому поводу в автобиографии:

Итог моей антропософской деятельности представлен двумя видами изданий: это, во-первых, мои книги, опубликованные и всем доступные; во-вторых, целый ряд курсов, которые сначала предназначались для частного издания и должны были продаваться только членам Теософского (позже Антропософского) общества. Это были более или менее удачные записи моих

лекций, которые из-за отсутствия времени не могли быть мной исправлены. Я хотел, чтобы устно произнесенное слово оставалось бы только устно произнесенным словом. Но члены Общества хотели частных выпусков этих курсов, и это привело к их изданию. Если бы у меня было время на проверку, то с самого начала не было бы необходимости ставить на них пометку "Только для членов Общества".

...На этих лекциях присутствовали только члены Общества. Они были знакомы с основами антропософских знаний, поэтому к ним можно было обращаться как к уже продвинутым в области антропософии. Весь образ этих закрытых лекций был таким, каким не могли обладать письменные сочинения, предназначенные для открытой публикации.

В закрытом кругу я мог говорить о вещах иначе, чем должен был бы о них говорить, будь они с самого начала предназначены для открытой печати.

Нигде и ни в малейшей степени не было сказано ничего такого, что в чистом виде не представлялось бы результатом развития антропософии....

Читающий эти частные публикации может принимать их в самом полном смысле слова за то, что должно быть сказано антропософией. Поэтому можно было без колебаний отступить от прежнего обычая распространять эти издания только в кругу членов Общества.

Однако приходится допускать, что в непросмотренных мною записях возможны ошибки.

Но право на суждение о содержании подобной частной публикации может быть отдано, конечно, только тому, кто признает исходные посылки, необходимые для такой оценки. Такими посылками для большей части этих лекций является, по крайней мере, антропософское познание человека и Космоса, ибо в антропософии представлено существо человека, а также знание того, что в сообщениях из духовного мира дается как "антропософская история".

Первоначально Рудольф Штейнер часто применял в своих лекциях слова "теософия" и "теософский" для определения основанной им в начале XX века антропософски ориентированной духовной науки. Позже в соответствующих случаях он начал употреблять такие понятия, как "духовная наука" или "антропософия", "духовнонаучный" или "антропософский". По его указанию эти позднейшие обозначения введены в большинство последующих изданий его лекций. Такие же (или соответствующие им по смыслу) понятия и определения используются и в переводе этих лекций на русский язык.

СОДЕРЖАНИЕ

Берлин, 11 октября 1909 года (Заметки).

Будда и два мальчика Иисуса. Предыстория Христа. В событии Христа встретились три духовных течения: первое связано с Буддой, второе — с Заратустрой, третье было воплощено в древнееврейской культуре. Будда и учение сострадания и любви. Нисхождение Нирманакайи Будды в мальчика

Иисуса из Назарета. Воплощение Заратустры в вифлеемском ребенке. Двенадцатилетний Иисус в храме. Позднейшее слияние обеих семей. Слияние зороастризма и буддизма и их объединение в Иисусе из Назарета.

Берлин, 18 октября 1909 года (Заметки).

Евангелия. Будда и два мальчика Иисуса. Мальчик Иисус из Назарета. Нирманакайя Будды. Проникновение буддизма в христианство. Вифлеемский мальчик Иисус. Происхождение обоих мальчиков Иисусов. Слияние зороастрийского и буддийского течений в двенадцатилетнем Иисусе из Назарета. Протекание древнееврейского течения. Миссией Будды было — принести учение сострадания и любви, но Христос — это сама сила любви. На чем основывается все развитие.

Берлин, первая лекция, 2 ноября 1909 года.

Четыре различных аспекта представления Христа в четырех Евангелиях. Существо Христа Иисуса: свет и любовь. Мировые идеи в Евангелии от Иоанна, самоотверженное жертвенное настроение в Евангелии от Луки. В Евангелии от Марка живет духовная сила земного Солнца, система всех скрытых природных и духовных сил мира. Евангелие от Матфея представляет нам Христа как гармоничный образ человека и тайны человеческой истории.

Берлин, вторая лекция, 9 ноября 1909 года.

Миссия древнееврейского народа. Рассудочное мышление, чтобы и без ясновидческой силы познавать Божественность, как она обнаруживается извне, подготавливается древнееврейским народом. С этой целью особая конституция Авраама должна распространяться далее путем наследования. Связь математической картины мира с внутренней имажинацией осуществляется Моисеем в Египте. В Аравии напечатлевается закон. В вавилонском пленении состоялось соприкосновение с восточной магией. Повторение судеб древнееврейского народа в появлении вифлеемского Иисуса. Человеческое царство или Царство Небесное.

Берлин, третья лекция, 23 ноября 1909 года.

Подготовка к пониманию события Христа. Призвание древнееврейского народа. Слияние различных духовных течений древности в Иисусе из Назарета. Отступление древнего ясновидения и значения кровного родства перед вновь приходящим: осуществлением «Я», Царством Небесным. Подготовка для этого назореев. Иоанново крещение. Дети змеи и образ Агнца. Иоанн Креститель как вершитель нового времени, в котором духовный мир явлениями внешнего мира светит в душу человека.

Штутгарт, 13 ноября 1909 года.

О правильном отношении к антропософии. Завершение первого семилетнего цикла в жизни немецкой секции Теософского общества. Необходимость

сообщения результатов духовной науки перед развитием более высоких способностей духовного видения и проверки этих результатов мышлением. Визионерское ясновидение и способность пронизательного мышления. Почему не вспоминают о прежних воплощениях. Почему боги позволили возникнуть людям. Как мыслящий и немыслящий ясновидящий визионер видят духовный мир. Мысли отдают субстанцию, которая захвачена в духовном мире. Простота мозговых извилин у сильных мыслителей. Опасности визионерского ясновидения. Развитие силы суждения и воспоминания в современном воплощении.

Штуттгарт, 14 ноября 1909 года.

Евангелия. Четыре различных аспекта представления события Христа в четырех Евангелиях: Иоанн изображает Христа Иисуса со стороны мышления, Лука — со стороны чувства, Марк — со стороны воли и Матфей, у которого гармонично взаимодействуют все три силы, изображает человека Христа Иисуса. Слияние буддизма, зороастризма и древнееврейского духовного течения в христианстве. Учение сострадания и любви Будды. Легенда Будды. Будущий Будда Майтрейя. Миссия Авраама и древнееврейского народа. Жертва Исаака. Что лежит в основе культурной миссии Иосифа в Египте. Воплощение Заратустры в древней Халдее как Заратоса. Два мальчика Иисуса. Соломонова и Натанова линии дома Давидова. Симеон, перевоплощение Аситы.

Цюрих, 19 ноября 1909 года.

Евангелие от Матфея и проблема Христа. Четыре Евангелия и четыре категории дохристианского посвящения. Миссия Авраама и древнееврейского народа. Жертва Исаака. Иосиф в Египте. Десять заповедей Моисея. Путь трех магов и соломонова Иисуса как повторение пути, которое предпринял иудейский народ, на более высокой ступени. Бодисаттвы и будущее понимание Христа. "Я", Бог внутри и Бог во внешнем откровении.

Мюнхен, первая лекция, 4 декабря 1909 года.

Групповая душа и индивидуальность. Групповая душа и "я". Спиритуализация языка. Понимание существа центра в человеке антропософской мыслью. Формирование индивидуального "я".

Мюнхен, вторая лекция, 7 декабря 1909 года.

Бог внутри и Бог во внешнем откровении. Четыре Евангелия представляют событие Христа с четырех различных точек зрения. Впадение течения Заратустры в христианство. Миссия авраамитского народа. Судьбы древнееврейского народа и их повторение на более высокой ступени при воплощении Заратустры в Иисусе из Вифлеема.

Берлин, 21 декабря 1909 года.

Рождественская елка как символ. Первый праздник Рождества Христова в

четвертом столетии. Легенда о рае. Первое сообщение о рождественской елке из Эльзаса. О мистиках Мейстере Экхарте и Иоганне Таулере. Рождественское стихотворение Гёте "Деревья яркие, деревья ослепительные". Рождественская елка как чувственный образ духовного света. Христос, дух Вселенной. Переживание мирового духа во времена года. Созерцание духовного Солнца в рождественскую полночь. "Созерцай Солнце в час полночи..."

Берлин, 26 декабря 1909 года.

Рождественское настроение. Антропософская мудрость становится пронизанной светом силой тепла. Старый Харденберг и поэзия его сына Новалиса. Новалис как провозвестник спиритуально постигаемого христианства. Необходимость указывать на значение события Христа из спиритуальных переживаний. Недостаточность "исторического исследования" материалистической теологии. Мастера мудрости и созвучия ощущений и исходящий от них импульс спиритуального и буквального понимания Евангелий. Исполнение импульсом Христа. Групповая душевность и ненависть к индивидуальному. Пронизанное Христом "я" и групповая душевность в шестом культурном периоде. Рождение Христа в нас.

Примечания.

БУДДА И ДВА МАЛЬЧИКА ИИСУСА.

(Заметки).

Берлин, 11 октября 1909 г.

В последнем Базельском курсе впервые было возможно говорить о теме, которой до того в Немецкой секции еще не касались. О событии Христа, конечно, уже неоднократно упоминалось, особенно в связи с Евангелием от Иоанна. Опираясь на Евангелие от Луки, как это было сделано в лекциях, прочитанных в Базеле, можно было особо коснуться также того, что может быть названо предысторией Христа. При этом пришлось иметь дело с очень сложными связями. Как известно, в тело Иисуса из Назарета вошло высокое солнечное существо и жило в нем три года, от Крещения на Иордане до Мистерии Голгофы. Об этом высоком Существо Х Христа уже было сказано достаточно много. Но о том, что живет перед нашей душой как личность Иисуса из Назарета и которое приняло то высокое Существо, можно сказать точнее только в связи с Евангелием, которое охватывает историю Иисуса с его детства. Развитие Иисуса от его рождения до Крещения на Иордане составило основную тему базельских докладов. Уже в этой предыстории мы встретились с очень сложными соотношениями. Над величайшим нужно постоянно размышлять, не пытаясь его легко понять и представлять упрощенно.

Мироздание не изображается несколькими штрихами и не постигается при помощи пары удобных понятий.

Личность, которая на тридцатом году приняла в себя Существо Христа, составлена очень сложным образом. Только из Акаша хроники можно добыть верные объяснения того, почему в различных Евангелиях предыстория Иисуса представлена столь различной.

Сегодня в кратком очерке будет рассказано кое-что об Иисусе из Назарета, чтобы все же сделать обзор приведенного в базельских докладах. Предполагалось также этой зимой в докладах для членов (Общества) говорить о Евангелии от Матфея или, если получится, то и об Евангелии от Марка. Тогда событие Христа в таком новом представлении явится перед нами совсем в ином свете. Это событие на основании одного лишь Евангелия от Иоанна известно нам явно недостаточно. Однако, сначала говорить об этих вещах можно лишь эскизно.

Хроника ясновидения, Акаша хроника, в живых письменах открывает нам то, что происходило в ходе времен. Ход спиритуальных сообщений, как правило, таков, что сначала сообщаются факты Акаша хроники, без привязки их к определенному документу. И только потом указывается на то, что все эти вещи можно найти в определенных документах, особенно в Евангелиях, которые действительно можно правильно понять только с использованием фактов Акаша хроники.

В Палестину в свое время стекались духовные течения, которые прежде протекали в мире разделенными. Опираясь на Евангелие от Луки, можно было бы говорить о трех духовных течениях, которые встретились в событии Христа. Одно из них связано с Буддой, другое — с Заратустрой, а третье было воплощено в древнееврейской культуре. Эти три течения сливаются в конкретном событии, а именно в событии Христа. О таких духовных течениях говорят чаще всего слишком абстрактно. Но в самом деле они осуществляются в особых существах, которые должны быть сформированы таким образом, чтобы течения могли сливаться в них. Необходимо точно исследовать такие существа в их внутреннем устройстве.

Буддийское течение достигло своего апогея в Гаутаме Будде. Прежде он прошел многие воплощения. Но это воплощение, в VI веке до нашей эры, было в его бытии важным апогеем. Только в нем Гаутама стал тем, кого называют Буддой. Прежде он был лишь Бодисаттвой, то есть великим учителем человечества. Этот последний с течением времени постепенно приобретает другие способности. Мы сами, пожалуй, жили когда-то в древнем Египте, но обладали совсем другими способностями, чем те, которые имеем сегодня; древние способности частично возвратились, присоединяясь к новым.

Кто не учитывает такое развитие, тот лишен беспристрастного взгляда на мир. Сегодня, например, человек, применяя свою силу суждения, может определять из себя самого некие логические и нравственные законы, определять из себя то или другое. Но в незапамятные времена это было не так. Тогда, например, человек не нашел бы в себе ничего, относящегося к

моральному. Он также совершенно не понял бы таких законов, если бы они были сообщены ему в сегодняшних словах. Надо было апеллировать к совсем другой способности. Так, сегодня для людей имеются определенные истины, которые еще 3000 лет тому назад было бы очень трудно найти, например, учение о сострадании и любви. Сегодня о законах сострадания и любви нас наставляет внутренний голос. Тогда человек напрасно искал бы такой голос. Тогда надо было употребить скверное слово, чтобы внушить человеку сострадание и любовь.

Существо, задачей которого на протяжении тысячелетий было позволять состраданию и любви вливаться в людей из высших, духовных регионов, было тем Бодисаттвой, который воплотился затем в Индии как Будда. Как человек в физическом мире, он ничего не нашел бы в себе от сострадания и любви. Но, благодаря своему посвящению, Бодисаттвы возвышались до духовных областей, где они могли приобретать свыше учения такого рода, как это, о сострадании и любви. Но однажды наступил момент, когда человечество созрело для того, чтобы самому найти то, что прежде было в него влито. Так было и с состраданием и любовью.

Когда этот Бодисаттва возвысился до Будды, то есть в упомянутом воплощении в шестом веке до новой эры (сидение Бодисаттвы под деревом Боддхи), он подошел к чему-то важному не только для его собственного существа, но и для всей Земли. Тогда в человека, ставшего Буддой, вошло это учение сострадания и любви, а также и описание восьмичленного пути, более точного исполнения этого учения сострадания и любви. Благодаря тому, что Будда мог живо осознавать в себе это учение, человечеству создавалась возможность познавать его в будущем. С тех пор определенные люди могут познавать это учение и вести соответствующую жизнь по образу великого Будды, как бы живо выкристаллизовывая из себя учение о восьмичленном пути.

Но лишь тогда, когда большое число людей созрело настолько, чтобы познавать то, что познал тогда Будда, это стало собственным и подлинным делом человечества. Так нашему миру передается миссия за миссией из высших сфер. Почти три тысячелетия тому назад, считая с настоящего времени, люди стали достаточно зрелыми, чтобы шествовать восьмичленным путем, и затем, человечеству будут присущи сострадание и любовь. Затем наступит новое событие и новая миссия снизойдет из духовного в физический мир.

Итак, однажды Будда позволил влиться в человечество этому учению о сострадании и любви. Но с тех пор, как Будда привел его в действие, оно живо действует в человечестве дальше. Когда Бодисаттва по истечении около трех тысяч лет деятельности исполнил свою службу, он становится Буддой, который затем исполняет определенную миссию в человечестве.

Чем же стал теперь тот Будда, миссией которого было внести в человечество сострадание и любовь, после того, как он покинул физическое тело? Будда, ведь, всегда означает — последнее воплощение. Ему потребовалось

воплощение Гаутамы лишь для того, чтобы исполнить свою миссию. С того времени он является той индивидуальностью Бодисаттвы, которая, став Буддой, больше не может нисходить в физическое тело. Она может воплощаться лишь в эфирном теле. Этот Будда сегодня может стать зримым только для ясновидящего. Форму, которую принимает индивидуальность, оставаясь без физического тела, называют Нирманакайей. В ней существо передает дальше миссию, которая была ему передана, как Бодисаттве. Так, великое событие Христа — также подготавливалось правящим в Нирманакайе Буддой.

Пара родителей, а именно Иосиф и Мария из Назарета, растили ребенка по имени Иисус. Дитя это было странным образом одарено такими способностями, что Нирманакайя-Будда мог сказать себе — у этого ребенка, в его физической телесности, таится возможность позволить человечеству сделать большой шаг вперед, если он, как Будда, смог бы внести свой вклад. Поэтому он в своей Нирманакайе погрузился в этого ребенка. Под Нирманакайей мы должны представлять себе не замкнутое тело, как у нас, но то, что обычно было одними лишь силами, стало здесь особыми сущностями. Благодаря "я" упомянутой, лежащей в основе индивидуальности, эта система существ соединяется в высших мирах, подобно нашим способностям мышления, чувства и воли. Ясновидящий воспринимает это множество составляющих единое целое сущностей как Нирманакайю Будды.

Аналогии этому имеются также и в жизни природы: например, у орехотворки передняя и задняя части тела связаны лишь тонким стебельком. Считая его невидимым, мы имеем две несвязанные, но принадлежащие друг другу части. Подобные условия сплоченности правят в улье и в муравейнике.

Такие условия были вполне известны автору Евангелия от Луки. Он знал также, что Нирманакайя Будды погрузилась в ребенка Иисуса. Он выражает это, говоря: когда дитя родилось в Вифлееме, воинство Ангелов спустилось из духовных миров и известило о происшедшем пастухов. Они по определенным причинам стали в тот момент ясновидящими.

Сначала этот ребенок Иисус развивался медленно. Внешне он не выказывал никаких особо замечательных свойств, которые указывали бы на гигантский дух. Но вскоре стали заметны его глубокая искренность и задушевность, деятельная жизнь души. Ясновидящий увидел бы, как над этим ребенком парит Нирманакайя Будды. В индийской легенде говорится, что старый мудрец пришел к Будде-ребенку и узнал по нему, что здесь Бодисаттва созревает до Будды. Старик залился слезами из-за того, что он не успеет увидеть великого Будду. Асита, так звали мудреца, воплотился повторно и, когда Иисус был юным, был снова стариком, а именно — Симеоном, о котором говорится в Евангелии от Луки. При представлении Иисуса в храме он видел перед собой Бодисаттву как действительного Будду и поэтому мог сказать: "ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое" (Лк. 2: 29, 30). Так пятьсот лет спустя увидел мудрец то, чего он не смог увидеть прежде.

Если изучать происхождение Иисуса по Евангелию от Луки и сравнивать его с представленным в Евангелии от Матфея, то становится явным определенное различие, на которое в науке совершенно не обратили внимания. Однако из Акаша хроники можно получить правильное разъяснение, почему оба родословных древа различны, и они должны быть таковыми.

Приблизительно в то же время, когда родился Иисус, в Палестине, у другой пары родителей, имена которых также были Иосиф и Мария, также был ребенок, с тем же именем — Иисус. Так что было тогда два ребенка Иисуса у двух пар родителей с теми же именами. Один Иисус — вифлеемский. Он жил со своими родителями в Вифлееме; родители другого проживали в Назарете. Первый Иисус происходит из линии дома Давидова, которая проходила через Соломона. Напротив, Иисус из Назарета происходит из натановой линии дома Давидова. Лука повествует больше об одном, Матфей — о другом ребенке. Вифлеемский ребенок в своей ранней молодости выказывал совсем другие способности, чем ребенок из Назарета. Первый хорошо проявлялся во всех тех качествах, которые могут выступать внешне. Так, этот ребенок, например, с самого рождения уже мог говорить, хотя, поначалу — еще более или менее непонятно для окружающих. Другой ребенок Иисус проявлял задатки внутренней одаренности.

В мальчике из Вифлеема теперь был воплощен великий Заратустра древних времен. Тот Заратустра, как известно, вручил свое астральное тело Гермесу, а эфирное тело — Моисею. Его "Я" повторно родилось в шестисотых годах до нашей эры в Халдее как Назаратос или Заратос, и, "наконец, еще раз, как Иисус. Этого ребенка Иисуса должны были увезти в Египет, чтобы он мог жить там некоторое время в сообразной ему среде и снова оживить в себе отпечаток самого себя. Нельзя быть совершенно уверенным, что это тот же Иисус, о котором говорит Лука, так же, как и тот, о котором рассказывает Матфей. Все дети моложе двух лет были убиты по распоряжению Ирода. Это коснулось бы также и Иоанна Крестителя, если бы между его рождением и рождением Иисуса не прошло достаточно времени.

На двенадцатом году жизни "Я" вифлеемского мальчика Иисуса, то есть "Я" Заратустры, переходит в другого мальчика Иисуса. С двенадцатого года в Иисусе из Назарета больше не жило его прежнее "Я", но теперь это было "Я" Заратустры. Вскоре после того, как его "Я" покинуло тело, вифлеемский ребенок умер. Этот перенос "Я" Заратустры на Иисуса из Назарета нам описывает Лука в истории о двенадцатилетнем Иисусе в храме. Так же и для его родителей было необъяснимо, почему их ребенок внезапно заговорил столь мудро. Кроме него у этих родителей не было больше детей. Напротив, другая пара родителей имела еще последующих детей, четырех мальчиков и двух девочек. Однако, позднее обе семьи живя в Назарете по соседству, слились, наконец, в одну семью. Отец Иисуса из Вифлеема был уже древний старик, когда родился Иисус. Вскоре после этого он умер, и мать со своими детьми переместилась в Назарет к другой семье.

Итак, Будда в своей Нирманакайе с "Я" Заратустры действовал в Иисусе из

Назарета. Будда и Заратустра взаимодействовали в этом ребенке.

В Евангелии от Матфея сначала идет речь больше об Иисусе из Вифлеема. Здесь при рождении появились мудрые маги с Востока, которых звезда привела туда, где повторно родился Заратустра.

ЕВАНГЕЛИЯ, БУДДА И ДВА МАЛЬЧИКА ИИСУСА.

Берлин, 18 октября 1909 г.

В прошлый раз я здесь пересказывал содержание Базельского цикла лекций, где шла речь об Евангелии от Луки. При этом мы указали на вопрос, который могут задать: да, если теперь уже столь многое сказано об Евангелии от Иоанна и, в связи с этим, об образе Христа Иисуса, не может ли оказаться, что при рассмотрении других Евангелий следует сказать кое-что, что в известном смысле можно было бы понять так, как если бы самое глубокое Евангелие, от Иоанна, позволяло оказывать на себя влияние?

Если бы это было так, то объяснение трех других Евангелий вовсе не было бы в смысле духовного исследования. Поскольку то, что мы ищем в духовнонаучном исследовании, не должно быть взято из какого-либо документа; оно должно подходить к нам не как нечто неким образом переданное, но как нечто такое, что может быть найдено средствами духовного исследования.

Духоиспытатель ставит перед собой задачу: выяснить, как представляется событие в Палестине, не прибегая к помощи какого-либо документа. Он предпринимает свое исследование без учета каких-либо документов. После этого он пытается показать, как эти же истины и сообщения освещаются нам в документах.

При рассмотрении Евангелия от Луки и Евангелия от Иоанна мы выбрали следующий путь: извлечь из огромного объема Акаша хроники то, что можно найти в Евангелии от Луки и в Евангелии от Иоанна. Посредством того, что таким образом применяют исследования духоиспытателей к этим Евангелиям, с ними знакомятся в определенном смысле лишь впервые. Я указывал, что здесь, в Евангелии от Луки, имеется возможность обсуждать нечто иное, чем в Евангелии от Иоанна. Евангелие от Иоанна начинается с личности Иисуса из Назарета в то время, когда ему было 30 лет. В нем перед нами предстает высокое солнечное Существо, Существо Христа. Здесь мы имеем дело с тремя последними годами жизни Христа Иисуса.

Евангелие от Луки позволяет нам ознакомиться с теми значительными процессами, которые сделали возможным то, что это значительное Существо Христа смогло влиться в личность Иисуса из Назарета, позволяет указать на слияние зороастризма и буддизма, и мы видели, как эти два мощных духовных течения встречаются и соединяются именно в Иисусе из Назарета. Он

выступил перед нами в последний раз как человеческая личность, которая здесь родилась, как ребенок с весьма особыми внутренними задатками, а не с теми задатками, которые особенно вели бы человека к пониманию внешнего, современного физического мира. Над этой личностью, которая как дитя стоит перед нами в натановском ребенке Иисусе, собственно Иисусе из Назарета, над ней мы видим сияние того, что мы называли Нирманакайей Будды, что мы видим как ауру этого ребенка. Это тот облик, который принял Будда после своего последнего воплощения, в котором он стал Буддой. Мы могли подчеркнуть, что называемое западноевропейским эзотерическим учением полностью оправдывает то, что содержится в восточных текстах: то, что индивидуальность перед воплощением Будды, в котором она выступила в VI веке до нашей эры, была Бодисаттвой.

Так Бодисаттва во вполне определенном воплощении становится Буддой. При этом эта индивидуальность достигла такой ступени развития, что она больше не должна была воплощаться в физическом теле на Земле. Это большое достижение, что индивидуальность не должна больше воплощаться. Это зависит не только от уровня развития индивидуальности, но и от того, какова эта индивидуальность. После этого воплощения Бодисаттва-Будда больше не должен был проделывать никакого земно-телесного воплощения. Он больше не воплощался потом в земном плотском теле, но только лишь в том, что мы называем эфирным или жизненным телом. В дальнейшем в нем воплощалась такая индивидуальность. Этот Будда больше не нисходил к телесному воплощению, но только к воплощению в эфирном теле.

Такое эфирное тело, в котором индивидуальность развивалась далее, выглядит, если оно становится видимым, не как тело, которое существует на Земле как физическое тело. То, что мы видим как физическое тело индивидуальности, которая нисходит до воплощения в физическом теле, это — замкнутое единство. Здесь нигде нет прерывания. Но такое эфирное тело, в котором индивидуальность воплощается как Будда, не является замкнутым пространственным единством. Оно является множеством не связанных между собой членов. Вспомним о так называемом расщеплении личности, которое наступает, когда человек все больше развивается вверх. Этот процесс описан в книге "Как достигнуть познания высших миров?". То, что у обычного человека взаимосвязано, как целое, силы, которые мы называем мышлением, чувством и волей, здесь все это, так сказать, существует каждое само по себе. Человек некогда станет их господином; он впоследствии является тройственностью, можно даже сказать — множественностью, как это выведено в моем "Очерке тайноведения".

В таком случае, как при воплощении Будды в более поздние времена, мы имеем такое эфирное тело, которое состоит из несвязанных друг с другом существ. У обычных людей это также только принцип физического тела, который не дает распадаться эфирному телу.

Если такой Бодисаттва-Будда снова воплощен в эфирном теле, то когда он становится видимым, появляется тогда как множество, сонм существ. Автор

Евангелия от Луки рассказывает об этом воинстве существ, когда говорит об Ангелах, которые явились пастухам в поле. Это эфирное тело, которое называют Нирманакайей Будды, парило над ребенком Иисусом из Назарета. Оно является тем, что становится инспиратором, который все то, что было Буддой, вливает по каплям в христианство. Так мы видим, как здесь буддизм вливается в христианство. Это должно мыслиться вполне конкретно, не только в абстракциях. Кто хочет понять, как это разыгрывается в действительности, тот должен смочь указать на конкретное событие, когда прогрессирующий до этой, последующей ступени Будда включается в христианство. Это описано в Евангелии от Луки в виде воинства Ангелов, которое является Нирманакайей Будды.

Затем мы описали, как появляется второй мальчик Иисус, которого мы можем назвать вифлеемским мальчиком Иисусом, и сказали, что он не кто иной, как перевоплощенный Заратустра. Это чрезвычайно, не по возрасту развитой ребенок. В этом ребенке повторно воплощен Заратустра. Это выражено в Евангелии от Матфея, так как в этом Евангелии должна изображаться особенно понятная автору этого Евангелия индивидуальность, которая привносит в христианство течение зороастризма. Поэтому говорится также, что этот мальчик произошел из соломоновой, царской линии дома Давидова, тогда как Иисус Евангелия от Луки произошел из натановой священнической линии дома Давидова.

Если мы хотим понять христианство во всем его глубоком значении, то должны уяснить себе, что в нем должны были слиться важнейшие мировые течения. Мы видим, что давидова царская линия расщепляется на линии соломонову и натанову. В соломоновой линии насаждаются царские свойства, в натановой линии — свойства священнические. Царские свойства особенно проявляются в первые два периода человеческой жизни; свойства, которые, прежде всего "выходят" на чуткое владение мировыми условиями, на все, что приводит человека в гармонию с мировыми отношениями. Это может происходить только тогда, когда силы физического и эфирного тел развиты правильно. Так как Заратустра внутренним образом развил в совершенстве преимущественно эти способности, то теперь, до двенадцатого года, он мог пользоваться всеми задатками, которые обнаруживались в физическом и эфирном теле. Такие задатки могли сообщаться ему особенно свойствами, наследуемыми в соломоновом доме. Для задачи, которая была перед ним, он нуждался также и в больших возможностях носителя Я, в больших задатках астрального тела. Они могли быть ему сообщены только той линией, которая передавала от предыдущих поколений именно эти способности. Если бы Заратустра оставался в теле до тридцати лет, когда эфирное и физическое тела уже вполне сформированы, он не смог бы настолько углубить свое существо. Поэтому уже на двенадцатом году он перешёл в Иисуса из Назарета. То есть в того ребенка, в котором уже жила Нирманакайя Будды, с двенадцатого года вошла индивидуальность Заратустры. Так в Иисусе из Назарета на его двенадцатом году слились оба эти течения.

Третьим к этому должно было присоединиться древнееврейское течение. Только благодаря этой тройственной встрече могла выступить та индивидуальность, которая приняла в себя Христа.

Зададим себе вопрос: как влилось сюда то, что было древнееврейским духовным течением? Попытаемся понять истинное, сущностное начало древнееврейского духовного течения. Вернемся также и к тому, что мы рассмотрели как существо становления Будды. Что произошло, когда Бодисаттва стал Буддой?

Задачей индивидуальности, которая была воплощена в Бодисаттве-Будде, было: передавать от эпохи к эпохе то, что можно называть учением о сострадании и любви. Чтобы это понять, мы должны сказать себе, что человек раньше пребывал в совсем другом состоянии сознания. Мы не можем быть близорукими, как сегодняшняя наука, которая верит, что всегда были одни и те же способности, которые постепенно развились из примитивных начал, и что человек прежде был на ступени животного. Именно так это не обстояло. То, что мы называем сегодня человеческим мышлением, чувствованием и волей, это не всегда имело место. Чем дальше мы возвращаемся в развитии человечества, тем больше это сегодняшнее состояние сознания становится сновидческим, смутным ясновидением. Поэтому все, что должно было преподаваться в древние времена как учение, должно было даваться иначе, чем сегодня. Сегодня можно высказывать определенные моральные принципы; затем человек их понимает. Услышав о таких принципах, он может сегодня сказать: конечно, это говорит мне мой собственный разум. Но для этого сначала должны были быть развиты разум и совесть. Внешняя история ощутимо подтверждает то, что совесть была не всегда, она началась однажды. Эсхил⁴ еще не говорит о ней. Эта особая душевная сила вступила в мир только в определенное время, прежде ее не было.

Если бы мы стали апеллировать к совести человека, к его мышлению до того, как в нем появилась совесть, прежде чем возникло логическое мышление, это было бы так, как если бы мы обратились к камню или к растению.

Тогда душа нуждалась в силе, в импульсах, и они должны были вливаться в душу. То, что относится, например, к любви, вводилось как бы суггестивно, индивидуальностью, которую называют Бодисаттвой, когда эта индивидуальность, которую называют Бодисаттвой, была там как Будда. И наступило время, когда люди из себя самих смогли постепенно развивать учение о сострадании и любви, учение о так называемом восьмичленном пути. Это учение, которое прежде должно было им даваться свыше, могло даваться им как учение только тогда, когда здесь присутствовал Будда. Поэтому Бодисаттва должен был стать Буддой.

Все, что происходит в человеческом развитии, должно происходить в определенном месте и в определенном народе, из которого выделяется некоторое число людей, обладающих пониманием учения. Возможно, здесь усмотрят противоречие со сказанным ранее, ибо ранее говорилось о том, что миссией Христа было — распространять любовь. Но, если говорится что-то в

этом роде, необходимо слышать это совершенно точно. В миссии Будды содержалось: дать учение о сострадании и любви; но Христос — это сила любви. Он принес саму любовь. Это разные вещи — дать учение о чем-то, или дать это что-то само.

И возможность того, чтобы сила любви струилась вниз и открылась благодаря этому высокому Солнечному Существо на Земле, возникла потому, что Будда принес это учение. Но, опять-таки, было необходимо, чтобы эта сила любви открылась земным образом в народе, который проделал иное развитие, чем тот, в котором жил Будда.

Чем же отличается то, что было принесено в мир Буддой, от того, что было принесено индивидуальностью Моисея? То, что принес Будда, по праву называют великим законом, Дхармой. Будда принес закон в определенной форме, чтобы он мог познаваться душой в такой форме, когда люди находят его в собственной душе. Моисей принес закон совсем другим образом; он принес его как Завет, как приказ. У народа, которому он принес этот закон, его нельзя рассматривать как закон, коренящийся в самой душе, но как божественный закон, данный из высот. Будда сказал: закон, что я сообщаю вам, вы найдете в глубочайшей силе души. А Моисей сказал: есть Закон Божий, который принесен сюда.

Закон должен был, так сказать, дан народу с учетом того, что этот народ стоит на более юной ступени развития, чем другие. Он еще не развил определенные силы. Всякое развитие основывается на том, что вещи не движутся по прямой.

Под развитием обычно понимают то, что последующее всегда происходит из предыдущего. Но развитие происходит не так. Развитие осуществляется из совсем других предпосылок. Когда мы наблюдаем растение в процессе его роста, то сначала мы видим зародыш, затем вырастает стебель, затем оно наращивает лист за листом, и, наконец — возникает цветок. Теперь наступает момент развития, когда уже больше не просто постепенно развивается последующее из предыдущего, но происходит оплодотворение. Должно проникнуть что-то другое, зернышко пыльцы другого растения. Так и в духовной жизни теперь должны были слиться самые различные жизненные условия и течения.

В Палестине должны были соединиться зороастризм, буддизм, а затем еще одно, совсем иное течение. Это течение при известных условиях могло подвести более юные жизненные силы. На протяжении долгих времен в этом народе действовали заповеди Иеговы. Если бы этот народ находился на той ступени, чтобы за шестьсот лет до Христа Будда мог бы апеллировать к собственной душе этих людей, то позднее этот народ был бы лишен сил молодости. Поэтому ему следовало дать заповеди, при соблюдении которых к собственной душе не апеллируют. Этот народ в Передней Азии должен был задержаться на более ранней ступени развития.

Гипотетически мы можем привести нечто подобное для отдельной человеческой жизни. Представьте, что некто захочет искусственно привести

человека к тому, чтобы в определенном возрасте он особо развивал творческие способности. Но нельзя даже пытаться делать это! Ведь тогда ребенок должен был бы развиваться совсем иначе, чем это обычно происходит. Ибо, если я пытаюсь навязать ему на седьмом году то, что сегодня дает ему школа, то тем самым я делаю его душу неспособной позднее развить в себе определенные силы. Поэтому мне надо подождать до десятого года его жизни, и тогда у этого ребенка будут совсем другие силы. Тогда он сохраняет в себе нечто от юных, свежих сил. И затем к нему приходят силы, которые являются творческими силами, которые иначе были бы убиты.

Так это происходило в Передней Азии. Древнееврейский народ был удержан в своем развитии. Он еще не мог принимать учение Будды о сострадании и любви; это было дано ему как заповедь. Он не воспринял призыв Будды развивать из себя учение сострадания и любви. Бодисаттва-Будда мог преподать это учение только в том месте земного развития, где люди наиболее продвинулись,. Когда потом вступили в развитие совсем другие силы, тогда это течение уже в ином месте соединилось с другим.

В чем следует искать нам теперь то, что изливается здесь через поколения народа? С чем оно связано? Каким образом человек воспринимает то, что связано со всем народом?

С первого до седьмого года человек окутан эфирной оболочкой, которую он затем сбрасывает. Его окружает еще астральная оболочка, которую он сбрасывает с наступлением половой зрелости. Только тогда рождается астральное тело. Если у человека с двенадцатого до пятнадцатого года родилось астральное тело, то существует место пребывания тех сил, которые присущи человеку вместе с его народностью. Эта астральная оболочка, которую человек теперь сбрасывает, содержит все свойства, которые до сих пор человек мог иметь в своем внутреннем. Эта оболочка делает человека сопричастным определенной народности. Что же происходит теперь с этой оболочкой, когда она сбрасывается? Внутри оболочки, которая теперь отбрасывается, содержится все, чем обладает человек совместно со своей народностью. Затем она соединяется со всеми оболочками, которые сбросили также его предки. Мы имеем, так сказать, цепь.

Когда до своего четырнадцатого года человек содержит это в себе, он привязан к этой цепи, которая восходит к его предкам. До какого колена предков она доходит? Она доходит до сорок второго поколения, до поколения, исчисляемого шесть раз по семь! Так человек связан со своими предками. Это знали в древние времена. Это мы знаем также сегодня из духовной науки. Поскольку человек связан со своими предками таким образом, древние египтяне в их Книге Мертвых предопределяли человеку после смерти явиться перед 42-мя судьями умерших.

Если должно обнаружиться определенное качество человека, как оно внутренне присуще народу, то эти предки должны располагаться так, чтобы все эти отдельные поколения выражали эти определенные качества народа. Если Заратустра должен был воплотиться, то это должно было совершиться в

оболочке, которая обладала существенными свойствами его народа.

Поэтому по Матфею Заратустра воплощается в сорок втором поколении после Авраама, которое обладало всеми качествами народа. Благодаря чему эти влияния вошли в третье течение.

ЧЕТЫРЕ РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ХРИСТА В ЧЕТЫРЕХ ЕВАНГЕЛИЯХ.

Первая лекция.

Берлин, 2 ноября 1909 г.

Рассмотрения, которые были предприняты в связи с Евангелием от Иоанна и Евангелием от Луки,^{5/} и общий строй изложенных мыслей подчинены следующей точке зрения: то, что мы обозначаем как Существо Христа Иисуса (насколько вообще в наше время возможно его человеческое понимание), является столь великим, обширным, огромным, что рассмотрение не может исходить из того, чтобы каким-либо односторонним образом сказать, кем был Христос Иисус и какое значение имеет его Существо для каждого отдельного человеческого духа и для каждой отдельной души. В наших рассмотрениях это оказалось бы как бы неуважением по отношению к величайшей мировой проблеме. Почтение и благоговение — вот те слова, которые выражают тот образ мыслей, из которого были даны наши рассмотрения. Благоговение и почтение, которые можно было бы выразить в настроении: стараться не ставить слишком высоко то, что является человеческим пониманием, когда находишься перед величайшей проблемой. Стараться все это, даже то, что может дать тебе столь высокая духовная наука — никогда не ставить слишком высоко, если речь идет о встрече с этой величайшей проблемой жизни. И не считать, что человеческое слово сможет сказать что-то, кроме характеристики этой величайшей проблемы лишь с одной стороны.

Во всех лекциях, которые читались в течение последних трех лет, центральным пунктом было Слово, явленное нам в Евангелии от Иоанна. Это Слово: "Я — свет миру". Понимание этого Слова Евангелия от Иоанна было целью всех лекций, которые были посвящены Евангелию от Иоанна. И прочитанных в связи с Евангелием от Иоанна лекций хватило, если отдаваться им полностью, разве для того, чтобы постепенно понимать эти слова, которые были высказаны, вероятно, лишь в предчувствии понимания, что означают в Евангелии от Иоанна слова: "Я — свет миру".

Когда вы видите излученный свет, понимаете ли вы, всматриваясь в этот свет, что то, что здесь светит — есть свет? И если вы постигли что-то о цвете и особенностях этого света, поняли ли вы, что здесь светит? Знаете ли вы Солнце, когда смотрите вверх на солнечный свет и принимаете белый

солнечный свет как откровение? Не могли ли бы вы представить себе, что это означает еще нечто иное — понимать светящееся как свет в светящемся? Так как Существо, о котором мы говорили, может сказать о себе: "Я — свет миру", мы были вынуждены понимать это слово, и вместе с тем мы не поняли о том Существом больше, чем это Его жизненное проявление: "Я — свет миру". Все, что приводилось в рассмотрении в связи с Евангелием от Иоанна, было необходимо, чтобы показать, что то Существо, которое содержит в себе мировую мудрость, есть свет миру. Но это Существо значительно больше, чем то, что могло быть охарактеризовано в Евангелии от Иоанна. И кто полагает, что из лекций о Евангелии от Иоанна он сможет понять или охватить Христа Иисуса, тот думает, что из отдельного жизненного проявления, которое он смутно распознает, он сможет понять в целом светящееся Существо.

Затем последовали лекции о Евангелии от Луки, и мы усмотрели в нем другое. Если то, что говорилось во всех наших рассмотрении Евангелия от Иоанна, можно рассматривать как некоторый путь к пониманию слов "Я — свет миру", то рассмотрение Евангелия от Луки, если воспринять их достаточно глубоко, можно было бы понимать, как перифразу слов: "Отче! Прости им, ибо не знают, что делают" (Лк. 23:34) или: "Отче! В руки Твои предаю дух Мой" (Лк. 23:46). То, что есть Христос Иисус, теперь не только свет миру, но он является Существом, которое приносит величайшую жертву самоотверженности, которая (без потери самого себя) может объединить в себе все, что было охарактеризовано как жертва самоотверженности — Существо, которое заключает в себе возможность величайшей жертвы, величайшей мыслимой самоотверженности и поэтому является источником сострадания и любви, которая разливается теплом над всей будущей человеческой и земной жизнью. Все, что могло быть заключено в этих словах, дает вторая сторона того, что мы называем Существом Христа Иисуса.

Таким образом, мы охарактеризовали это Существо, которое может реализовать великую жертву в своем сострадании, и которое светит силой своего света над всем человеческим бытием. Мы изобразили свет и любовь, как они были в Существом Христа Иисуса. И кто в полном объеме принимает рассмотрение Евангелий от Иоанна и от Луки, тот, в определенном отношении, может получить представление о том, что было во Христе Иисусе "светом" и что было в Нем "любовью и состраданием". Мы пытались понять эти два свойства в их универсальном значении во Христе Иисусе. То, что было сказано о Христе как о духовном свете миру, который как предвечная мудрость изливается во все вещи, чтобы жить и ткать в них, может оказаться духовным рассмотрением, которое снова сверкает нам навстречу из Евангелия от Иоанна, и не имеется никакой постижимой мудрости, которая не содержалась бы определенным образом в Евангелии от Иоанна. Вся мудрость мира содержится в этом Евангелии от Иоанна, ибо тот, кто рассматривает мудрость мира во Христе Иисусе, рассматривает ее не только так, как она реализовалась в древнейшем прошлом, но и как она реализуется в самом отдаленном будущем. Поэтому в рассмотрении, которые возникают из Евангелия от Иоанна,

воспаряешь в небесах, подобно орлу, над всем человеческим бытием. Так воспаряют, чтобы развить великие идеи, которые позволяют понять Евангелие от Иоанна, с преобразующими и всеохватывающими идеями о том, что происходит в отдельной человеческой душе. Преобразующие мировые идеи питают ту Софию, которая изливается в нас, когда мы приводим свои рассуждения в связь с Евангелием от Иоанна. И затем то, что струится из Евангелия от Иоанна, возносит нас на орлиные высоты, паря над тем, что происходит в ежедневной, сиюминутной и преходящей человеческой судьбе.

И когда мы затем опускаемся и рассматриваем отдельную человеческую жизнь от часа к часу, день ото дня, из года в год, от столетия к столетию, от тысячелетия к тысячелетию, если мы рассматриваем там в особенности те силы, которые называют человеческой любовью, тогда мы видим, как эта любовь тысячелетиями кипит и ткёт в живых человеческих сердцах и душах. Тогда мы видим, как эта любовь, с одной стороны, совершает самые великие, самые знаменательные, самые героические дела в человечестве, видим, как величайшие жертвы человечества вытекали из любви к тому или иному существу, к тому или иному делу. Затем мы видим, как эта любовь совершает высшее в человеческих сердцах, но в то же время она является чем-то вроде обоюдоострого меча: вот — мать; она искренне, глубоко любит своего ребенка. Ребенок совершает какой-либо проступок; мать любит своего ребенка, она при своей глубокой, пылкой любви не может ребенка наказывать. И этот ребенок совершает второй проступок, и снова глубокая любовь матери не позволяет ей наказать ребенка. И так это продолжается дальше, ребенок подрастает, становится негодником, нарушителем спокойствия в жизни. Касаясь таких важных вещей, нежелательно брать примеры из современности, поэтому приведём отдаленный пример. В первой половине 19-го столетия жила мать, которая глубоко и искренне любила своего ребенка. Следует категорически заметить: ничто не может переоценить эту любовь, при всех обстоятельствах любовь принадлежит к высшим человеческим качествам. Итак, эта мать любила своего ребенка и ее сердце не позволило ей наказать свою дочку из-за маленькой кражи, которую та совершила в семье. Затем она совершила вторую кражу, и мать снова не смогла наказать; в результате девочка становится пользующейся дурной славой отравительницей. Она стала ею из-за материнской любви, не направляемой мудростью. Любовь осуществляет величайшие дела, если они проистекают из мудрости. Но значение именно той любви, которая излилась в мир с Голгофы, заключалось в том, что она, в сущности, соединена со светом мира, с мудростью. Поэтому принимая во внимание Христа Иисуса, рассматривая оба эти свойства и осознавая, что любовь является высочайшим в мире, мы в то же время узнаем, что любовь и мудрость в самом глубоком смысле составляют одно целое.

Так что же мы поняли, проведя все эти рассуждения Евангелий от Иоанна и от Луки? Мы поняли не что иное, как то качество Христа Иисуса, которое можно назвать универсальным светом мудрости, универсальным теплом любви, которые струились в нем, как ни в каком другом существе в мире,

качество не доступное никакой человеческой силе познания. И если, в связи с Евангелием от Иоанна, мы говорим о великих, сильных идеях, которые как бы на орлиных высотах парят над человеческими головами, то, опираясь на Евангелие от Луки мы находим то, что в каждое мгновение обращается к каждому человеческому сердцу. И значительность Евангелия от Луки в том, что оно наполняет нас теплом, которое является внешним выражением любви, в понимании той любви, которая готова на величайшую жертву, которая готова пожертвовать собой и не хочет ничего другого, кроме самопожертвования.

Если представить образ того настроения, того душевного состояния, которое связано с Евангелием от Луки, если мы рассматриваем его в правильном смысле, то он предстает перед нами в образе Митры, где фигурирует мчащийся жертвенный бык. Мы видим сидящего на нем человека, наверху — ход великих мировых событий, а внизу — ход земных событий. Человек вонзает свой топор в тело истекающего кровью жертвенного быка, отдающего свою жизнь, чтобы человек смог преодолеть то, что он должен преодолеть. Когда мы рассматриваем этого, находящегося под человеком жертвенного быка, который должен быть принесен в жертву, чтобы человек смог идти своим жизненным путем, у нас возникает примерно то расположение чувств и душевное состояние, которое придает правильное основное настроение для рассмотрения Евангелия от Луки. Люди, которые понимали то, чем был жертвенный бык во все времена для людей, которые понимали то, что заключается в жертвенном быке, в выражении всеобъемлющей любви, такие люди понимали нечто от описания свойств любви, которое должно возникать из рассмотрения Евангелия от Луки. Ибо должно было изображаться не что иное, как второе свойство Христа Иисуса. Тот, кто знает в Существе лишь два свойства, знает ли все Существо? Поскольку в этом Существе нам предстает величайшая загадка, были необходимы объяснения к пониманию двух свойств. Но никто не должен преувеличивать своих возможностей считая, что путем рассмотрения двух его свойств, он способен рассматривать в упор само это Существо.

Мы изобразили два свойства Христа Иисуса и не преминули сделать все то, что могло привести нас к предвидящему пониманию высокого значения этих двух свойств. Но не будь у нас слишком большого уважения и почтения перед самим этим Существом, мы поняли бы уже нечто из других свойств, которые это Существо хранит в себе еще. Так было бы возможно еще третье, и это третье связано с чем-то, что еще не рассматривалось в нашем движении, оно может быть охарактеризовано только в общем. Можно сказать, что в описании Христа Евангелия от Иоанна, он описан как высокое Существо, но как Существо, которому служит царство исполненных мудростью Херувимов. Так изображают его согласно Евангелию от Иоанна, с настроением, вызываемым парящими в орлиных высотах Херувимами. Когда его изображают в духе Евангелия от Луки, то изображают, как расширяется теплый огонь любви из сердца Христова. Здесь изображают то, чем Он был для мира благодаря тому, что действовал на тех высотах, где пребывают Серафимы. Огонь любви Серафимов устремляется в мир, и это возвещается нашей Земле Христом

Иисусом.

Теперь мы должны были бы изобразить это третье: то, чем стал Христос для земного мира посредством того, что Он был не только светом мудрости, теплом любви, не только херувимским и серафимским элементом в земном бытии, но что Он "был" и "есть" в нашем земном бытии, если мы рассматриваем Его во всей Его силе, что можно обозначить как "действующего через царство Престолов", через которое приходит в мир все сильное и всякая сила, чтобы исполнить все то, что пребывает в духе мудрости, в духе любви. Это три высших духовных иерархии: Херувимы, Серафимы и Престолы. Серафимы ведут нас внутрь, в глубины человеческого сердца своей любовью, Херувимы ведут нас вверх, на орлиные высоты. Из царства Херувимов сияет мудрость. Жертвой становится исполненная смирения любовь, это символизирует нам жертвенный бык. Лев же символизирует нам всей своей символикой силу, которая пульсирует в мире, чтобы реализовать все, это — творческая сила, пульсирующая в мире. Та сила, которая ниспослана нашей Земле Христом Иисусом, сила, которая все упорядочивает и направляет, которая означает высшее во власти, если оно развивается: это изображено нам автором Евангелия от Марка как третье свойство в Христе Иисусе.

Когда мы в духе Евангелия от Иоанна говорим о высоком солнечном Существо, которое мы называем Христос, как о свете земного Солнца в духовном смысле, когда в духе Евангелия от Луки мы говорим о тепле любви, которое ширится от земного Солнца Христа, то когда мы говорим в смысле Евангелия от Марка, мы говорим о силе земного Солнца в самом духовном смысле. Все то, что присутствует в силах в Земле, что ткет здесь и там в тайных и явных земных силах и властях, вот что предстало бы перед нами при рассмотрении Евангелия от Марка. Можно отважиться, хотя бы только в предчувствии, понимать идеи, которые пришли на Землю — как земные мысли Христа, когда мы восходим к нему в духе Евангелия от Иоанна, можно ощутить теплое веяние жертвенной любви, позволяя струиться через себя теплу Евангелия от Луки, можно провидеть мышление Христа в Евангелии от Иоанна, чувствование Христа через Евангелие от Луки, так же с волей Христа мы знакомимся через Евангелие от Марка. Здесь мы познаем отдельные силы, которыми Он реализует любовь и мудрость.

Три свойства мы бы провидчески постигли, присоединив к рассмотрениям Евангелий от Иоанна и от Луки рассмотрение Евангелия от Марка. Мы сказали бы тогда: в почтении мы приблизились к Тебе и получили представление о Твоем мышлении, чувствовании и воле, как эти три свойства Твоей души представляются нам как величайшие земные прообразы.

Наши рассмотрения мы определили так, как если бы мы рассматривали человека в совсем малом и сказали: он состоит из души ощущающей, рассудочной и самосознающей. А теперь рассмотрим характерные особенности души ощущающей, души рассудочной или характера и души сознательной. Если мы применяем слова "душа сознательная" ко Христу, то мы можем сказать: к ее провидческому пониманию мы приходим в Евангелии от Иоанна;

душа характера Христа: к ее пониманию мы приходим через Евангелие от Луки; душа ощущающая со всеми ее силами воли — открывается нам через Евангелие от Марка. Последнее, если мы сумеем его однажды рассмотреть, даст нам разъяснение об открытых и скрытых силах природы, которые действуют в нашем мире, концентрируясь в единственной индивидуальности Христа, даст нам разъяснение о Существовании всех сил, которые есть в мире. В Евангелии от Иоанна мы пребываем в мыслях, в Евангелии от Луки углубляемся в чувства этого Существа, и, поскольку при этом человеку не требуется входить столь глубоко в эту индивидуальность, эти рассуждения по отношению к тому, что предстает перед нами в Евангелии от Марка, являются как бы системой всех скрытых природных и духовных сил мира. Все это есть в Акаша хронике. Все это для нас отразится, если мы позволим воздействовать на нас могущественному документу Евангелия от Марка. Затем мы, провидя, поймем, что сконцентрировано в отдельном Существовании Христа: то, что обычно распределено по отдельным существам мира. Мы сможем понять (и это явится нам в высшем блеске и свете) то, что мы познали как элементарные направляющие и опорные линии различных существ. Когда мы открываем Евангелие от Марка, которое содержит тайны всей мировой воли, мы с благоговением приближаемся к мировому центру, Христу Иисусу, постепенно постигая в то же время свое мышление, чувство и волю.

Когда мы рассматриваем мышление, чувство и волю в их взаимодействии, это дает нам, примерно, образ целого человека. Но мы не можем рассматривать мышление, чувство и волю (также у отдельного человека) раздельно. Если мы все это объединим, нашего взгляда будет уже недостаточно, чтобы суметь обозреть это. Если мы облегчим нашу задачу, рассматривая три свойства раздельно и каждое само по себе, то наш образ побледнеет, когда мы станем рассматривать эти три свойства, объединяя их в человеческой душе. Мы делаем это ради себя, так как не имеем достаточно сил, чтобы рассматривать все вместе, так как если мы объединяем свойства, то образ бледнеет.

После того, как мы рассмотрели три Евангелия, Евангелие от Иоанна, от Луки и от Марка, и вследствие этого получили предчувствие о мышлении, чувствовании и воле Христа Иисуса, можно резюмировать, что эти три свойства можно снова привести в гармонию. Здесь в силу необходимости образ должен становиться неясным и бледным, ибо никакой человеческой силы не будет достаточно, чтобы смочь объединить то, что было нами разделено. Ибо в существе есть лишь единство, и нет никакого разделения; в конце концов, только мы можем объединить это в единство. Но тогда это перед нами поблекнет. Но зато, в конце концов, перед нами возникает то, что было Христом Иисусом, лишь как земным человеком, лишь человеком.

Рассуждение того, кем был Христос Иисус как человек, как он действовал, как человек в течение 33 лет своего земного бытия, может быть развито в связи с Евангелием от Матфея. То, что содержится в Евангелии от Матфея, дает нам внутренне гармоничный образ человека. Если в Евангелии от Иоанна мы бы

изобразили принадлежащего всей вселенной космического Богочеловека, если в Евангелии от Луки мы должны были изобразить приносимое в жертву отдельное Существо любви, а в Евангелии от Марка — мировую волю в отдельной индивидуальности, так в Евангелии от Матфея перед нами раскрывается истинный облик человека из Палестины, того человека, который жил здесь 33 года, в котором присутствует единство того, что мы можем получить из рассмотрения трех других Евангелий. В связи с Евангелием от Матфея облик Христа Иисуса предстает перед нами вполне по-человечески, как единичный земной человек, которого, однако, нельзя понять, если это не предварялось другими рассмотрениями. Даже если отдельный земной человек потом поблек, то все же и в этом блеклом образе воспроизведено то, что было получено из других рассмотрений. Образ личности Христа может дать лишь то рассмотрение, которое опирается на Евангелие от Матфея.

Так теперь представляется предмет, который мы должны были охарактеризовать иначе, прежде, чем подойти к первому Евангелию. Теперь, после рассмотрения второго Евангелия, мы можем сказать, как эти Евангелия внутренне относятся друг к другу, и лишь тогда мы сможем получить образ Христа Иисуса, когда, будучи соответствующим образом подготовленными, мы подойдем к человеку, который стал здесь, на Земле, Христом Иисусом. В рассмотрениях, опирающихся на Евангелие от Иоанна, навстречу нам выступает Богочеловек, а в связи с Евангелием от Луки — то Существо, которое объединяет в себе течения, вливающиеся со всех сторон в том, что развилось на Земле в зороастризме, буддизме, в учении сострадания и любви. Все, что было здесь прежде, выступало нам навстречу, когда мы входили в рассмотрения, принимая во внимание Евангелие от Луки. Когда же рассматривалось Евангелие от Матфея, то нам прежде всего интимно и точно предстало то, что родилось из недр его собственного народа, из древнееврейского народа: человек Иисус, как он коренится в своем народе, человек Иисус, каким он должен быть именно в древнееврейском народе. И мы узнаем, почему кровь древнееврейского народа должна была быть применена совершенно определенным образом, чтобы послужить земному человечеству именно этой кровью Христа Иисуса.

При рассмотрении Евангелия от Матфея перед нами предстает существо еврейской древности; но не только существо еврейской древности, но миссия этого народа для всего мира, рождение нового времени, рождение христианства из древнееврейского мира. И если можно воспламениться великими, знаменательными, всеохватывающими идеями от Евангелия от Иоанна, если можно проникнуться чувством самой теплой, безгранично теплой жертвенной любви благодаря Евангелию от Луки, если можно приобрести познание сил всех существ и царств рассмотрением Евангелия от Марка, то теперь мы приобретаем познание и ощущение того, что живет здесь в человечестве и в человеческом развитии на Земле через Христа Иисуса в Палестине. Кем был Христос Иисус как человек, все тайны человеческой истории и человеческого развития содержатся в Евангелии от Матфея. Если в Евангелии от Марка

содержатся тайны всех царств и существ Земли и Космоса, который принадлежит к Земле, то в Евангелии от Матфея нужно искать тайны человеческой истории. Если Евангелие от Иоанна учит идеям Софии, Евангелие от Луки учит мистериям жертвы и любви, Евангелие от Марка учит силам Земли и мира, то принимая во внимание Евангелие от Матфея, мы познаем человеческую жизнь, человеческую историю, человеческую судьбу.

Если бы в течение семи лет нашего духовнонаучного движения четыре года использовались для выработки направляющих и опорных линий, а три года для их углубления, как свет, который должен быть пролит на различные области жизни, то теперь могло бы последовать рассмотрение Евангелия от Марка. Затем все строение могло бы увенчаться, в конце концов, рассмотрением Христа Иисуса, принимая во внимание Евангелие от Матфея. Но человеческая жизнь несовершенна, и этого, увы, не произошло, по меньшей мере — не у всех, находящихся в духовнонаучном движении, так что невозможно, без возбуждения недоразумений, тотчас же перейти к рассмотрению Евангелия от Марка. Мы бы полностью не поняли облик Христа, если бы считали, что из рассмотрения Евангелия от Иоанна или от Луки могло бы последовать какое-либо знание о Существо Христе Иисуса. И если бы думали, опять-таки, что можно односторонне применять все то, что должно было быть высказано, исходя из Евангелия от Марка. И недоразумения были бы еще большими, чем они уже были. С учетом этого должен быть избран другой путь. Теперь следует, насколько это возможно, рассмотреть Евангелие от Матфея. Вместе с тем, невзирая на великие глубины Евангелия от Марка, надо избежать того, чтобы опять кто-либо считал, что одним свойством может быть изображен весь человек. Тогда можно будет избежать всяких недоразумений. И прежде всего, насколько это возможно, следует поразмыслить о происхождении Христа Иисуса из древнееврейского народа, о том, что можно называть рождением христианства в Палестине. Этому должны в дальнейшем посвящаться наши рассмотрения Евангелия от Матфея, и тем самым мы должны будем избежать принятия одного из свойств за рассмотрение всего Существа. Тогда легче будет следовать тому, что будет сказано в отношении Евангелия от Марка.

МИССИЯ ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

Третья лекция.

Берлин, 9 ноября 1909г.

В предыдущей лекции уже говорилось о том, что мы собираемся предпринять несколько рассматриваний Евангелий, и указывалась причина, почему мы хотим это предварить кое-чем из Евангелия от Матфея. В определенном отношении в этом Евангелии перед нами предстает самая человеческая сторона Христа Иисуса. С другой стороны, в нем также дан полный

обзор исторических событий, которые показывают, как из самого человечества вырастает Христос Иисус. Так как здесь тем самым показано, как величайшее явление земного развития выросло из истории, то легко предположить, что именно в этом Евангелии перед нами могут выступить более глубокие тайны становления человечества.

Сегодня я бы также настоятельно подчеркнул, что вещи, которые высказываются в этом случае — весьма деликатны, и можно очень легко нанести большой вред духовнонаучному движению, если то, что касается этих тайн, представить миру каким-либо односторонним образом. Поэтому любое сообщение об этих вещах должно сопровождаться величайшей осторожностью. Было бы не слишком преувеличенным требованием, если бы каждый обрел в себе терпение только тогда позволять себе сообщать что-либо об образе Христа, если он получил его охарактеризованным с четырех сторон, которые даны в четырех Евангелиях. В рассмотрении Евангелия от Луки уже просматривается, как оба великие дохристианские духовные течения — зороастризм и то, что достигает своего дохристианского завершения в буддизме, — слились, чтобы влиться в великий христианский поток земной духовной жизни.

Евангелие от Матфея имело дело, прежде всего, с совсем другой темой: показать именно то, как эта телесность, в которой воплотилась индивидуальность Зороастра, вырастает из древнееврейского народа. Таким образом ставилась задача указать, какое участие принимает древнееврейский народ в общем развитии человечества. Кто-то легко мог бы подумать, что, если индивидуальность Зороастра воплотилась в Иисусе из Вифлеема, то из древнееврейского народа была рождена только телесность и что этим сказано не что иное, как то, что Зороастр был повторно рожден в телесности, которая выросла из древнееврейского народа. Желая вкладывать такой нюанс, мы получили бы совершенно искаженный образ истины.

Благодаря таким рассмотрением нам должно становиться все яснее то, что такой индивидуальности, как Заратустра, телесность требуется в качестве инструмента. Если из высших миров, из самого наиболее божественных миров нисходит на Землю какая-либо индивидуальность и воплощается в неподходящей телесности, то она не сможет делать в ней ничего иного, как то, инструментом чего может быть эта телесность. Тот ошибочный чувственный нюанс, о котором говорилось, мог бы легко породить различные недоразумения. В теософском движении долго не понимали, что телесность человека — это храм души. Нужно учесть то, что нами уже столь часто подчеркивалось: то, что человеческое "я" живет в трех оболочках, каждая из которых старше, чем само "я". Это "я" — земное существо, самый младший среди человеческих членов. Астральное тело взяло свое начало на древней Луне, эфирное или жизненное тело — на древнем Солнце, то есть уже пережило три планетарных этапа развития; физическое тело является, в своем роде, самой совершенной частью, оно пережило четыре планетарных этапа развития. Физическое тело формировалось от зона к зоне, так что сегодня оно

является совершенным инструментом, в котором человеческое "я" может развиваться, позволяя людям снова постепенно подниматься к духовным высотам. Если бы физическое тело было столь несовершенным, как астральное тело и "я", то человеческое развитие на Земле было бы невозможным.

Приняв это с полной серьезностью, вы не сможете больше соединять ошибочную душевную установку с представлением, что Зороастр мог произойти из древнееврейского народа. Тот народ должен был обладать именно такими качествами, какими он обладал, если ему надлежало обеспечить телесностью такое существо, как Заратустра. Если мы представим себе, что это существо, с того времени, когда оно было еще учителем древнеперсидского народа, развивалось все выше, то мы должны сказать, что было необходимо снабдить его инструментом из народности, соизмеримой величине его существа. Надо было создать для него пригодный инструмент. На протяжении развития Сатурна, Солнца, Луны и Земли боги заботились о том, чтобы вообще сформировать физическое тело человека. Из этого мы можем, пожалуй, сделать вывод, что глубокая внутренняя подготовка человеческого тела делала кое-что необходимым в духовно-божественной работе, чтобы образовать человеческое тело в особой форме, как оно некогда служило Заратустре.

Чтобы такое было возможно, вся история древнееврейского народа должна была протекать именно так, как она и протекала. Акаша хроника указывает нам, что то, что стоит здесь в Ветхом Завете, действительно совпадает с историческими фактами. В древнееврейском народе все должно было направляться к тому, чтобы, в конце концов, завершиться в личности Иисуса из Вифлеема. Но для этого были необходимы особые условия. Было необходимо, чтобы из общей суммы культур послеатлантического времени было взято то, что больше всего было способно развивать в человечестве силы, для того, чтобы человечество смогло поставить кое-что на место древних ясновидческих способностей. Для этого был избран именно древнееврейский народ, который мог предложить такую телесность, организованную вплоть до тончайших мозговых волокон таким образом, чтобы то, что мы называем познанием мира, осуществлялось без влияния древнего ясновидения. Это должно было быть миссией этого народа. Действительно, в прародителе этого народа, в Аврааме, была избрана такая индивидуальность, что ее телесность являлась подходящим инструментом рассудочного мышления. Во всем, что прежде было великим и значительным, еще присутствовало последствие древнего ясновидения. Но теперь должна была быть избрана личность, мозг которой был в высшей степени предназначен для того, чтобы не позволять проникать и вмешиваться ясновидческим имагинациям и интуициям, он предназначался для чисто рассудочного рассмотрения вещей. Но для этого требовался особо устроенный мозг, и должна была быть избрана личность, которая обладала этим мозгом. Мы должны видеть таковую в Аврааме, или Аврааме.

С наблюдениями в Акаша хронике согласуется также направление, откуда пришел этот Авраам; первоначально он шел с той стороны Евфрата на запад, по направлению к Ханаану. Авраам был приведен, как говорится в Библии, из

Ура Халдейского. В то время, как в египетской, так и в халдейско-вавилонской культуре были еще отзвуки древнего сумеречного ясновидения, однако из халдейского народа был отобран индивидуум, который больше основывался не на нем, но на наблюдениях явлений внешнего мира. Тем самым было положено начало той культуре, чьи плоды еще и по сей день включены во всю нашу западную культуру и цивилизацию. Всяческое комбинаторное мышление, математическая логика — начаты Авраамом; в известном смысле вплоть до средних веков он просматривается как представитель арифметики. Все предрасположение его мышления было именно таковым — рассматривать мир согласно соотношению меры и числа.

Такого рода личность была приспособлена к тому, чтобы приобретать живое отношение к тому божеству, которое должно было обнаруживаться через посредничество внешнего мира. Все другие божества, кроме Яхве, заявляли о себе из внутреннего человеческого души, и, чтобы кое-что знать о них, следовало пробудить в своей душе имагинацию, интуицию и так далее. В древней Индии, созерцая, видели, как восходит Солнце, видели различные царства Земли, процессы воздушного окружения, моря и так далее, но все это рассматривали как великую иллюзию, майю, в которой индеец не нашел бы ничего от божественности, если бы не приобрел ее через внутреннюю имагинацию и не привел ее затем к отношению с явлениями внешнего мира. Также и в случае Заратустры следует думать, что он не смог бы указать на великое Солнечное Существо, если бы в его внутреннее не было вхоже великое Существо Ахура Маздао. Но особенно мы видим это в египетских божествах, которые полностью извлечены из внутренних душевных переживаний и в дальнейшем приведены в отношение с внешними вещами.

Все, что было явлено в доеврейских божествах, должно быть понято с этой точки зрения. Все же, Яхве — это то божество, которое видят снаружи, оно приближается к человеку снаружи, обнаруживаясь в ветре и в погоде. Если человек проникает во все, что имеется во внешнем мире в числе, мере и весе, он приближается к Богу Яхве. В прежнее время процесс был противоположным. Брахму сначала узнавали во внутреннем души и только затем выходили вовне. Яхве же узнают сначала снаружи, и только потом находят подтверждение ему также и в собственном внутреннем. Такова духовная сторона того, что именуется союзом Яхве с Авраамом. Этот человек был именно той личностью, которая могла постигать и понимать Яхве. Телесность Авраама была такова, что он мог понимать Яхве или Иегову как Бога, переживающего мировые явления и ткущего их вовне.

Теперь речь идет о том, чтобы из этой характерной особенности данного человека, Авраама, заключить о миссии всего народа. Было необходимо, чтобы духовная конституция Авраама была перенесена также и на других. Последняя, однако, связана с физическим инструментом; ибо все, что должно выноситься наружу, связано со вполне определенной организацией физического тела. Древние религии, формируемые на основе сумеречного ясновидения, не должны были придавать столь большой вес тому, были ли сформированы

отдельные части мозга тем или иным образом; но понимание Иеговы было строго привязано к конституции физического мозга. Только на пути физического наследования внутри связанного кровным родством народа мог происходить перенос таких свойств.

Здесь должно было происходить нечто совершенно особое. Авраам должен был иметь потомство, развивающее далее ту особую конституцию физического тела, которую до тех пор формировали боги и которая была у Авраама на высшей стадии расцвета. Строение своего физического тела люди должны были теперь как бы взять в свои руки, чтобы вести дальше то, что до сих пор делали боги, и притом это должно было происходить на протяжении многих поколений. Понимающий Яхве мозг должен был сохраняться при физическом наследовании. Союз Яхве с Авраамом должен был переходить также и на потомков. Но этому еще способствовала и неслыханная преданность индивидуальности Авраама Яхве; ибо мы достигаем возможности все больше и больше развивать определенную конституцию только тогда, когда употребляем ее в том духе, в котором она была создана. Если хотят приспособить руку, например, для определенной цели, то это может происходить только тогда, когда мы совершенствуем ее в том смысле, в котором она создана. Если хотели развивать физические свойства мозга как восприимчивика Яхве, то эта преданность и это понимание Яхве должны были достигать у Авраама, по возможности — наивысшей степени.

Так это и происходило. Библия повествует, как это происходило. Преданность становится превыше всего тогда, когда жертвуют тем, в чем нуждаются для будущего. Авраам должен принести в жертву Яхве своего сына Исаака. Этим принес бы в жертву весь древнееврейский народ и все, чем был сам, и что должно было благодаря ему быть принесено в мир. Первым знатоком Иеговы был Авраам. Если он хотел предаться ему полностью, то должен был полностью отдаться ему. Принося в жертву своего единственного отпрыска, он отказывался от продолжения своего рода в мире.

И он так далеко пошел в своей преданности, что собрался принести в жертву Исаака; это была его воля. И он получает Исаака обратно. Что это значит? Это означает нечто весьма неслыханное. Он получает его обратно от Яхве, то есть, Авраам идет настолько далеко, чтобы миссию, которую он имеет в силу индивидуальности своего Я, переносить далее на будущие поколения не через себя, но принять ее как дар Яхве, или Иеговы, в своем собственном сыне. Кто это обдумает, тот заметит, что здесь имеет место всемирно-исторический факт, который глубоко освещает тайны исторического становления человечества.

Теперь мы видим, как события развиваются дальше. Благодаря этой преданности Авраама Яхве становится возможным действительное продолжение того, что до сих пор создавали боги. То, чем является физическое человечество, рождалось из Вселенной. Мы ведь знаем, как то, что является человеческой телесностью на Земле, связано числом, мерой и весом со всеми законами, которые царят в звездных мирах. Человек рожден из звездных миров; он несет в себе законы звездных миров. Законы звездных миров должны были,

так сказать, на протяжении поколений древнееврейского народа вписываться в струящуюся от Авраама кровь. В древнееврейском народе все должно было быть упорядочено таким образом, чтобы струился дальше поток закономерностей, который из Вселенной, согласно соразмерности числа, меры и веса, организовал человеческое физическое тело в духе звездного порядка. Мы снова находим это в изречении, которое в Библии столь чудовищно искажено. Там это означает, /6/ что Бог хочет сделать израильтян столь многочисленными, как звезды в небе. Но при этом имеется в виду, что в том способе, каким они размножаются и распространяются по Земле, он хочет позволить править законам, числовым соотношениям, как они господствуют в звездах на небе. Еврейский народ в своем размножении должен быть упорядочен соответственно числовой гармонии звезд.

Мы видим, как это происходит. У Исаака было два сына, Иаков и Исав. Мы также видим, как — как исключаются родственники линии Исава и выделяется избранная линия — как формируется далее все то, что здесь струится в крови поколений. У Иакова было двенадцать сыновей соответственно двенадцати секторам Зодиака, по которому Солнце перемещается в небе, чтобы устанавливать порядок звезд. Это внутренняя закономерность. Она действительно является для нас в жизни и в способе наследования древнееврейского народа отражением числа и меры, как они господствуют в небе. Авраам был готов принести в жертву своего сына Исаака. Этим он снова принял у Яхве свою миссию. Вместо Исаака был принесен в жертву овен, или ягненок. Что это значит?

Здесь скрывается нечто чрезвычайно глубокое. Та человеческая телесность, которая должна была наследоваться и с которой были связаны способности, которые обуславливают понимание мира согласно мере и числу, согласно математической логике, должна была сохраняться и приниматься как дар Яхве. Но, чтобы сохранить её от смешения с чем-либо иным, был необходим отказ от какого-либо сумеречного древнего ясновидения, отказ от любых имагинаций, интуиций, от любого проникновения таких откровений, каковые имеют место во всех остальных религиях древних времен, вплоть до халдейской и египетской. Следовало отказаться от любых даров духовного мира. Последний дар духовного мира, который еще остается, когда все прежние скрыты, обозначается в мистической символике Овном. Два рога Овна означают жертву двулепесткового лотоса. Приносится в жертву последний ясновидческий дар, после того, как прежние были уже ранее оставлены. Чтобы получать телесность в этой ее организации в Исааке, здесь приносится в жертву последняя ясновидческая способность, дар Овна — двулепестковый лотос.

Итак, народ продолжает жить со своей миссией, которая заключается в том, что от поколения к поколению передаются именно эти Авраамовы способности. В тот момент, когда снова атавистически выступает этот дар ясновидения, когда снова кто-либо заглядывает в духовные миры, возникает немедленная реакция: эта личность прежде всего исключается, она становится нетерпимой в народной общности. Антипатия к этому дару Овна действует в

виде вражды. Это имеет место в истории Иосифа. В его сновидениях у него были пророческие озарения из духовного мира. Он, само собой разумеется, изгоняется из народа, так как то, чем он обладал, из собственной миссии древнееврейского народа выпадало. Он отвергается своими братьями, так как в нем снова выступает унаследованный древний дар ясновидения. Поэтому Иосиф должен был уйти в Египет, поскольку он выпадал из миссии своего народа.

Сколь знаменательны эти вещи, которые нам здесь рассказаны! Итак, далее мы видим, как именно той личностью, у которой в унаследованном издревле сохранилось то, на что древний еврейский народ мог лишь озираться как на то, что было до Авраама, как благодаря этой личности, Иосифу, снова достигается то, что было столь необходимо для развития древнееврейского народа ради исполнения его миссии. Для древнееврейского народа были известным образом закрыты врата в тот мир, который вел к тому, чтобы через древнее сумеречное ясновидение дать индусам и персам их религию. Здесь врата были закрыты. Здесь взирали в мир, упорядоченный мерой и числом, и как единство, в которое все упорядочивали, усматривали Яхве, или Иегову. Единственное, что еще осознавали, было следующее: то, что замечали вовне, что выступало навстречу каждому в Яхве как творце мировых явлений, было одним и тем же человеческим "я". Но никакие имагинации этого, никакие собственные внутренние переживания внутри этих народных общностей не вставали. В то время, я настоятельно это утверждаю, никаких собственных переживаний этого не было. Поэтому учиться этому нужно было также вовне, нужно было учиться у того народа, который еще имел эти переживания.

Таким образом личность Иосифа образует связующее звено между древнееврейским народом и египтянами, то есть народом, у которого можно было учиться тому, переживаний чего древнееврейский народ был уже лишен. То, что сегодня, имея собственные внутренние переживания, мы можем сами сопоставлять, сопоставлять познания, переживания внешнего мира и переживания внутренней имагинации, это нужно было сопоставлять, обращаясь к народу, который еще имел эти переживания в высшей степени — к египетскому народу. Нужно было приводить такие внутренние способности в гармонию с тем, что было достигнуто математической логикой. Но к этому египетскому народу могла вести только такая личность, которая еще имела кое-что от такой имагинации. Иосиф был настоящим связующим звеном, так как еще обладал такими способностями. Ибо он мог служить египтянам, так как был в состоянии делать двойное: во-первых, он имел древний дар ясновидения из времен до Авраама. Он мог осваиваться в том, чего древний египетский народ достигал даром ясновидения. Но то, чего этот народ был лишен, было математической логикой, то есть этот народ не мог применять в физической жизни то, чем он владел, как имагинацией. Фараон действительно был неспособен упорядочивать вещи, как нечто наступившее, дотоле не существовавшее. Можно обладать имагинациями, но, когда наступал определенный беспорядок, то для того, чтобы размышлять разумным образом,

оперировать мерой и числом, упорядочивать условия — требовалась другая способность, которой египтяне не владели, но которая была у Иосифа. Поэтому он был способен давать правильные советы при египетском дворе. Таким образом он был настоящим связующим звеном между древнееврейским народом и египтянами. Вследствие этого он мог достичь того, чтобы учение Яхве, или Иеговы, которое до тех пор было обобщением внешней действительности, математической системой мира, получило красочность и содержание от внутренней имажинации, которую имели в Египте.

Эту связь и созвучие между древне-египетскими переживаниями и познаниями мировой взаимосвязи принес Моисей. Когда это было сделано, народ снова мог вернуться к тому, чтобы узнанное в Египте, но не пережитое, перерабатывать по-своему. Ибо речь шла именно о том, чтобы сохранять этот дар несмешанным другими народами, чтобы оставалась неискаженной характерная особенность крови. Но должно было быть спасено и то, что смогли добыть древние народы. Так наследие древних времен, то, что было в сокровищах мудрости в египетском народе, было привито Моисеем древнееврейскому народу с его математико-логическими способностями. Но затем народ должен был снова выделиться, ибо должно было наследоваться то, что как новая способность было возможно благодаря одному лишь авраамитскому народу.

Итак, этот народ жил дальше. Посредством того, что этот народ все больше утончал предварительные условия и кровь этого народа все больше направлялась этими предварительными условиями, что народ формировался так, как он сформировался в ряде поколений, в определенный момент это позволило произойти из крови этого народа телесности ребенка Иисуса, в которую могла вступить личность Заратустры, или Зороастра. Для этого народ должен был сделаться сильным и мощным.

Если, следуя Евангелию от Матфея, мы проследим далее время судей и царей и различные судьбы древнееврейского народа, то увидим, что и те обстоятельства, которые вынуждают этот народ часто отклоняться, были как раз необходимы, чтобы привести к тому, что в итоге осуществилось. В частности, необходимо было также и то, чтобы народ этот претерпел беду — вавилонское пленение. Мы увидим, как формировалась характерная народная особенность, и сколь необходимым было здесь столкновение с другой стороной древней традиции, которая бытовала в Вавилоне, когда народ созрел, чтобы вновь соединиться с тем, что он покинул. Это — одна сторона дела. Другая сторона состоит в том, что именно в то время, когда древнееврейский народ соприкоснулся с вавилонским, там учил великий, сильный учитель Востока и несколько лучших представителей еврейского народа могли еще озаряться светом этого великого учителя. Это было время, когда в тех местах, куда были уведены евреи, учил Заратустра, которого еще называли Назаратос, или Заратос.

Несколько лучших пророков пребывали под его влиянием. Он мог еще многое сделать в этом народе из того, что требовалось, когда кровь уже

произвела определенное действие, и затем должны были подключиться определенные влияния извне.

Пожалуй, мы не очень ошибемся, если сравним это развитие с развитием постепенно взрослеющего подростка. Сначала перед нами ребенок, который родился. До семи лет ребенок подрастает, будучи окружен телесным уходом со стороны родителей. Это — преимущественно влияния физического плана. Затем начинается развитие, которое наступает благодаря тому, что сперва правильным образом рождается эфирное тело. Развитие основывается на том, что образуется память, и то, что может развиваться в эфирном теле, укрепляется правильным образом. В третьем периоде человек своим астральным телом вступает в отношение к внешнему миру; теперь он должен осваивать то, что можно назвать способностью суждения.

В известной мере древнееврейский народ проделал этот путь весьма своеобразно. Сначала он переживает первый период, от Авраама до времени первых царей. Это сравнимо с первым периодом индивидуальной жизни, до семи лет. Здесь происходят вещи, которые в состоянии укреплять характерные особенности крови. Все, что об этом рассказано — странствие Авраама, образование двенадцати колен, принятие заповедей через Моисея, блуждания в пустыне — можно сравнить с тем, что в первые семь лет жизни вливается в человека с физического плана. Затем наступает второй период: внутреннее укрепление, царствование — до вавилонского пленения. Затем на еврейский народ оказывает влияние халдейство, восточный магизм. И проводником, который уже тогда, с 550 до 600 годов до нашего летосчисления, позволил воздействовать на еврейский народ этому восточному влиянию, была индивидуальность Заратустры. Уже тогда он заранее готовился к тому, чтобы найти себе подходящую телесность. Так в нисходящих от Авраама поколениях все больше развиваются возможности и условия рождения подходящей телесности, которая потом могла бы быть перевоплощением Заратустры.

Евангелие от Матфея удивительно верно представляет это развитие, позволяя вступить в него триединству. Здесь у нас трижды по четырнадцать поколений: четырнадцать поколений от Авраама до Давида, четырнадцать поколений от Давида до вавилонского плена, и от вавилонского плена до Христа Иисуса — снова четырнадцать поколений. Это составляет трижды четырнадцать или сорок два поколения, словно указывая на то, что в этой телесности Иисуса содержится экстракт того, что подготовлено, от Авраама и далее, всеми судьбами древнееврейского народа. И теперь должно выступить человеческое существо, которое все свойства, собранные здесь всей последовательностью поколений, выразит в душевной деятельности, в своей личности, соединит их в одном человеке. Все древнееврейское развитие от Авраама должно было быть сведено воедино в одном человеке. И это должно было достичь апогея в Иисусе Евангелия от Матфея. Как это могло произойти? Это возможно лишь в том случае, если весь ход развития повторится снова душевным образом, в душе. Заратустра происходит из Ура Халдейского, духовно — из тех мистерий, откуда пришел Авраам. Золотая звезда сначала там и появляется, исходит оттуда, и за

нею следуют тамошние маги. Происходит духовно то, что физически произошло через Авраама. Путем, который проделал Авраам, духовно идет звезда, за которой следуют маги: это — воплощающийся Заратустра, который следует тем путем, которым прошел Авраам; и он нисходит в место своего рождения. Это момент, когда индивидуальность Заратустры воплощается в мальчике Иисуса из Вифлеема. Маги знают это. Они следуют за звездой, что значит — за своим великим учителем Заратустрой, который здесь воплощается.

Итак, речь идет о том, что действительно путь продолжается, что, действительно, в личности одного Иисуса содержится экстракт всего еврейского развития. Сначала мы видим, что в духе снова повторяется жертва, жертва Исаака; по крайней мере в духе это повторяется снова в виде жертвы трех магов с Востока: они преподносят золото, ладан и мирру. В то же время мы видим, что снова вступает нечто, напоминающее о прежних событиях древнееврейского народа. Со всем рождением этого мальчика Иисуса связано нечто, являющееся отображением судеб древнееврейского народа. Здесь был Иосиф, имевший наследие в сновидениях и представляющий собой связующее звено между древнееврейским и египетским народом; теперь здесь снова появляется Иосиф, которого посещают сновидения, и которому во сне не только указывается, что родится Иисус, но и то, что он должен последовать с Иисусом в Египет.

И теперь путь Заратустры пролагается в теле мальчика Иисуса. Как он следовал путем, который на физическом плане проделал Авраам — от Ура Халдейского до Ханаана, так теперь он держит путь далее в Египет, и снова ребенок Иисус выводится из Египта, как был выведен еврейский народ. Здесь, при появлении вифлеемского Иисуса, которого лишь позднее назвали Назарянином, мы имеем повторение всех судеб еврейского народа, вплоть до возвращения из Египта в обетованную страну Палестину. Теперь то, что разыгрывалось здесь долгими столетиями как внешняя история еврейского народа, повторяется в судьбе того человеческого существа, которое представляет Заратустру в теле Иисуса из Вифлеема. Это, согласно Евангелию от Матфея, по большому счету — тайна человеческой истории. Человеческой истории не понять, если не понять отдельных великих ведущих индивидуальностей, облеченных особой миссией, в отдельной судьбе которых повторяется все развитие на протяжении столетий. В своем воплощении они принимают экстракт того, что было создано в истории на протяжении столетий. Христос Иисус должен был принять намного больше этого, но сначала его телесность должна была быть особо подготовлена, что могло произойти только благодаря описанному здесь устройству.

Как обстоит с тем моментом времени, в который должно было состояться именно то краткое повторение всей истории еврейского народа в личности Иисуса? Чем является этот момент времени в истории? Для этого следовало бы собрать следующие факты развития, которые я в течение ряда лет пытался излагать вам, чтобы подготовить ваш мир представлений. Сведем все воедино: человечество отошло от древнего развития, в котором все, что связывало людей

в любви, было связанным с кровными узами. Любили друг друга люди связанные кровными узами и сочетались браком только в тесном кровном родстве. Другой любви в древние времена не было. Любовь была связана с кровным родством. Это называется близкородственным браком; человечество отошло от близкородственного брака. Потом эти отдельные союзы были все больше разбросаны по различным местностям Земли. У всех народов мы можем наблюдать, что это рассматривается как особое событие, когда мужчины и женщины из одного рода сочетаются браком в другом, когда происходит переход к смешанному браку. Во всех мифах и сказаниях, например, в "Сказании о Гудрун", это характеризуется как особое событие. Это всегда производило особое впечатление. На протяжении этого развития человечества действуют два течения. В этом соединении в силу кровного родства всегда действовал божественно-духовный принцип, который должен объединить человечество, который должен создать из всего человечества единство. Ему противодействовал люциферический принцип, который стремится сделать каждого человека самодовлеющим, стремится сделать отдельного человека сильным и великим, как это только возможно. В человеческой природе должны иметь место оба принципа, в человеческом развитии должны действовать обе силы.

Так что в ходе прогрессирующего развития человечества трудились обе эти силы: божественно-духовные власти и власти люциферические, отставшие на Луне, которые хотели помешать человеку потерять себя, хотели сделать его как можно более самостоятельным. В развитии человечества всегда работали обе эти силы. Вследствие этого "я" человека, которое является продуктом Земли, становилось все более раздвоенным. С одной стороны оно склонялось к любви к людям, а с другой стороны — к внутренней самостоятельности. Так что в определенное время наступил некий род кризиса взаимодействия этих обеих сил. Этот кризис, этот решающий момент в человечестве наступил, когда из-за деяний Римской империи народы обширной области Земли были беспорядочно и подобно случайно выпавшему жребия перемешаны. Это был, действительно, решающий момент в развитии человечества, решающий момент, когда должна была быть установлена ясность: во что должен был вылиться неразрешимый вопрос о кровнородственном и смешанном браке. Люди стояли перед опасностью: либо потерять свое "я", утонув в отдельных племенах, либо потерять всякую связь с человечеством и становиться лишь отдельными, самостоятельными, эгоистическими индивидуумами. Этот момент наступил.

Что должно было произойти в этот момент? Нечто вполне определенное. Человеческое "я" должно было стать зрелым, чтобы развить в себе то, что только и можно называть самостоятельностью, свободой, и свободно, из себя, развить душевную любовь, которая больше не связана с кровными узами. Человеческое "я" стояло перед решающим моментом. Оно должно было полностью освободиться, стать полностью сознательным. Так что все человечество древнего мира, за исключением восточных народов, стояло перед новым рождением «я», перед таким рождением "я", через которое это должно

было прийти к рождающейся из самого "я" любви. "Я" должно было развить из свободы любовь и из любви свободу. В сущности, только такое существо является вполне человеком. Только тот, который развил такое "я", является истинным человеком. Ибо тот, чья любовь вызвана лишь кровными узами, тот подталкивается к любви лишь извне и выражает, только на более высокой ступени, то, что на более низкой ступени, имеет место также и в животном царстве. А в тот момент, который мы описали, завершается полное становление человека. В этот момент и должно было низойти на Землю то влияние, которое делало человека собственно человеком.

Я уже неоднократно говорил о том, что человек в своем существе состоит из трех членов: из физического тела, которое у него общее с минералами, из эфирного тела, которое он имеет вместе с растениями, и астрального тела, которое он имеет вместе с животными и в котором, в сущности, до сих пор была заключена также и любовь. Благодаря своему полностью развитому "я" человек является венцом земного творения. Все другие земные существа имеют имена, которые можно давать им извне, они суть объекты. "Я" обладает именем, которое может себе дать лишь оно само. В "я" говорит божество, в "я" больше не говорят земные условия, в "я" — говорит царство Духа. Дух говорит с небес, когда это "я" окончательно пришло к самому себе. Можно сказать, до сих пор были три царства: минеральное, растительное и животное, и царство, которое, хотя и возвысилось из них, но которое еще не достигло своего совершенства, еще не приняло в себя свое полностью сверхземное существо. Это царство, которое состоит в том, что в индивидуальное "я" принимается то, чего иначе нигде на Земле не найти — духовный мир, Царство Небесное; это царство, согласно библейскому словоупотреблению, называли Царствием или Царствием Небесным; в Библии оно обычно толкуется как "Царствие Божие".

И Царствие Небесное — не что иное, как перифраза выражения "царство человеческое". Как мы говорим — минеральное, растительное, животное царство, так мы можем, согласно Библии, привести и четвертое царство: Царствие Небесное. Человеческое царство, в смысле Библии, является Царствием Небесным, так что тот, кто в то время, вглядывался, в смысле мистерий — в весь ход развития человечества, мог сказать следующее: взирай назад, в прошедшие времена; там человечество было ведомым к человечеству, там Царствия Небесного на Земле еще не было. Теперь же наступил момент, когда Царствие Небесное нисходит на Землю. Это сказал Предтеча Христа Иисуса и сам Христос Иисус: "приблизилось Царствие Небесное", и этим они охарактеризовали свое время в его глубочайшем существе. Но именно на это время должно было прийти рождение Христа Иисуса. Он должен был принести человечеству те силы, которыми "я" могло развить указанные свойства. Так все развитие человечества разделилось на две части: дохристианскую, когда Царствия Небесного на Земле еще не было, и ту его часть, в которой Царствие Небесное, человеческое царство в его высшем значении, уже было на Земле. Древнееврейский народ был избран для того, чтобы дать физическую телесность, телесные оболочки, которые были

выращены как сущность, чтобы принять носителя этого Царствия Небесного.

Это — тайны, которые вскрываются, если рассматривать вещи в более глубоком смысле, опираясь исторически на Евангелие от Матфея. Так что мы к обоим охарактеризованным течениям, к обоим вкладам в христианство, с которыми мы познакомились, к зороастризму и буддизму, как третье течение добавляем еще течение древнееврейское, вклад древнееврейского народа. Теперь мы могли бы сказать следующее: здесь были водители, такие как Будда и Заратустра. Они хотели принести жертвы своих религиозных течений. И здесь должен был быть воздвигнут храм. Храм мог быть воздвигнут только древнееврейским народом. Этот народ построил храм телесности Иисуса. В этот храм могли войти оба первых течения. Сначала свою жертву принес Заратустра, воплощаясь в это тело; позднее здесь жертву принес Будда, когда он позволил влиться своей Нирманакайе в другого Иисуса. Так сливаются оба эти течения.

Чтобы представить вам хоть что-нибудь в виде замкнутых мыслей, я мог дать вам сегодня лишь совсем беглые абстрактные наброски этих глубоких тайн. Но, чтобы начать излагать этот круг мыслей, я прикоснулся к ним сегодня, вообще говоря, схематически. Мы продолжим это позднее, чтобы получить картину миссии древнееврейского народа и весьма своеобразного вырастания из этого народа Христа Иисуса. Здесь мы получим нечто единственное в своем роде — как из истории, из временного хода развития, вырастает Существо вечного, непреходящего значения. Так постепенно будет показано, как из мира преходящего могло развиваться то, что устоит перед Вечностью.

ПОДГОТОВКА К ПОНИМАНИЮ СОБЫТИЯ ХРИСТА. ПРИЗВАНИЕ ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

Третья лекция.

Берлин, 23 ноября 1909 г.

Как один из результатов, вытекающих из рассмотрения Евангелия от Матфея, мы должны были в прошлый раз сообщить кое-что о нашем рассмотрении призвания древнееврейского народа, происхождения из этого народа Христа Иисуса. Ибо наше рассмотрение на основе Евангелий постепенно должно внести ясность в то, как сливались различные духовные течения, чтобы затем в совместных усилиях заботиться о великом христианском духовном течении, о дальнейшем развитии Земли. В столь кратком рассмотрении можно лишь очень эскизно показать, какая часть общего развития человечества пришлась на долю древнееврейского народа. Но нельзя понять Евангелие от Матфея, если, по крайней мере, не рассмотреть некоторые другие особенности этого народа. Чтобы вполне ясно разобраться в этом, мы должны еще раз вполне отчетливо поставить перед душой вопрос о том, в чем,

собственно, состоит призвание этого народа. Вы видели, что оно отличается от миссий других дохристианских народов. Последние еще связаны с тем, что можно было бы назвать последствиями древнего ясновидения человечества. Мы находим такие последствия у всех народов древности; их можно было бы назвать прадревней мудростью.

Касаясь общей смысловой характеристики, мы можем утверждать, что в древней Атлантиде люди еще в общем взирали в духовный мир. Даже если бы только посвященные могли иметь высшие переживания, то все же каждый имел бы по меньшей мере одно понятие из духовного мира, так как в определенных промежуточных состояниях любой человек атлантического времени еще мог взирать в духовную область. Но эта способность должна была смениться той способностью человека, которая сегодня является важнейшей: деятельностью рассудка, постижением внешнего мира физическими органами чувств, короче — жизнью в физическом внешнем мире. Медленно и постепенно это развивалось в дохристианские времена, так что мы можем сказать, что у древнеиндийского народа еще наличествовал, в сущности, богатый остаток древнего ясновидения. То, чему учили святые Риши, также было наследием древнего времени, было прадревней мудростью. Также и во второй культурной эпохе послееатлантического времени, в персидской эпохе, еще было то, что знали ученики и адепты Заратустры, опираясь на наследие древнего ясновидения. Этому подобна также халдейская астрономия, пронизанная древней мудростью, а также то, что было у древних египтян. Наука, которая рассчитывает на послееатлантические способности человека, оставалась бы еще совершенно непонятной, как египтянам, так и халдеям. Тогда еще не было науки, которая выражается в образах понятий и идей физического рода. Такого размышления, каковым обладаем мы, — не существовало.

Вовсе не лишне однажды уяснить себе, каково различие между настоящим ясновидящим нашего времени и, скажем, ясновидящим древне-халдейским или древне-египетским. Кто сегодня, действительно из естественных предпосылок нашего времени, приходит к ясновидению, у того дело обстоит следующим образом: то, что мы называем откровениями духовного мира, что можно называть его вдохновениями, опытом и переживаниями в духовном мире — он получает таким образом, что он должен пронизать эти вдохновения из своего обычного земного мышления тем, что он может получить, как логическое, разумное мышление — здесь, в физическом мире. Полностью принадлежащий сегодняшнему времени опыт ясновидения не понять, если ясновидящему не встретится душа, добросовестно обученная логическому и разумному мышлению. Эти сегодняшние вдохновения и откровения остаются непонятными; они требуют, чтобы душа приближалась к ним логическим мышлением. Кто имеет их сегодня, не имея воли к логическому мышлению, не имея воли к самоотверженному, разумному развитию своих земных сил, тот сможет прийти лишь к тому, что называют визионерским ясновидением, которое не может быть полностью понятным, ясновидением, которое остается непонятным и поэтому дезориентирует. Только душа, которая имеет

действительно интенсивную волю учиться разумным образом, встречает сегодняшние вдохновения ясновидения правильным образом. Поэтому в таком духовном движении, каковым является наше, наибольшее значение придается тому, чтобы ясновидение никогда не развивалось односторонним образом и чтобы откровения духовного мира не возвещались односторонним образом, но душа должна что-то нести навстречу вдохновениям и откровениям. И в той же степени должна действительно выполняться логическая работа, если желательно развитие ясновидения. В наше время эти вещи не могут выступать раздельно.

У египетского или халдейского ясновидящего дело обстояло совершенно иначе. Одновременно со своими вдохновениями, получаемыми совсем другим путем, он получал и логические законы. Поэтому он ни в какой особой логике не нуждался. Ему, если он прошел обучение, в духовных интуициях давались уже готовые законы. Сегодняшний организм для этого больше не пригоден. Он развился дальше, ибо человечество продвигается вперед.

Если точно принять во внимание это различие, только тогда становится вполне понятным, что значит то, что в дохристианское время все еще имели место остатки древнего ясновидения за единственным исключением древнееврейского народа, который изначально был избран для того, чтобы развить такой человеческий организм, который будет предрасположен к тому, чтобы поверять внешний физический мир мерой, числом и так далее, и так постепенно подниматься от физического мира к познанию духовного, что соединяется в образе Яхве или Иеговы. Существенным было то, что в Аврааме был избран человек, мозг которого имел соответствующее устройство, и он мог стать прародителем целого народа, который унаследует от него эти свойства. Вдохновения, которые поднимаются внутри, не только должны приниматься, но должны при этом рассматриваться как дар, приходящий извне. Все, что происходит от Авраама, было первоначально получено не изнутри, но, прежде всего как откровение, извне. Тем самым дано нечто чрезвычайно важное для отличия всей предрасположенности этого народа от остальных народов древности; он радикально отличается от остальных народов.

Естественно, древние способности, древнее наследие не могло пропасть сразу, и у этого народа еще оставались древние остатки. Это отмечено у Иосифа, который еще имел нечто общее с другими народами. Поэтому он и мог составить связующее звено между древним еврейским и египетским народом, еще полностью пребывавшим в духовном течении дохристианских народов. Новые способности могли развиваться лишь очень постепенно.

Почему этот народ подготавливался именно таким образом? Почему этот народ должен был быть избранным для того, чтобы выделиться из всей остальной дохристианской духовной жизни, и почему он должен был получить совершенно особые способности? Это должно было происходить по той причине, чтобы была дана возможность подготовить человека в великому моменту, который наступил именно тогда, когда на Землю пришел Христос Иисус. Это был момент, когда все древнее ясновидение и кровное родство

потеряло свое значение и для человека наступило нечто новое, а именно — полное применение "я". Вследствие радикального кровосмешения то, что имело большое значение в древние времена — пропало, но зато наступило полное применение человеческого "я". Таким образом вдобавок к остальным царствам родилось еще собственно человеческое царство, или Царствие Небесное.

В общем, когда рождается нечто новое, люди действительно совершенно не склонны познавать это новое. События, которые происходят в духовном, люди определяют не сразу. Они, правда, всегда легко говорят о каких-то грядущих пророках, которые должны будут прийти. Это было довольно обычным как в дохристианское время, так и в христианские времена. В XII-XIII веках вспыхнула настоящая страсть к пророчествам. В разных местах встречались люди, которые возвещали второе пришествие Христа в ближайшее время, указывая даже места, где он появится. В другие времена также встречались отдельные подобные явления. Говорили о том, что тот или другой станет воплощением нового Христа. Если бы они даже сбылись, то они несли бы в себе явные недостатки; в частности, постоянный недостаток таких пророчеств состоит в том, что, предсказывая то, что должно произойти, они упускают возможность подготовить людей, чтобы они осознавали то, что здесь произойдет, и привести души в такое состояние, чтобы они действительно могли понять происходящее.

Человека, который возвещал такое, можно сравнить с тем учителем гимназии, о котором упоминает Геббель в своих дневниковых записях: учитель бьет ученика, поскольку тот не смог понять Платона. Геббель/7/ остроумно прибавляет, что этот ученик сам мог бы быть перевоплощенным Платоном. Фактически это и происходит с людьми, которые все время твердят о втором пришествии Христа. Живут-то они так, что вряд ли были бы готовы к происходящему, даже если бы Он явился. Такие люди приняли бы Христа за что-то совсем другое, но не за Христа.

Так что это надо было предусмотреть. И то, что надо знать для понимания Евангелия от Матфея, чтобы здесь, по меньшей мере, было несколько человек, которые могут понимать событие Христа, которое, ведь, если мы хотим характеризовать его с этой стороны, состоит в том, чтобы знать, что Христос был Тем, кто принес людям возможность воспринимать отныне не только физические впечатления, но воспринимать извне Дух. Для этого должны были подготавливаться отдельные люди. И действительно, на протяжении всей еврейской древности отдельные люди подготавливались к тому, чтобы обрести понимание события Христа. Этих людей (в древнееврейском народе ими были лишь немногие) нужно было бы рассмотреть однажды поближе, если мы хотим понять, как проводилась подготовка к грядущему Христу, как народ со своими унаследованными от Авраама качествами обретал способность пророчески понимать принесенное Спасителем человеческое "я". Тех людей, которые подготавливались, чтобы быть способными ясновидчески знать и осознавать, что, собственно, это означает — Христос, называют назореями. Они могли

ясновидчески проникать в то, что подготавливалось в древнем еврейском народе, чтобы Христос смог родиться из этого народа и быть понятым. Эти Назорей в отношении образа жизни, который был им дан, со стороны их внутреннего формирования и благодаря своему ясновидческому развитию, были связаны строгими правилами. Эти правила, принадлежа совсем другому времени, более или менее отличаются, например, от правил, с помощью которых развивают духовные знания сегодня, но все же еще имеют с ними определенное сходство. В назорействе важно многое из того, что сегодня является лишь вспомогательными условиями, а многое из того, что было бы сегодня главным делом, является чем-то второстепенным. Поэтому не следует считать, что то, что раньше вело к тому, чтобы стать ясновидящим знатоком Христа, вело бы к важному и плодотворному познанию также и в смысле современного человека.

Первое, что требовалось от назореев, это — полный отказ от всех алкогольных напитков. Далее, было строго-настрого запрещено вкушать что-либо, что было приготовлено с уксусом. Для тех, кто особенно строго соблюдал инструкции, было необходимо избегать всего, связанного с виноградом, так как можно сказать, что в винограде растительно-образующий принцип перешагивает через известный предел, а именно ту точку, которая определяет, что в растении действуют только солнечные силы. Но в виноградной лозе действуют не только солнечные силы, но также нечто, развивающееся внутри, созревающее уже при той, ежегодно ослабевающей солнечной силе, которая правит осенью. Поэтому виноградная лоза давала напиток тем людям, которые не хотели становиться ясновидящими в более высоком смысле, но почитали одного лишь бога Диониса и позволяли своим способностям как бы подниматься из Земли.

В дальнейшем назорей, пока продолжалась его подготовка в назорействе, не должен был прикасаться ко всему, что может умирать и пребывает во власти астрального тела; короче, назорей должен был избегать прикосновения ко всему, что является животным. Он должен был быть вегетарианцем в самом строгом смысле слова; поэтому в определенных местностях самые строгие назорей избрали своим единственным питанием сладкий рожок, плод рожкового дерева. Особенно частым видом пищи был этот сладкий рожок для тех, кто стремился к назорейству. Они питались также и медом диких (не домашних) пчел и других медоносных насекомых. Такой образ жизни избрал позднее также и Иоанн Креститель, когда он питался сладким рожком и диким медом. В Евангелиях стоит, что он питался саранчой ("акридами") и диким медом; но это нужно рассматривать как ошибку толкования, так как в пустыне он едва ли смог бы ловить саранчу. Я раньше уже обращал ваше внимание на подобные ошибки.

У назореев, в ходе их подготовки к ясновидению, пока они ее проходили, главным было — не позволять стричь себе волосы. Это глубоко связано со всем развитием человечества. Особо внимательно надо рассмотреть именно связь роста волос со всем развитием человечества. Все, что, в сущности, имеет в

человеке место, мы сможем понять, только если будем стремиться понять это из Духа. Хотя для человека это звучит несколько странно, но в наших волосах мы должны видеть остаток определенных излучений, благодаря которым в человека некогда вносилась солнечная сила. Раньше это было чем-то живым, тем, что вносило в человека солнечную силу. Вы найдете это там, где еще имело место сознание более глубоких вещей, которое выразилось определенным образом: у древних статуй львов мы часто отчетливо видим, что скульптор не просто копировал сегодняшнего льва с его гривой, как у пуделя. Тот, чья традиция еще опиралась на древние знания, представлял льва так, что возникало впечатление, будто шерсть у него как бы воткнута в тело извне, подобно проникающим в него солнечным лучам, которые словно отвердели в виде волос. Так что человек мог себе сказать, что в древние времена это было еще вполне возможным — принимать в себя силы, оставляя нетронутыми волосы, особенно если они свежи и здоровы. Но уже в еврейской древности, у назореев, в этом едва ли видели больше, чем символ.

В том, что позволяли проникать в себя тому, что духовно пребывает за Солнцем, действительно, в определенном отношении, состоял прогресс человечества. Прогресс от древних даров ясновидения к комбинированию и мышлению о внешнем мире был обусловлен тем, что человек все меньше выступал как существо, покрытое волосами. Людей атлантического и первого послееатлантического времени следует представлять себе с обильной растительностью, знаком того, что они еще были ярко озарены духовным светом. Как повествует Библия, выбор был сделан между безволосым Иаковом и покрытым волосами Исавом — в пользу первого. В последнем мы видим человека, который происходил от Авраама и имел в себе последние остатки древнего развития человечества, которые выражались в его растительности. Человек же, который в силу своих качеств развивался в направлении внешнего мира, был представлен в Иакове. Он владел дарами разума со всеми их теневыми сторонами; Исав отодвигается им в сторону. Так в Исаве снова отодвигается отпрыск главной линии. От Исавы происходят иудеи, у которых еще продолжали наследоваться древние человеческие качества.

В Библии действительно прекрасно выражены все эти вещи. Снова в человеке должно было возникнуть сознание того, что является духовной жизнью, и у назореев оно должно было возникнуть новым способом, вследствие того, что он носил длинные волосы на протяжении всего времени своей подготовки. В древности отношение волос к духовному свету выразилось даже в том, что свет и волосы обозначаются, за исключением незначительного символа — одним и тем же словом. Вообще древнееврейский язык указывает на глубочайшие тайны человечества. Он должен рассматриваться чем-то вроде мощного речевого откровения мудрости. В этом состоял смысл того, что назореев отращивали длинные волосы. Но сегодня уже не следует рассматривать это как главное.

В ходе подготовки назореев должен был приобрести вполне определенный ясновидческий опыт, который должен был дать представление о том, насколько

человечество близко к моменту явления Христа. Последний великий назорей, который был во время Христа, зовется Иоанном Крестителем. Он не только в себе самом пережил завершение назорейства, но и позволял переживать его всем, кого хотел сделать человеком с большой буквы. Но это завершение является ничем иным, как Иоанновым крещением. Что же представляло собой это крещение и к чему оно вело? Сначала человек погружался под воду, вследствие чего связь его эфирного тела с физическим телом в области головы несколько ослабевала, тогда, как обычно эфирное тело человека прочно связано с физическим телом. Вы, конечно, знаете, что человек, когда тонет, вследствие освобождения своего эфирного тела тотчас видит перед собой картину всей своей жизни. Так и при Иоанновом крещении человек также видел картину, обзор своей жизни; он видел характерные особенности всей своей жизни, то, что иначе было бы забыто. Но он видел также и то, чем, собственно, был человек в соответствующую эпоху. Физическое тело строится эфирным телом, как своим ваятелем. Все же этот член человеческого существа, формирующий физическое тело, мог становиться наблюдаемым только тогда, когда он освобождался от физического тела. Это и происходило при Иоанновом крещении.

Если бы человек пережил это крещение за 3000 лет до нашего летосчисления, он бы осознал, что наилучшее духовное, которое может быть дано человеку, должно прийти как древнее наследство, ибо оно и было, собственно, наследством, ниспосланным в древние времена из духовных миров. Оно было образом в эфирном теле и скульптором тела физического. Именно у тех, которые были развиты выше нормального человечества, при этом крещении оказалось бы, что все их знание основывалось на древнем вдохновении. Это обозначали как видение эфирной природы души в форме змеи. Тех, которые пережили это, называли детьми змеи, так как они видели, как люциферические существа погружались в людей. То, что формировало физическое тело, было созданием змеи.

Но теперь, при Иоанновом крещении (не за 3000 лет до Иоанна Крестителя, но в его время), выявилось нечто совсем иное: что именно среди людей, прошедших крещение, были уже такие, которые в своей природе показывали то, что развитие человечества претерпело прогресс, что "Я", оплодотворенное внешним миром, обладало огромными силами. Здесь проявился совсем иной образ, чем тот, который являлся раньше, при Иоанновом крещении: человек видел творческие силы эфирного тела уже не в образе змеи, а в образе агнца. Это эфирное тело больше не было проникнуто изнутри тем, что приходило от люциферических сил, но оно было полностью отдано духовному миру, сквозь явления внешнего мира светившего в душу человека. Это видение агнца при Иоанновом крещении было переживанием тех, кто действительно мог понять, что тогда означало Иоанново крещение. Они были теми, кто мог сказать себе, что человек должен стать совсем другим, новым существом. Немногие, пережившие это при Иоанновом крещении, могли сказать: наступило великое, огромное событие, человек становился другим; теперь "Я" приобрело

господство на Земле! Люди, которых крестил Иоанн, были подготовлены к тому, чтобы понимать знамения времени, понимать, что наступило столь великое событие.

Это всегда было задачей назореев. Через крещение их приводили к тому, что они осознавали, насколько близок приход Христа. Они определяли это по свойству эфириного тела при его освобождении во время крещения. Иоанн Креститель должен был показать, что наступило время, когда "Я" могло вжиться в человеческую природу. Вследствие этого он был исполнителем древнего времени. Он мог собрать вокруг себя общину, которой мог показать, что принцип Христа путем обращения к "Я" может теперь вступить в человечество.

Иоанн Креститель в высшем смысле воспитал назорейство, так что оно от пророчества могло переходить к исполнению. Он сформировал вокруг себя общину, которая могла воспринять приближающееся событие Христа. Только так следует понимать слова, которые говорит Креститель/8/. Эти слова нужно принимать бесконечно глубоко, и человеку, который хочет заниматься сегодня такими вещами, не подобает видеть в Иоанне Крестителе причитающего, фанатичного человека, который только ругает фарисеев, называет их порождениями ехидниными и кричит им: "И не думайте говорить в себе: "отец у нас Авраама, Бог может из "камней сих воздвигнуть детей Аврааму". Иоанн Креститель выглядел бы странным ворчуном, если бы не радовался также и тому, что и фарисеи, и саддукеи приходили к нему креститься. Между тем, почему он ругает их тотчас по их прибытии? К чему это?

Если понимать вещи из их внутреннего, то очень скоро оказывается, что это не только фанатичная ругань, но за этим в действительности скрыто высокое значение и глубокий смысл. Но этот смысл можно понять, лишь учитывая особое стремление древнееврейского народа. Уже из сказанного вы можете понять, что в Аврааме был избран человек, который был так организован, что в должный момент времени от его потомков мог родиться Иисус. Но для этого должно было развиваться то, что у Авраама было только задатками. Мы должны себе уяснить, что для развития этих задатков было необходимо, чтобы всегда нечто отвергалось. Мы уже видели, как был отвергнут Иосиф. Но и раньше уже нечто было отвергнуто, например, Исав, прародитель идумеев, так как в нем также оставалось нечто из древнего наследства. Должно было сохраняться только то, что располагалось в четко обозначенном направлении. Это примечательным образом выражено в том, что у Авраама было два сына: Исаак, сын Сары — с одной стороны, и Исмаил. От Исаака и происходит древнееврейский народ. Но в Аврааме были еще и другие качества. Если бы они перешли по наследству последующим поколениями, то должное бы не осуществилось. Поэтому то, другое, должно было быть радикально вытолкнуто в другую линию наследования, линию Исмаила, сына египетской служанки Агари. От Авраама исходят две линии наследования, одна через Исаака, а другая от отвергнутого Исмаила, в которой присутствует кровь египтянки и которая не должна была принимать в себя качеств, пригодных для миссии

древнееврейского народа.

Но теперь происходит нечто совершенно особое. Еврейский народ должен был в своей линии наследования распространять должное, а то, что является древним наследием, древней мудростью, должно было передаваться ему извне. Древние евреи должны были отправиться в Египет, чтобы принять то, что они могли там принять. Моисей мог это дать народу, так как он был египетским посвященным. Он, конечно, не смог бы этого дать, если бы имел это только в египетской форме. Ошибочно было бы представлять себе, что древнеегипетская мудрость была просто закупорена в том, что изливалось от Авраама. Культура древнееврейского народа этого бы не перенесла, это произвело бы культурного уродца. Моисей привнес к своему египетскому посвящению еще нечто совершенно иное. Поэтому он не мог просто давать израильтянам то, что он получил из египетского посвящения. Он дал им нечто лишь тогда, когда получил откровение на Синае, то есть, вне Египта.

Что же представляет собой откровение на Синае? Что получил здесь Моисей, и что он дал народу? Он дал ему нечто такое, что могло быть, пожалуй, привито на ствол этого народа, так как это было родственно ему совершенно определенным образом. Потомки Исмаила когда-то эмигрировали и поселились в местностях, через которые проходил теперь Моисей со своим народом. Те качества, которые через Агарь перешли к исмаилитам, были, правда, еще близки Аврааму, но при этом они сохранили в себе многие древние унаследованные особенности, которые Моисей находил у исмаилитов, имевших своего рода посвященных. Из откровений этой ветви он заимствовал возможность сделать откровение на Синае понятным израильтянам. Поэтому древняя легенда древнееврейского народа гласит: отпрыск Авраама в Исмаиле изгнан к арабам. То есть — в пустыню. То, что происходило внутри этого рода, содержалось также и в учении Моисея. Древнееврейский народ получил через Моисея на Синае как учение обратно то, что он исторг из своей крови; он снова получил это обратно извне.

В этом мы снова видим удивительное призвание еврейского племени в том, что все должно было даваться ему таким образом, что оно должно снова впоследствии получать это обратно, как дар. Как дар извне принял Авраам весь еврейский народ в Исааке; с другой стороны — Моисей и его народ снова получают обратно от потомков Исмаила то, что ранее было отвергнуто. В обособленности народ должен был развить только эту, его собственную организацию, а то, что он ранее исторг, принять обратно, но уже как дар своего Бога. Так Иаков позднее снова примирился с Исавом, вследствие чего еврейский народ снова получил обратно то, что он когда-то отделил от себя в Исаве.

Библию надо читать очень тщательно, чтобы действительно суметь оценить в ней значение слов. Такие вещи тянутся как характерное стремление через всю историю еврейского народа. От потомков Агари происходит нечто, связанное с законодательством Моисея, тогда как кровь, которая представляет собственно иудейские способности Моисея, происходит от потомков Сары. Агарью на

еврейском языке называется также Синай, что значит: каменная гора, большой камень. Можно также сказать, что от большого камня, который был внешним выражением Агари, Моисей получил свое откровение закона. То, что еврейский народ имел как свое законодательство, происходило не из лучших качеств Авраама, это происходило от Агари, от Синая. Так что последователи голого законодательства, как оно произошло от Синая, фарисеи и саддукеи, подвержены опасности остановиться в своем развитии. Это — те, которые хотят видеть при Иоанновом крещении не агнца, а змею, ехидну.

Таким образом то, что иначе было бы лишь бранью Крестителя, превращается в прекрасный призыв, обращенный к фарисеям и саддукеям, когда он кричит им: порождения ехиднины, всмотритесь внимательно, что вы действительно видите в крещении: именно — не змею, а агнца. Далее он говорит им, что им не следовало бы воображать, что их отец — Авраам, ибо это явилось бы у них пустым словом; они ссылаются на то, что пришло от камня Синая, но утратило свое значение. Ныне из мира приближается что-то, как бы новорожденное и я указываю вам на это "Я", — говорит Креститель: я показываю вам, как из иудаизма вырастает то, что действительно вынашивалось на протяжении поколений, и будут ссылаться уже не на единственный камень Синая, но на то, что пребывает повсюду вокруг нас. Дети Божьи могут появляться посредством того, что за чувственным прозревают духовное. Из этих камней слово Божье может воздвигнуть детей Аврааму! Вы совсем не понимаете это высказывание: "Отец у нас Авраам".

Лишь из сказанного здесь эти слова приобретают свое полное значение. Так что иногда не обязательно извлекать из Акаша хроники то, что уже стоит в Библии. Сравните это с тем, что говорит об этом апостол Павел в Послании к галатам. Там апостол Павел подтверждает сказанное здесь. Он также говорит, что "Агарь означает гору Синай в Аравии" (к Гал. 4:25), и что то, что было дано там, в Синае, является Заветом, который должны перерастать те, которые путем развития собственных задатков Авраама на протяжении поколений должны понять то, что пришло в мир через Христа.

Этим в то же время опять-таки указано слово, которое нужно понять в будущем. Очень жаль, что в то время, когда, очевидно, интеллигенция возросла столь высоко, так мало еще размышляли, например, над словом: "Покайтесь" По своему значению это следовало бы, например, истолковывать так: добейтесь в себе изменения сознания. В различных местах говорится, что Иоанн крестил к покаянию, то есть, — к изменению сознания, водой. Когда крестившиеся выходили из воды, они должны были изменить свое сознание, уже не оглядываясь на древние традиции, но предвидя то, чем обладает становящееся свободным, даруемое Христом Иисусом, "Я". Сознание должно было изменить свою направленность: от направленности на древних Богов к направленности на новых духовных существ. Таким образом целью Иоаннова крещения было изменение сознания. Поэтому Иоанн крестил водой, чтобы вызвать в некоторых людях силу, чтобы они осознали, что приблизилось Царствие Небесное и тем самым смогли понять, Кто есть Христос Иисус.

Этим еще нечто добавлено к тому, с чем мы познакомились, как с призванием древнееврейского народа. Все это ведет к тому, чтобы все лучше понимать Христа. Мы видели, как то, что было в Аврааме как предрасположенность, развивалось в народе дальше на протяжении поколений. Для этого многое должно было быть отвергнуто, а требуемые способности должны были совершенствоваться в крови, в процессе наследования. Такие способности можно было получить только извне. Но то, к чему этот народ Авраама был предрасположен и избран, концентрировалось в одном Существо, в Иисусе.

Иудеи нуждались в том, чего они могли придерживаться как учения; это всегда должно было приходить к ним извне, и оно приходило именно из того, что было ими отвергнуто.

То, что перешло на Исмаила, не могло оставаться в крови, оно могло быть лишь в опыте, в познаниях. Поэтому еврейский народ снова принял это в законах Моисея на Синае. Эти законы исчерпали свой смысл, когда пришло время, когда больше не нуждались в том, что пришло от камня, но когда имели то, что должно было прийти к человечеству из всего мира. Так постепенно подготавливалось время, когда из камней могли возникать сыны Божьи, то есть люди, когда за всеми камнями, за всей Землей открывался духовный мир.

Все это — лишь детали к пониманию миссии древнееврейского народа. Только полностью поняв эту миссию, можно понять также великий облик Христа Иисуса, предстоящий перед нами в Евангелии от Матфея.

О ПРАВИЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ К АНТРОПОСОФИИ

Штутгарт, 13 ноября 1909 г.

То, что часто говорится в различных лекциях о семерично протекающих циклах — вовсе не оборот речи; это действительно соответствует закону бытия. Окончание семилетнего цикла в жизни нашего духовнонаучного движения может говорить о том, что нам следует сделать небольшой экскурс во все наши устремления, во всю нашу работу. Эта наша работа возможна лишь тогда, когда спиритуальное движение протекает так, что оно в своей внутренней закономерности содержит нечто от законов большого мирового порядка. Мировой порядок протекает в циклах, которые можно считать семеричными. Мы насчитываем семь планетарных состояний, семь состояний внутрипланетарного мира и так далее. Но и в таком движении, как наше, семеричность также играет определенную роль, и наше устремление через семь лет в какой-то мере возвращается к своему началу, включив в себя то, что было выработано в эти семь лет. Оно возвращается к своему началу на более высокой ступени. Но нечто в этом роде достижимо лишь тогда, когда не оставляется без внимания более глубокая, внутренняя закономерность нашего дела.

Оглянувшись на то, как мы работали в течение этих семи лет, мы сможем заметить, что в нашей работе действительно имела место определенная закономерность. В течение первых четырех лет нашей работы мы создали, так сказать — основные предпосылки нашей работы. В течение первых четырех лет мы заложили основы определенного познания существа человека, определенного познания путей, ведущих в высшие миры; мы достигли кое-чего в познании великих космических взаимосвязей, в том, что можно назвать проверкой выводов Акаша хроники/9/ в отношении мировых тайн.

Пришедшие позднее члены нашего общества всегда нуждались и будут нуждаться в этой твердой основе наших стремлений, которую необходимо в дальнейшем усвоить. Ибо для того, чтобы правильным образом сделать возможным прогресс движения, ни в коем случае не достаточно усвоения только того, что происходило в течение последних трех лет. При определенном ретроспективном обзоре вы увидите, что в течение последних трех лет в определенном отношении были расширены те истины и данные, которые, возможно — несколько озадачивая, предстали перед вами в течение последних лет. Если вы попытаетесь связать это с тем, что питало нашу работу в течение первых четырех лет, так сказать — в четырехчленном фундаменте целого, вы увидите, что то, что столь поражало вас, будучи великими, обширными истинами, внутренне связано с тем, что происходило в течение первых четырех лет. Вы сможете в этом убедиться, обратившись к самим себе. Члены помоложе должны поистине вписать это в свое сердце: нельзя упускать возможности закладки у себя оснований и фундаментов. Везде, где ведется работа, приходится все больше заботиться о том, чтобы тот, кто вошел в нее позднее, смог нагнать то, что было здесь выработано в первые годы. Без этого наверстывания настоящая совместная работа невозможна. Совершенно серьезно, в глубочайшем смысле, мы должны принять то, что является духовнонаучным движением. В связи с этим, учитывая значимость нашего времени, сегодня можно говорить о теме, касающейся больше образа мыслей и всего спиритуального способа представлений: каково то правильное отношение, которое может и должно быть у антропософа к самой духовной науке?

То, что этим сказано, станет для нас еще более ясным, если мы поставим вопрос несколько иначе: почему сегодня вообще антропософия изучается таким образом? Почему сообщаются сведения о высших мирах, сведения, которые являются результатами духовного исследования, ясновидческого сознания? Возможно, это могло бы происходить совсем иным образом; скажем, мы начинали бы с того, чтобы каждому дать определенные указания, как он может развивать свои собственные, внутренние, дремлющие в душе способности, чтобы, так сказать, благодаря этим указаниям, он получил бы возможность постепенно проникать в духовные миры прежде, чем он, как это происходит сегодня, услышит нечто из того, что является фактами в высших мирах? Следует сказать, что раньше это было определенной традицией, имевшей место перед нашим духовнонаучным движением в современном

смысле слова. На протяжении долгого времени говорили: в этом, собственно, мало пользы, если кто-нибудь приходит в мир и сообщает результаты духовного исследования. И вели себя по отношению к таким сообщениям сдержанно, насколько это возможно. Собственно, ограничивались тем, чтобы дать людям определенные правила, как они должны развивать дремлющие в их душе способности, и, по существу, не позволять им знать больше, чем они сами, благодаря собственному видению, смогут потихоньку приобретать в высших мирах. Теперь мог бы возникнуть вопрос: почему сегодня не идут исключительно этим путем, и почему сегодня антропософия сообщает результаты духовного исследования?

Это произошло не из пристрастия или произвола какого-либо человека, но имеет свои серьезные основания. И мы лучше поймем то, что должны были хорошо понимать, если снова и снова будем задавать себе вопрос: что, собственно, сообщает эта духовная наука? Она делится фактами, истинами из области высших, сверхчувственных миров; она делится тем, что ясновидческое сознание может исследовать в этих высших мирах.

Ведь, действительно, тот, кто получает такие сообщения и кто сам не является ясновидящим — не может путем непосредственного созерцания убедиться в этих фактах, как таковых. Верно, что он принял сообщения, и что он не может проверить их, так сказать, путем ясновидческого осмотра. Конечно, это совершенно верно. Но совершенно ошибочно было бы считать, что человек, не обладающий ясновидением, вообще не сможет проверить сообщенные сегодня данные, вообще не сможет их постичь. Считать так было бы совершенно ошибочно и было бы совершенно неверно утверждать, что эти сообщения, полученные из ясновидческого сознания, нужно принимать лишь на веру, основываясь на простом авторитете. В этих сообщениях заключалось бы нечто в высшей степени несовершенное, неудовлетворительное, если бы они претендовали лишь на авторитет, лишь на веру.

То, что сообщается правомерным образом, это (и об этом часто говорилось) может быть исследовано только ясновидческим сознанием. Но когда оно исследовано, и кем-то хотя бы однажды увидено и сообщено, тогда каждый сможет проверить это своим беспристрастным разумом с помощью доступных ему на физическом плане средств. И, пожалуй, можно сказать: даже если не каждый из сидящих здесь имеет возможность тотчас же все проверить в самом всеобъемлющем смысле, то он, все же, смог бы, по меньшей мере, добиться этой возможности, имея он для этого время и способности, и даже лишь способности этого физического плана.

Если мы возьмем даже столь трудные вещи, затронутые здесь в последних лекциях — о воплощениях Заратустры, касающиеся того, что астральное тело Заратустры перешло Гермесу, а эфирное тело Заратустры перешло Моисею, то никто не может утверждать, что тот, кто знает эти вещи из духовного исследования, апеллирует лишь к слепой вере. Нет, это совершенно не тот случай! Если бы кто-то пришел и сказал: ладно, у меня совсем нет ясновидения. Вот здесь кто-то высказывает эти вещи о Заратустре и его

воплощениях. Я хочу теперь, учитывая все то, что находится в распоряжении человека на физическом плане, проверить все, что передает об этом история, все, занесенное на каменные скрижали, все, что занесено в религиозные документы, проверить все это самым тщательным образом. Предположим, то что он здесь сказал — действительно верно, но согласуется ли это с фактами, которые могут быть наблюдаемы внешне? Так вот, исследуя все то, что можно наблюдать внешне, он увидел бы: чем более точен он в своих исследованиях, тем больше он находит подтверждений тех фактов, которые сообщает ясновидящий.

Если при этом можно вообще говорить о боязни, то можно сказать, что духовнонаучное исследование может опасаться скорее неточной проверки, чем тех людей, которые хотят вооружиться всем, имеющимся в распоряжении физического исследования. Они увидят, что, чем точнее их исследования, тем больше они подтверждают те факты, которые сообщает ясновидящий. Но для вещей, не столь далеких и не столь трудных, которые относятся к карме и перевоплощению, к жизни между смертью и новым рождением, здесь каждому потребуется лишь беспристрастное рассмотрение того, что предлагает жизнь. Чем точнее он это рассматривает, тем больше он находит подтверждений тому, что сообщает ясновидящий; то есть, имеется достаточно возможностей убедиться: то, что приобретается из сверхчувственных миров, подтверждается и во внешнем физическом мире. И это — не нечто такое, что должно приниматься лишь слегка, но то, что мы должны рассматривать в качестве настоящей необходимости. Сначала эти факты, которые, вероятно, могут исследовать лишь немногие, мы должны проверить в жизни. Мы вовсе не должны все время повторять фразу: это нужно принимать на веру! — Нет, как можно меньше полагаясь на веру и чужое мнение — проверять и проверять, только не предвзято, но — беспристрастно! Это то, что следует подчеркнуть прежде всего.

Однако, дело в том, что такая проверка, если она действительно предпринимается, в известном отношении весьма утомительна. Она требует мышления, она требует, чтобы мы, так сказать, работали, чтобы в самом деле мы проникались тем, чтобы отыскать в физическом мире подтверждения того, что высказывается из ясновидческого исследования. И здесь мы приходим к разделу, который хорошо бы однажды обсудить, и который соответствует нашему собственному вопросу, а именно: необходимо ли это, или по крайней мере, хорошо ли это для сегодняшнего человека, наряду со стремлением, которое правомерно, самому проникать в духовный мир, необходимо или, по крайней мере, хорошо ли это — обстоятельно и активно заниматься обычными средствами познания и обычными интеллектуальными методами физического плана? Иными словами, хорошо ли поступает духовный ученик, отвергая то удобство, которое ему сегодня обильно предоставляет недуховный мир, хорошо ли он поступает, отвергая это удобство и серьезно развивая свой мир мыслей, действительно овладевая средствами, с помощью которых также и с физического плана можно познавать человека? Хорошо ли он поступает,

действительно много учась, именно учась в отношении способа мышления? Поистине, это очень трудно — вполне ясно и точно донести до сегодняшнего сознания то, что под этим понимают.

Некто, желающий преуспеть на антропософском поле, но одновременно желающий учиться все более точно спиритуально мыслить, спросил у меня, какое чтение я ему порекомендую. Я посоветовал упомянутому лицу для тренировки его мышления, чтобы он все более был в состоянии очерчивать в четких контурах мысли, которые он питает — изучать труд Спинозы, /10/ его "Этику". Прошло лишь несколько недель, и упомянутый человек мне написал, что, собственно, не знает — почему он должен это изучать; ибо это достаточно объемистая книга и речь там ведется лишь о том, чтобы доказать существование Бога. Он никогда в этом не сомневался, и поэтому зачем ему проделывать длинные мыслительные ходы, чтобы доказывать существование Бога. — Видите ли, это — действительно пример того удобства, с которым сегодня многие подходят к духовной науке. Они быстро удовлетворяются, приобретя себе веру, и боятся усилий приобретать и развивать те представления, которые им неудобны. Но вследствие этого никогда не получится ничего, кроме слепой веры. В то же время вы видите, что дело ваше прекращает быть лишь слепой верой, если вы действительно обучаете мышление, а не просто лишь жадно стремитесь развивать те силы, которые ведут к элементарной, стихийной ступени ясновидения.

Естественно, сегодня вовсе не следует возражать против стремлений развивать скрытые в душе силы. Это прекрасное и доброе стремление. Но, с другой стороны, следует также подчеркнуть то, что должно идти параллельно этому, что наряду с этим необходимо тренировать физические мыслительные силы, те познавательные способности, которые поначалу даны нам на физическом плане, тренировать также и неудобным образом, чтобы мы были в состоянии создавать себе четкие представления и четкие понятия о том, что нам сообщается из высших миров. Очень легко можно посчитать, что самая незначительная степень ясновидения лучше, чем долгое странствие через разумное постижение фактов из высших миров. Кое-кто мог бы сказать: я совсем не знаю, зачем я нахожусь в этом Обществе. Здесь всегда рассказывают о предметах высших миров; это прекрасно, но для меня было бы лучше, если бы я хоть чуть-чуть мог видеть как ясновидящий.

Я знаю одного весьма ученого теософа, который высказал свое страстное желание выйти однажды к ясновидению через простую ученость, это выразилось в его фразе: о, если бы я однажды увидел хоть кончик хвостика элементарного существа! Конечно, это можно понять. Этот теософ никогда бы не сказал, что за это он отдаст знание духовных истин. Но, может быть, он и отдал бы, если бы мог выменять за это хоть немного ясновидения. И тем не менее, если у кого-то есть такое ощущение, то оно чрезвычайно ошибочно, и ошибочно во всех отношениях. Ибо мы живем в такое время, которое в общем земном развитии является эпохой сознательного мышления. Как это часто подчеркивалось, древне-индийская эпоха развивала совсем другой вид

сознания, напоминающий сумеречное, смутное ясновидение. Лишь постепенно развились сегодняшние способности и только мы, с развитием души сознательной, обрели человеческое мышление в круге земного развития. Поэтому также и сегодня должно происходить то, что духовная наука приобретаетя сверху, из сверхчувственного мира, и что она апеллирует к разумному мышлению человека.

Мы должны однажды уяснить себе следующее различие: при только лишь визионерском ясновидении вовсе не надо быть особым мыслителем. Мышление ясновидящего может быть очень примитивным, но при этом он все же может быть относительно далеко продвинутым в отношении видения — на астральном, и, до определенной степени, даже на деваханическом плане. Здесь он может быть более или менее далеко продвинутым, он может видеть многое. Другой возможный случай: кто-то очень, очень много знает о духовных истинах, но еще совсем ничего не видит, вообще не в состоянии хоть что-нибудь увидеть, как сказано — хотя бы кончик хвостика элементарного существа. Такой случай также может иметь место. Зададим же себе вопрос: как же, собственно, относятся друг к другу эти различные способности человеческой души?

Здесь мы, прежде всего, должны подчеркнуть, что нельзя перепутывать две вещи: нечто иметь, и — осознавать то, что имеешь. Принимать это во внимание — чрезвычайно важно. Вы правильно поймете этот вопрос, если мы поставим его несколько иначе. Видите ли, все вы некогда, в древние времена, обладали даром ясновидения. Ибо даром ясновидения обладали все люди, а именно — были времена, когда люди смотрели в обратном направлении очень далеко, вплоть до наступления поворота времен. И теперь вы можете спросить: да, но почему мы не вспоминаем о наших прежних воплощениях, если мы уже могли оглядываться на наступление поворота времен?

Это должно бы вам быть доказательством того факта, что вам совсем ничем не помогло для способности, например — вспомнить сейчас, что вы раньше могли оглядываться на ваши воплощения. И вы могли бы поставить вопрос: принесет ли это нам, собственно, некоторую пользу для воспоминания в следующем воплощении, если мы станем теперь ясновидящими визионерами? Один факт уже перед вами налицо: древнее ясновидение, которое было у всех вас, сегодня ничем не способствует воспоминанию прежних воплощений. Почему столь многие люди сегодня не вспоминают о своих предыдущих воплощениях? Вопрос этот чрезвычайно важен. Да, многие не вспоминают о своих прежних воплощениях, хотя они в прежние времена были ясновидящими в той или иной степени, так как они не развили тогда тех способностей, которые являются именно способностями Ибо дело не в том, чтобы были развиты ясновидческие способности, но чтобы уже действительно был развит тот, кто видит.

Итак, если прежде люди были еще ясновидящими и не заботились о том, чтобы развивать те способности, которые являются способностями "Я", а именно — способность мышления, различения, то есть — то, чем на этой

Земле являются особые способности человеческого "Я", то этого "Я" в предыдущих воплощениях не было. Здесь не было самости. О чем же потом вспоминать? В предыдущем воплощении нужно было заботиться о том, чтобы в нем было одно, в себе самом заключенное В том-то и дело! Так что сегодня о своих прежних воплощениях могут вспомнить только те люди, которые в этих прежних воплощениях работали средствами мышления, логики, способности различать. Они могут вспоминать себя. У кого-то еще могло быть достаточно сильно развитое ясновидение; но если в прежних воплощениях он не работал средствами различающей способности, логического мышления, о прежнем воплощении он вспомнить не сможет. Поскольку он при этом не установил признак, знак, по которому он должен вспоминать себя. Здесь вы увидите, что, если верно понимать антропософию, следовало бы подумать о том, что мы не достаточно живо принимаемся за овладение именно этими способностями основательного мышления.

Теперь вы могли бы сказать: когда я стану ясновидящим, то потом я уже самостоятельно завоюю эту способность логического мышления. Это неверно. Почему боги вообще позволили людям возникнуть? По той причине, что только в человеке они могли развить способности, которые они иначе вообще не смогли бы развить: способность мыслить, представлять себе нечто в мыслях так, что эти мысли при их различии — связаны. Эта способность может быть выработана только на нашей Земле; раньше ее вообще здесь не было, она должна была прийти лишь благодаря тому, что возникли люди.

Прибегая к сравнению, мы можем сказать: предположим, у вас есть зерно, например, зерно пшеницы. Как бы долго вы его не созерцали, пшеницей оно не станет. Вы должны вложить его в почву и позволить ему расти, позволить воздействовать на него силам роста. То, что было у божественно-духовных существ перед образованием человека, можно сравнить с семенем пшеницы. Оно должно было взойти в форме мысли, затем оно должно было сначала воспитываться на физическом плане человеком. Нет никакой другой возможности возвращать мысли высших миров, кроме как позволять им прорасти в человеческих воплощениях. Так что то, что люди мыслят здесь, на физическом плане — своеобразно и неповторимо, и оно должно присоединяться к тому, что возможно в высших мирах. Человек действительно был необходим, иначе боги не позволили бы ему возникнуть. Боги позволили возникнуть человеку, чтобы то, что они имели, получить также еще и через человека, в форме мысли. То, что нисходит из высших миров, никогда вообще не получило бы форму мысли, если бы человек не мог ему эту форму мысли придать. И кто не хочет мыслить на Земле, тот отнимает у богов то, на что они рассчитывали, и тогда то, что, собственно, является человеческой задачей и человеческим назначением на Земле, будет недостижимым. Человек может достичь этого только в том воплощении, в котором он проникается тем, чтобы действительно работать мыслительно.

Если обдумать это, то из этого следует все остальное. То, что дает откровения, настоящие факты о духовном мире, может быть самым различным

образом впитано человеческой душой. Конечно, это возможно, и во многих случаях люди сегодня действительно приходят к визионерскому ясновидению, не будучи при этом строгими мыслителями; более того, к ясновидению приходят гораздо больше людей, которые вовсе не являются строгими мыслителями, чем строгих мыслителей, но существует большое различие между опытом в духовном мире тех, которые являются строгими мыслителями, и тех, которые таковыми не являются. Это различие я могу выразить так: то, что открывается из высших миров — наилучшим образом отчеканивается в тех формах представлений, которые мы несем навстречу этим высшим мирам, как мысли; это — лучший сосуд.

Если же мы вовсе не являемся мыслителями, то откровения должны искать себе другие формы, например, форму образа, форму чувственного образа. Это — наиболее распространенный способ, каковым тот, кто не является мыслителем, получает откровения. И вы можете затем слышать, как те, кто являются ясновидящими визионерами, не будучи в то же время мыслителями, рассказывают о своих откровениях в чувственных образах. Они прекрасны, но в то же время нужно осознавать, что субъективное переживание будет совершенно иным в зависимости от того, как вы получили это откровение — как мыслитель или как человек, мыслителем не являющийся. Если вы получаете откровения как не мыслящий, то здесь имеет место чувственный образ; здесь находится та или иная фигура. Она открывается из духовного мира. Если, скажем, вы видите облик Ангела, тот или иной символ, который выражает то или иное, возможно — крест, дароносицу, чашу — в области сверхчувственного вы видите это как готовый образ. Вам ясно: это не действительность, это — образ.

Несколько иным способом опыт субъективного сознания в духовном мире переживается мыслителем, не совсем так, как не мыслящим. Здесь он, так сказать, не дается раз и навсегда, как выстрел из пистолета; здесь он совершенно иной. Возьмем, скажем, не-мыслящего ясновидящего визионера и мыслящего. Не-мыслящий ясновидящий визионер и мыслящий ясновидящий визионер — оба получили бы один и тот же опыт. Конкретизируя, скажем: не-мыслящий ясновидящий визионер видит то или иное явление духовного мира, мыслящий ясновидящий визионер его еще не видит; он видит его несколько позже, и в тот момент, когда он его видит, оно уже понято его мышлением. Здесь он может уже различать, он может уже знать, истина это или не истина. Но видит он его несколько позже. Когда он видит его несколько позже, это явление из духовного мира выступает перед ним так, что оно у него пронизано мыслью, и он может различать — заблуждение это или действительность, так что, прежде чем он его видит, у него, так сказать, предварительно уже кое-что есть. У него это есть, конечно, в тот же момент, что и у немыслящего ясновидящего визионера, но видит он это несколько позже. Но когда он видит это явление, оно уже снабжено суждением, пронизано мыслью, и он может точно знать — является ли оно призрачным образом, объективированы ли здесь его собственные желания, или же это — объективная реальность. Таково

различие в субъективном переживании. Немыслящий ясновидящий визионер видит явление тотчас же, мыслящий — несколько позднее. Зато у первого оно остается таким, каким он его видит, он может его так и описать. Но мыслитель сможет полностью включить его в то, что имеется в обычном физическом мире. Он сможет привести его в отношение к нему. Ведь физический мир, так же, как и это явление, является откровением духовного мира.

Отсюда вы видите, что, приближаясь к духовному миру, будучи вооруженным инструментом мысли, вы уже имеете гарантию верной оценки того, что вам откроется. Но теперь присоединяется еще следующее: можно спорить по поводу ценности сообщений из духовного мира, если сами мы не видели соответствующих явлений. Теперь к двум, которых мы противопоставили друг другу — добавим третьего, который теперь вовсе не является ясновидящим, но которому только сообщаются результаты духовного исследования, поскольку они приобретались на пути острого мышления в союзе с визионерским видением. Он принимает и понимает их как разумные. Да, это факты из духовного мира. Мыслящий ясновидящий визионер обладает ими и ими обладает каждый, кто понял их разумом, даже если он этого не осознает. От вас не требуется быть ясновидящими в течение долгого времени, но, тем не менее, вы содержите в себе полное значение того, что вы принимаете как сообщения.

Это — различие между тем, чтобы нечто иметь, и тем, чтобы осознавать то, что имеешь. На этом можно очень легко объяснить отношение такого невидящего духовного ученика к ясновидящему. Представьте, что вы получили наследство, но еще ничего об этом не знаете. Если это случилось, если вы получили наследство, но вам еще ничего об этом не известно, оно уже сегодня имеет для вас свое истинное значение. Лишь позднее вы можете узнать то, что сегодня вы получили это наследство, но все же вы им обладаете. Так же это обстоит и с тем, кто узнает факты духовного мира благодаря антропософии. Если он понял их разумно — они у него есть, он владеет ими и теперь может выжидать некоторое время, пока он их осознает. Но это нечто такое, что совершенно не является равнозначным владению фактами. Особенно это проявляется после смерти. Что, собственно, полезно — если мы хотим применить это тривиальное слово, чтобы уяснить себе суть дела — что человеку более полезно после смерти: то, что он визионерски нечто видит без мысли, или что он принимает чисто спиритуальные сообщения без визионерского видения?

Очень легко можно было бы сделать вывод, что визионерское видение — лучшая подготовка к смерти, чем простое слушание фактов из духовного мира. Но все же это не так! После смерти человеку действительно мало пользы от того, что он просто что-то визионерски видел. Напротив, фактически он сразу начинает осознавать то, что принял в сообщениях, если понял их разумом. После смерти имеет значение именно то, что мы поняли, безразлично — видели мы это, или нет. Возьмем глубочайшего посвященного: он может озирать своим ясновидением весь духовный мир, но это не усиливает своего значения после смерти, если он не в состоянии выразить эти созерцаемые

факты в человеческих понятиях. После смерти ему помогают только те вещи, которые он имеет здесь как понятия. Это — семена для жизни после смерти. Конечно, тот, кто является ясновидящим визионером и мыслителем, может сделать плодотворным то, что он видит визионерски. Но два человека не мыслительного типа, один из которых ясновидящий, а другой только слышит о том, что видит другой, после смерти оказываются точно в одном и том же положении; ибо мы приносим в жизнь после смерти то, что приобретаем здесь с помощью строгого мышления. Это прорастает затем как семя, а не то, что мы извлекаем из миров, в которые мы входим. То, что мы принимаем из высших миров, мы получаем не как свободный дар, чтобы удобнее владеть этим потом, когда мы покинем физический план, но затем, чтобы пустить это в оборот здесь, переводя это в земные ценности. Насколько мы запустим в оборот этот капитал, в земных ценностях, настолько это поможет нам после смерти. Вот что существенно.

Это — то, что касается соотношения этих вещей после смерти. Но также и здесь, на физическом плане, это соотношение у ясновидящего визионера иное, чем у мыслящего ясновидящего визионера. Конечно, заглядывать в духовные миры — интересно и чарующе; но все же, если мы созерцаем эти духовные миры лишь визионерски, не просматривая эти вещи мыслительным образом, мы никогда не будем застрахованы от заблуждений. Нет иного средства против заблуждений, кроме ясного осмысления созерцаемого. Более того: предположим, что ясновидящий визионер видел то или другое так, как он это видит (это вы можете извлечь из его описаний); но ведь оно, все же — пропитано элементами физического плана. Или же вам кто-то описал некоего Ангела, который не пропитан элементами физического плана? У него, ведь, есть крылья, но крылья есть также у птиц. У него — человеческая верхняя часть туловища, но человеческое туловище есть у каждого человека на физическом плане. Конечно, того способа, коим составлены эти вещи, о которых рассказывает ясновидящий визионер, на физическом плане нет; но элементы их на физическом плане все же имеются. Образы полностью составлены из элементов физического плана. И это не является неправомерным. Но все же из этого вы можете сделать вывод, что такой образ содержит земной остаток. То, что вы констатируете здесь в ваших видениях — в формах, в образах, которые взяты с физического плана — все это не принадлежит духовному миру, это лишь символизация духовного мира средствами мира физического. Излагая это в "Очерке тайноведения" я разъяснил, что в сегодняшнем ясновидении надо идти до этого пункта, что хотя сначала, в своем предшествующем развитии оно имеет некую образность, но на этом нельзя останавливаться, надо продвигаться до точки, где сбрасывается последний земной остаток видимости. Но для ясновидящего здесь, когда он сбрасывает все земные остатки, таится определенная опасность. Когда он видит, например, Ангела и отбрасывает при этом все земное, то возникает опасность, что тогда он больше ничего не увидит. Если он исключит то, что поднимается от чувственной образности, тогда возникает опасность, что он не

увидит ничего. И то, что предохраняет нас от полной потери предмета, когда мы действительно входим в духовный мир, это — семя, которое может произрастать из мышления. Тогда мысли дают субстанцию, чтобы уловить то, что существует здесь, в духовном мире. Мы обретаем способность действительно жить в духовном мире благодаря тому, что схватываем в нашем чувственном мире то, что уже не пропитано элементами чувственности, и все же существует здесь, на физическом плане. Это — мысли, и только мысли. Мы не можем принести в духовный мир ничего, кроме мыслей. К примеру, круг: в нем ничего нет от мела, которым он начерчен, но лишь — мысли о круге. С ними вы можете подниматься в духовные миры. От самого образа вы не сможете внести ничего.

Сейчас я могу описать вышеупомянутый субъективный процесс еще точнее. Снова возьмем тот случай, когда, скажем в духовном поле видится нечто вроде ковчега, или дароносицы. Теперь я попытаюсь охарактеризовать обоих ясновидящих — просто визионера и мыслящего — предполагая, что первый видит это здесь, в А, а второй, мыслящий ясновидящий — лишь только здесь, в Б.

А ----- Б.

Он осознает это лишь с этого момента. Но он получает это видение одновременно с мыслями и может его мыслями пронизать. Конечно, в тот момент, когда мыслящий ясновидящий пронизывает образ мыслью, для ясновидящего визионера он становится неясным, для него он становится темным и невнятным здесь, в момент Б. Это наступает лишь некоторое время спустя. Как раз тогда, когда мысль может связаться с формой, для ясновидящего визионера форма становится смутной и невнятной. Он, собственно, никогда не в состоянии соединить с нею мысль. Поэтому у него никогда не бывает переживания присутствия при этом своим ... ??? Это переживание — нечто такое, чего явно недостает просто ясновидящему визионеру.

Все это является чем-то таким, что, так сказать, более интимно входит в наш предмет и что чрезвычайно важно обдумать, что должно вести к необходимости развивать свое мышление, преодолевать стремление к удобству, которое заключается в нежелании усваивать осознающее знание. В тысячу раз лучше сперва усвоить духовные представления мышлением, а затем, в соответствии со своей кармой — раньте или позже стать способным самому подниматься в духовные миры, чем сперва видеть без мыслительного понимания то, что сообщается в движении, которое называют антропософским. В тысячу раз лучше знать духовную науку и еще ничего не видеть, чем видеть нечто и не иметь возможности проникнуть в это своим мышлением, поскольку из-за этого в дело вступает неопределенность.

Но вы можете выразиться еще точнее, сказав: в наше время есть проницательные мыслители, которые могут разумным образом понимать

духовнонаучное мировоззрение. Почему же именно им иногда так тяжело прийти к ясновидению? Тем, которые не являются строгими мыслителями, относительно легко удается прийти к визионерскому ясновидению, и они становятся по отношению к мышлению слегка заносчивыми, в то время, как строгим мыслителям прийти к ясновидению весьма нелегко. Именно там, где действует определенное замаскированное высокомерие, скрывается острый подводный камень. Едва ли найдется нечто, столь же сильно питающее высокомерие, как не просветленная мыслью ясновидение, и это особенно опасно потому, что такой человек, как правило, вовсе не знает, что он высокомерен, но представляется даже весьма смиренным. Он вовсе не отдает себе отчета в том, что это относится к чудовищному высокомерию — считать мыслительную работу людей ничтожной, а главную ценность придавать определенным озарениям. В этом — замаскированное высокомерие, которое чудовищно.

Теперь поставим следующий вопрос: почему это так, ведь опыт учит тому, что некоторым мыслителям чрезвычайно трудно становиться ясновидящими? Это связано с одним важным фактом. То, что называют человеческой способностью различать, силой суждения, то, что развивает именно мыслитель — логическое мышление — именно это вызывает вполне определенное изменение всего строения мозга. Строгое мышление изменяет свой физический инструмент. Физическое исследование, правда, мало знает об этом, но это так; физический мозг, которым пользовался мыслитель, выглядит иначе, чем принадлежавший не мыслящему. То, что первый — ясновидящий, мало что меняет. У того, кто не мыслит, вы находите мозг в очень сложных извилинах, у строгого мыслителя — напротив, он относительно прост, без особых усложнений. Мышление здесь выражается именно в упрощении мозговых извилин. Сегодняшнее исследование ничего об этом не знает.

Проницательность — это то, что в состоянии проникать в суть, а не то, что сводится к анализу. Отсюда сравнительная простота извилин мозга у проницательных мыслителей. Там, где физическое исследование снисходит до того, чтобы просто изучить строгое мышление, которое справедливо для физических условий, очень скоро оказывается, что физическое исследование подтверждает то, что утверждает духовная наука. Исследование мозга Менделеева/12/, которому наука обязана открытием периодической системы элементов, подтверждает то, что говорит духовная наука: его мозговые извилины были простыми. В известных пределах он обладал весьма обширным мышлением, и здесь физическое исследование в итоге также совершенно подтвердило истину того, что я сказал. Итак, как сказано, здесь налицо изменение инструмента мышления. Это изменение должно вызывать деятельность самого мышления. Ведь никто не рождается со всеми этими способностями, которые он приобретает позднее, разве что с задатками к ним; но он должен сперва развить эти способности, так что в его мозгу в течение жизни в самом деле происходит изменение. Этот инструмент мышления после мыслительной жизни становится иным, чем был прежде.

Дело здесь в том, что наше эфирное тело, которое для достижения ясновидческого сознания мы должны освободить от нашего физического мозга, этой мыслительной деятельностью приковывается к физическому мозгу. Эта работа мышления сильно связывает эфирное тело с мозгом. Если кто-то вследствие своей кармы еще не имеет сил снова в должное время его освободить, тогда может случиться так, что в этом воплощении он не сможет достичь в области ясновидения ничего особенного. Предположим, что он, в силу своей кармы, в своем прежнем воплощении должен был быть строгим мыслителем. Тогда его мышление теперь не будет столь сильно связывать мозг с эфирным телом и вскоре он относительно легко освободит эфирное тело, и тогда, благодаря тому, что мыслительные элементы являются наилучшим семенем для продвижения в высших мирах, сможет тончайшим образом исследовать их тайны. Он, конечно, должен сперва освободить эфирное тело от мозга. Но если эфирное тело так застряло в физическом мозге, напечатлевая ему мыслительную деятельность, что оно при этом истощилось, то его карма, вероятно, заставит его долго ждать, пока он освободит его снова. Но если он потом все же продвинется, то преодолет рубеж логического мышления. Тогда это не потеряно, тогда никто не отнимет у него того, чего он добился. И это чрезвычайно важно, так как ясновидение в противном случае может снова и снова пропадать. Я еще раз обращаю ваше внимание на то, что в былые времена вы все были ясновидящими.

Почему вы больше не владеете способностью ясновидения? Потому, что вы в то время не были связаны с земным бытием, вы были погружены в духовный мир, вы не снижали его до ваших способностей, визионерское ясновидение основывалось на отрешенности от всего земного.

Это — то, что мы должны принять во внимание. Эти тонкости нужно вписать себе в душу. Надо себе уяснить, что задача истинного тайноведения сегодня — сообщать те результаты духовного исследования, которые пронизаны мыслительным содержанием, так что результаты ясновидческого исследования всегда оформлены так, что не ясновидящий человек всегда может понять их своим мышлением. Только для этого они должны быть связаны с мыслью. Отсюда проблемы с древними книгами, в которых речь идет о явлениях высших миров. Если вы возьмете такие древние книги, то в них, если вы исходите из традиций сегодняшней духовной науки, вы повсюду ощутите некоторую ущербность. Это, пожалуй весьма замечательные сообщения, то, что вы находите в этих древних книгах, но нынешний человек, если сам он не ясновидящий и не может уточнять предмет, немного сможет с ними предпринять, тогда как с тем, что предлагает сегодня духовная наука, каждый, кто постарается — может предпринять кое-что, так как он сможет это пронизать тем, что может получить на физическом плане в мыслительных элементах. Ибо то, что существует в духовном мире и то, что существует в физическом мире — постигается теми же понятиями. Сегодняшнее естествознание говорит о развитии и духовная наука также говорит о развитии. Если вы усвоили понятие развития, то вы можете понять, что сообщается в

духовной науке. Вы можете усвоить понятие кармы, поскольку можете представить себе мысленный образ этого. Конечно, если вы просто скажете, как это делают некоторые теософы: каждая духовная причина влечет духовное следствие и это — карма, то вы не имеете понятия о карме. С бильярдным шаром также можно наблюдать закон причины и следствия, но здесь у вас нет правильного сравнения с кармой. И напротив — возьмите железный шар и бросьте его в сосуд с водой. Если шар холоден, то вода останется той же. Но если вы нагреете шар и затем бросите его, то вода становится теплой. Вследствие события, которое произошло с шаром, вода становится теплой. Это можно сравнить с кармой, если последующее событие является следствием прежнего происшествия.

Так что мы должны совершенно ясно отдавать себе отчет и том, что каждый, кто пронизывает мыслью факты духовного мира, может сообщать их также и таким образом, что гот, кто приобрел мысли здесь на физическом плане, может применить те же мысли и к тому, что сообщается из духовных миров. Тогда он может это понимать. Это каждый должен осознать. Каждый должен понять, что дело не в том, чтобы получать сообщения из высших миров, а в том, чтобы получать их тем способом, который соответствует нашим земным условиям. Каждый должен отдавать себе отчет в том, что он получает сообщения из высших миров не иначе. Конечно, более удобно просто верить тому, что сообщается. Но это уже худо. Если кто-то хочет верить, то это похоже на то, как если бы он удовлетворялся рассказами о том, что свет есть, в то время, как ему конкретно нужен свет, чтобы осветить комнату. Для этого здесь должен быть свет, простая вера здесь не поможет. Таким образом важно, чтобы мы сначала схватывали форму, форму добросовестного, основательного размышления, чтобы прежде всего благодаря этой форме принимать сообщения из духовного мира. Исследовать их мы можем, только владея способностью ясновидения, но понять их, если они исследованы, может каждый, кто воспринимает их правильным образом.

Если так мыслить, то все опасности, которые действительно обычно связаны с тем, что называют антропософским движением, будут более или менее устранены. Но опасности выступают сразу, если люди развивают ясновидческие способности и не придерживаются того, чтобы в то же время обогащать свое мышление и, в особенности свое познание — мыслительными средствами. Многих одолевает эта алчность, выхватывать что-нибудь из духовного мира и без действительного тщательного познания обращаться с тем, что должно быть завоевано на физическом плане. Никакой Бог не сможет постичь мир в мыслях, если не воплотится на этой физической Земле. Он может постигать мир в совершенно другой форме; но, чтобы постичь его в этой форме, он должен инкарнироваться здесь, на этой Земле. Размышляя над этим, каждый может уяснить себе, что развитие в себе способностей, которые затем правильно не используешь, связано с определенными опасностями. Кто развивает определенное визионерское ясновидение и правильно его не использует, отсекая у себя возможность убедить в этом мир, кто остается лишь

на астральном плане и не переносит свой опыт на физический план, тот подвергает себя опасности распахнуть пропасть между своими видениями и физическим планом.

Предположим, у кого-то имеют место весьма значительные видения, которые принадлежат астральному плану. Они вполне могли бы быть действительностью; они могли бы иметь место также у не мыслящего ясновидящего визионера; но вот, между ним и тем, что лежит в основе физического плана, открывается пропасть. Возьмите полотенце, и представьте себе, что это и есть физический план. И вот перед ним стоит ясновидящий визионер; он видит свое видение. Но за физическим планом пребывает собственно духовный мир. Физический план — это майя. Этот физический план не устраняется тем, кто является ясновидящим визионером; он исчезает только для того, кто удаляет его средствами мысли. Здесь вы проникаете за физический план лишь тем, что вы постигаете его мыслительным ясновидением. Здесь есть физический план, но вы не видите духовного мира, действительного духовного мира. Здесь открывается пропасть, здесь остается существовать физический план, как майя. И эта невозможность проникнуть через физический план основывается на том, что мозг не способен отключаться. Если вы научились правильно мыслить, то для мышления вы не нуждаетесь непосредственно в вашем мозге. То, что является мышлением — работает над мозгом, но мыслительная деятельность непосредственно в мозге не нуждается.

Это — вздор, если кто-то станет утверждать: мозг мыслит. Однажды (лет тридцать пять назад) я шел по улице с молодым человеком, который тогда учился, он был тогда на самом верном пути стать полностью материалистом. Он сказал, что теперь, когда он мыслит, у него внутри колеблются атомы мозга; каждая определенная мысль имеет определенную форму; и он расписывал, что, собственно, это вздор — предполагать что-то вроде души, которая бы здесь мыслила. Ведь мыслит мозг. Я сказал ему: скажи мне тогда, почему же ты бываешь столь неправдивым? Если это так, как ты говоришь, то ты не можешь сказать: я думаю. Ты должен тогда сказать: мой мозг думает. Ты должен также сказать: мой мозг ест, мой мозг видит Солнце. Тогда бы это было правдой. — Да, тогда он скоро бы увидел, какой вздор несет.

Итак, мозг — это не то, что мыслит. Это можно объяснить себе, как говорится, действительно тривиальными соображениями, если действительно не быть современным материалистом. Мыслительная деятельность вовсе не обречена на то, чтобы употреблять мозг как свой инструмент. Там, где мысль становится чистой, мозг не участвует. Он участвует лишь при символизации.

Если вы представляете себе начерченный мелом круг, то это происходит только благодаря мозгу; но если вы мыслите чистый, свободный от чувственной образности круг, то сам круг является активным, тем, что только формирует мозг. Но когда у человека имеет место визионерское ясновидение, то он остается в своем эфирном теле и вовсе не касается физического мозга. Можно всю жизнь прожить в визионерское ясновидении. При этом мозг не

становится иным, при этом развивается эфирное тело, но не мозг. Но из-за этого вы никогда не сможете преодолеть эту пропасть, вы никогда не сможете действительно проникнуть сквозь майю. Вы сможете это, только пропитав ее мыслями.

Кто пренебрегает мыслительным подходом, тот развивает способности, которые не постигают свой объект, не проникают действительно в духовный мир. И вследствие этого возникает несоответствие между тем, что он постоянно развивает в своем эфирном теле, и тем, чем он, собственно, как человек, является. Возникает полное несоответствие: несоответствие его мозга его ясновидческим способностям. Мозг груб, так как хозяин не старался облагораживать его мышлением.

Формируется некое препятствие, вследствие чего он не может приближаться со своими видениями к духовной действительности. Он удаляется от действительности, вместо того, чтобы приближаться к ней. Тогда исключается любая возможность судить о духовном мире. Такой человек, конечно, может видеть многое, но у него никогда нет гарантии, что оно соответствует действительности. Судить об этом может только тот, кто может различать между простым видением и действительностью. Лишь дар различения может это позволить. Не имея его, никогда нельзя отличить простое видение от действительности. Но способность различать можно выработать только работой на физическом плане. И те, которые пренебрегают с трудом завоевываемой мыслительной работой, всегда парят, лишённые почвы.

Это надо осознать. Тогда не смогут возникнуть вещи, которые иначе столь легко возникают, которые могут происходить постоянно, когда люди, развивая визионерское ясновидение, сооружают плотину против истинного мира и живут потом в своих мечтаниях. Это равносильно прекращению ориентации в физическом мире, равносильно именно неполному переживанию своих чувственных восприятий. Добиться разумности можно посредством того, чтобы работать так, как эта разумность только и может образоваться: посредством мышления физического плана. Пренебрегая усвоением этой разумности, мы парим в заблуждениях. Это — то, что мы должны усвоить, иначе возникают все эти потери, которые неизбежно должны быть связаны с тем, что называют антропософским движением. Кто хочет лишь слепо верить, то есть принимать на основе простого авторитета другого человека все сообщения из высших миров без разумного мышления, тот делает нечто такое, что хотя и весьма удобно, но содержит в себе опасность. Вместо того, чтобы вырабатывать вещи в себе, вместо того, чтобы мыслить из себя, принимают в себя знание другого человека, вещи, которые видел другой.

Отказываются мыслительно проверять, что он сообщает. Это приводит к тому, что через антропософское движение может возникнуть вред. У такого слепо верящего человека может произойти то, что он потеряется, что он не сможет больше различать между тем, что есть истина и что — ложь.

Ничто не может столь сильно взращивать лживость, как известное чисто визионерское ясновидение, которое не растёт, обвиваемое и контролируемое

мыслью. И с другой стороны, таким ясновидением возвращается еще и другое качество, а именно — известная самонадеянность, известное высокомерие, которое может вести к мании величия. И оно тем более опасно, поскольку не замечается. Опасность очень велика, потому что придерживаются чего-то лучшего, видят те или иные вещи, которых не видит другой. И тогда обычно совсем не знают, сколь глубоко то, что жестко граничит с манией величия, как глубоко оно сидит в душе. Это скрывается определенным образом в особенности за тем, что люди с безусловной уверенностью клянутся в своем видении и не терпят никаких возражений, так что можно видеть, что люди верят самому глупому свидетельству, если только оно сообщается им с астрального плана. Им бы вовсе не пришло на ум принимать на веру такие вещи от человека физического плана, если он скажет им это, но с рабской доверчивостью они верят в то, что говорится им с астрального плана. Кто отучается от этого, тот не может поддаваться на всяческий обман и мистификацию. Но если не развивают в себе стремления проверять, но только хотят приобретать себе убеждения удобным образом — этому поддаются. Не следует это себе облегчать. Нужно принимать во внимание то, что приобретать себе убеждения — принадлежит к священнейшим делам человека. Принявшего это во внимание не испугают никакие усилия ради действительной работы, его не увлекут подслушивания сенсационных сообщений. В сообщениях из духовного мира мы действительно понимаем достаточно, но необходимо также, чтобы мы усваивали правильный образ мыслей и правильный вид представлений, чтобы вести себя соответственно этим вещам.

Это я хотел сегодня высказать. Я хотел высказать это не просто предостерегающе, как проповедь, но высказать со всеми обоснованиями. Поэтому это было, возможно, уже несколько более тяжелой мыслительной работой. Но я всегда пытаюсь в моих методах придерживаться того, чего можно требовать как правильного в духовнонаучном движении. Многие жаждут елейных призывов. Я отказываюсь от этого. Я пытаюсь представлять вещи так, чтобы они могли облекаться в действительные мыслительные формы. Если обсуждать предметы физического плана как сегодня, тогда, конечно, это — иногда трудная мыслительная работа, так как они не столь сенсационны, а также не настолько приятны, как предметы высших миров, однако они — чрезвычайно важны. Вы не недооцените важность этих вещей, если скажете себе: действительно, должно наступить то, что должно наступить, а именно — чтобы в следующих воплощениях достаточно большое число людей вспомнили себя в своем нынешнем воплощении, и об этом надо позаботиться заранее. Развивайте вашу силу суждения, тогда вы — кандидаты в следующем воплощении вспомнить себя в нынешнем. Позаботьтесь о том, чтобы суметь исследовать мир мыслью. Ибо, если вы можете многое видеть также визионерским способом, то это ничем вам не поможет в воспоминании о нынешнем воплощении. Но для этого и существует здесь Антропософия, чтобы подготавливать то, что должно наступить как необходимость: чтобы было достаточно большое число людей, которые теперь действительно могут

оглянуться на это воплощение из собственного знания.

Сколь многие в этом воплощении приходят к тому, чтобы сопровождать духовнонаучное знание ясновидческими способностями, это зависит от кармы отдельного индивида.

Конечно, здесь сидят многие, чья карма — такова, что они в этом воплощении не пришли к тому, чтобы видеть мир ясновидчески. Но все те, которые усваивают то, что в настоящей духовной науке дается облаченным в мыслительные формы, получают в следующем воплощении плоды этого, ибо они усвоили основы этого. Человек может, так сказать, быть ясновидящим, не зная об этом, и тот, кто аккуратно изучает духовную науку, обладает видением и может ожидать, что его карма позволит ему созерцать также и конкретные вещи.

ЕВАНГЕЛИЯ

Штутгарт, 14 ноября 1909 г.

Сегодня мы обсудим некоторые темы, сыгравшие определенную роль в нашем современном развитии спиритуального движения в Германии. Вы, конечно, частично участвовали в нашем обсуждении различных духовнонаучных истин и познаний на основе Евангелий. В различных местах обсуждалось то, что можно сказать в связи с Евангелием от Иоанна; затем обсуждалось то, что может говориться в связи с Евангелием от Луки. Правда, не все из вас слышали эти вещи. И сегодня это должно говориться не в том смысле, что нечто предпосылается тому, что было здесь сказано, но из всей этой духовнонаучной области перед вами будет упомянуто только то, что важно для всех.

Здесь, в Штутгарте, уже упоминалось о том, что христианство и все, что с ним связано, произвело коренное изменение в общем развитии человечества, и то, что сегодня вокруг нас происходит, что человеческая душа может сегодня пережить — нельзя хорошо понять, не постигнув всего значения события Христа в нашей земной истории. И бесконечно важно для каждой отдельной человеческой души познать значение этого события.

Вы знаете, что это событие Христа для людей описывается в четырех документах, в так называемых четырех Евангелиях. Вы их знаете, эти четыре документа, и, конечно, вы исследовали их самым различным образом. Эти четыре документа, Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки и Евангелие от Иоанна самым различным образом участвовали в ходе развития человечества со времени основания христианства. Великие преобразования претерпели суждение и позиция человека в отношении к этим четырем документам. Если мы спросим современного человека, даже современного теолога, чем для него являются эти четыре документа, то ответ более или менее напрашивается сам собой. Скажут примерно так: прежде всего

мы имеем три документа, Евангелия — от Матфея, от Марка и от Луки. Они, по меньшей мере, соответствуют истине (это сегодня общее суждение) и кое в чем согласованы. Но совсем отличается от этих трех документов четвертый, Евангелие от Иоанна. Это Евангелие от Иоанна сначала действует на человека таким образом, что он говорит себе: если три первых Евангелия принять как исторические документы, как описания жизни Христа Иисуса, то четвертый документ столь существенно противоречит трем первым, что этот четвертый нельзя принять как соответствующее историческим фактам описание. Так, существует мнение, что этот четвертый документ лишь сочинение, происшедшее из вероисповедания некоего преданного мужа, свидетельствующего о миссии Христа Иисуса, нечто вроде гимна, изливающегося из сердца, чтобы восторженным образом выразить то, что сказал бы художник. Три других Евангелия называют каноническими, поскольку они пытаются составить что-то вроде исторического образа, и поскольку люди верят, что в этих Евангелиях определенным образом воспроизводятся исторические факты. Но если хотят держаться за противоречия, которых ищет внешний, привязанный к физическим условиям рассудок, то три первых Евангелия, поистине, предоставляют достаточно таких противоречий. Разве это не противоречия, что в Евангелии от Матфея рассказывается о рождении Иисуса в Вифлееме, рассказывается о бегстве в Египет, о появлении магов с Востока, а в Евангелии от Луки, напротив — рассказывается о поездке в Вифлеем, но полностью умалчивается о том, что рассказывается в Евангелии от Матфея о магах и умалчивается о бегстве в Египет, и так далее? При всем этом мы вовсе не станем касаться подробностей трех лет деятельности Христа Иисуса. Мы могли бы находить здесь противоречие на противоречии.

Можно было бы поставить вопрос: как все же, собственно, идет развитие суждения о Евангелиях в ходе христианских времен? Всегда ли было так, что, рассматривая Евангелия, люди видели в них прежде всего противоречия? Мы должны себе уяснить, как происходило само это развитие суждения о Евангелиях. То, что сегодня люди имеют Евангелия в своем распоряжении, это, ведь — пришло недавно. Лишь недавно началось распространение Евангелия во всем человечестве. До изобретения типографского искусства Евангелия, в сущности, были в распоряжении немногих, и, поистине — людей весьма разумных, которые занимались ими ученым образом, которые сделали это делом своей жизни. И это дело обстоит вовсе не так, что, чем дальше мы отходим во времени назад, тем больше обнаружим высказываний типа: здесь есть противоречия, здесь нечто противоположное истине. Напротив, чем дальше мы возвращаемся назад, тем больше обнаруживаем, что этих противоречий не ощущали, что имея перед собой рядом все четыре Евангелия — противоречий не видели. Все настроение, которое было у людей по отношению к Евангелиям, в течение первых христианских столетий — было совсем иным. Если бы мы захотели охарактеризовать это настроение, то мы должны были бы сказать, что люди первых христианских столетий были

исполнены неслыханного благоговения по отношению к тому, что изображается в Евангелиях. Все это настроение было проникнуто созерцанием великого образа Христа Иисуса.

А как склонны ощущать Евангелия теперь? Как ощутили бы то, что в Евангелии от Матфея рассказывается нечто иное чем, например, в Евангелии от Луки? Ощутили нечто подобное тому, как если бы (я уже неоднократно употреблял это сравнение в различных докладах), как если бы сегодня некто фотографировал дерево со стороны. Такая фотография дает представление, вид дерева. Если бы шла речь о том, чтобы воспроизвести это дерево по его представлению, то это представление было бы в высшей степени односторонним. Можно несколько больше надеяться, что представление дерева будет в какой-то мере верным, сфотографировав его с четырех сторон. Тогда оказалось бы четыре образа одного дерева. Они очень мало совпадали бы друг с другом, они были бы очень разными. Тем не менее, ни у одного человека не возникло бы ощущения, что этого не может быть, чтобы эти четыре фотографии были изображениями одного и того же дерева. Каждый сказал бы: полную до некоторой степени картину дерева я могу составить себе, только изобразив его с четырех сторон. Примерно такое чувство было у людей в течение первых христианских столетий по отношению к Евангелиям. Они говорили: все великое событие именно изображается с четырех сторон, и мы получаем его полный образ, если мы действительно собираем эти четыре описания и этим, так сказать, создаем себе его общий вид. Только мы должны потом ясно понимать, как, собственно, эти четыре изображения с четырех сторон относятся друг к другу. Ведь здесь действительно великое событие изображено с четырех различных точек зрения. Если мы хотим понять, что изображает отдельная точка зрения, то нужно однажды уяснить себе следующее.

Мы имеем перед собой огромную индивидуальность Христа Иисуса, индивидуальность, о которой из описаний, которые здесь уже упоминались, знаем, что она спустилась из духовного мира и появилась в Палестине в начале нашего летосчисления. То, что пришло здесь на Землю как индивидуальность, принимается теперь как великий, всеобъемлющий идеал для каждого отдельного человека. Отдельный человек стремится, так сказать — вверх, когда в бесконечной дали он предвидит в себе то совершенство в индивидуальности, которое выражено во Христе Иисусе, и стремится следовать этому идеалу. Тогда человек видит то, что может рассматривать как свое стремление — в интеллектуальном, в моральном отношении, и так далее. Но он видит еще больше, если входит в то, что мы называем духовнонаучным движением. Здесь он видит развитие, вращение в духовный мир. Он знает, что человек может перерасти свое обычное «я», что он может вырасти в созерцание духовного мира, что он может развивать свои духовные чувства, чтобы вживаться в духовный мир. Человек познает это. В книге Жак достигнуть познания высших миров? изображается одна сторона этого вживания, вхождения в духовные миры, там вы встретите, в частности, описание того, что называют

"расщеплением личности". Когда человек развивается духовно, так что он постепенно вырастает в духовные миры, становясь даже ясновидящим, то действительно выступает нечто вроде расщепления личности. В личности первоначально выражены три силы: мышление, чувство и воля. У обычного человека; эти три силы, так сказать, объединены; они взаимодействуют — мышление, чувство и воля. Вы идете на луг, видите цветок; то есть, у вас есть представление цветка; вы подумали о нем. Цветок нравится вам; вы называете его прекрасным, значит — вы его ощутили. С мышлением связалось чувство. Вы срываете цветок и приносите его домой, то есть, вы его пожелали. И так, собственно, протекает вся внешняя жизнь человека. Он представляет, мыслит, ощущает и желает, и три силы действуют совместно. Представление вызывает чувство, последнее — вызывает желание или отвращение и тому подобное. Если человек развивается до высших миров, до ясновидения, до участия в духовных мирах, то происходит расщепление этих трех сил. У того, кто достиг определенной ступени ясновидческого сознания, не каждая мысль вызывает чувство, но мысль выступает автономно; так же автономно могут выступать и чувство, и воля. И поскольку человек тогда разделен, так сказать, на трех существ (в то время, как обычно мышление, чувство и воля являются лишь силами в его душе) — человек должен становиться намного более сильным в своей индивидуальности. Он должен тогда не только уравнивать три силы, но становиться господином трех существ — желающего, ощущающего и мыслящего. Он должен быть предводителем сборища этих трех существ. Он должен наводить порядок; должен владеть ими, иначе в него входит нечто от зла: воля дергает его в одну сторону, а мышление — в другую, и он действительно расколот и лишается ориентиров. Поэтому человек должен окрепнуть в себе, стать сильным, чтобы быть властителем существ, возникших из его душевных сил. Когда человек развивается до высших миров, он, так сказать, раскалывается на три различных существа. Когда нас встречают существа сверху, из духовных миров, и мы видим их собственную сущность, которую можно увидеть только духовным зрением, то с самого начала они выступают строго разделенными на существ мыслящих, желающих и ощущающих. Они — таковы, какими их развил человек.

В частности, это имело место у той великой индивидуальности, которая пришла к нам как Христос. Поэтому те, кто описывал Христа, сказали себе: нельзя изображать Христа, выбрав лишь единственную точку зрения; нужно изображать Его так, как мы Его видим: сперва мыслящее, исполненное мудрости существо, затем — как волящее существо, и затем — как существо чувствующее. Нужно изображать Его с точки зрения мудрости, с точки зрения воли, с точки зрения чувства. Вот как надо описывать Его, сказали люди. И к этому они были подготовлены совершенно особым образом, всем своим воспитанием, которое практиковалось тогда. Если человек вообще должен развиваться до высших миров, то сегодня в качестве первых ступеней к достижению высших познаний необходимо нечто иное; в древние времена дело

обстояло проще: если кто-то созрел до возможности восхождения в высшие миры, чтобы сделаться, так сказать, гражданином духовных миров, то говорили: теперь он созрел до восхождения в высшие миры. Посмотрим на него пристальнее! Должны ли мы развивать в нем преимущественно мудрость, или же мыслительные силы, или волю?

В тайных школах древности не все силы развивали равномерно, но занимались, в зависимости от кармы ученика, развитием у одних — мышления до ясновидения, у других — чувства до ясночувствия, у третьих — воли до магической силы. Поэтому в тайных школах древности были три класса развиваемых способностей. Такие ученики, у которых особо развивалась способность просветленно видеть исполненный мудрости духовный мир — это были те люди в мистериях, которых вопрошали о фактах высших миров и их закономерной взаимосвязи. Тривиально выражаясь, можно сказать, что в мистериях это были специалисты познания. Далее, имелся другой класс посвященных. У них особенно развитым было чувство. Чтобы это чувство могло формироваться особым образом, приходилось отказываться от развития у них познания и воли и развивать чувство само по себе. Если в человеке особо развивается чувство, то вследствие этого он становится тем, что сегодня уже почти неизвестно: он становится целителем, врачом. Ибо врач в древние времена гораздо больше, чем сегодня, влиял на исходящее из сферы чувства духовное воздействие и исцелял восприимчивую душу на пути развиваемого чувства. Это был второй класс посвященных. Они воспитывали чувство вплоть до высшего самопожертвования, вплоть до готовности принесения в жертву всех своих сил. Посвященные выявлялись именно в работе. Если хотели узнать, чего у кого-либо недоставало, тогда обращались к обучавшим мудрости. Они устанавливали, что у них отсутствует и что нужно делать. Затем приходили те, кто не мог сказать, чего недостает больному, так как у них не была развита способность мышления; но они приходили и жертвовали свои силы, поскольку развили силы чувства. В то же время это были люди, выполнявшие также и другие функции, которые, например, проявляли самопожертвование при несчастных случаях и подобных происшествиях. Третьей категорией посвященных были маги. Они развили сферу воли. Они предпринимали внешние меры. Маги развили силы воли и могли выполнять то, о чем шла речь. Так что имелись посвященные трех родов: посвященные мышления, посвященные чувства и посвященные воли. И к четвертому классу, или категории, относились те, кто определенным образом поддался искушению развить нечто от каждого из трех остальных — нечто от мышления, кое-что от чувства и кое-что от воли. Поэтому ни в одной из этих областей они не уходили так далеко, как те, другие; но у них выявлялось, как взаимосвязаны вещи при определенном посвящении в три сферы. Так что были могущественные посвященные мудрости, могущественные посвященные жертвенного служения, могущественные посвященные магизма и была четвертая категория, которая имела, так сказать, нечто от каждого из трех первых.

И теперь, когда требовалось, так сказать, описать Христа Иисуса со всех сторон (точнее это можно будет изложить в другой раз, сегодня это можно сделать лишь в общих чертах), нашлось именно четыре человека, которые, конечно, изображали теперь объединенные в Нем способности со своих четырех точек зрения. Так, первый — был особо посвящен в тайны мышления. Он изобразил те черты и свойства Христа Иисуса, которые мог понимать, в частности, такой посвященный мудрости. Он пропускал другие стороны.

Второй — был посвященным чувства. Он изображал Христа Иисуса со стороны чувства, так сказать — как врач, как целитель. Третий — был посвященным воли, магии. Он изображал силы, которые мог развить Христос для организации всего человечества. И, наконец, четвертый — был посвященным именно четвертого класса, у которого силы гармонично действовали совместно, взаимодействуя друг с другом. Он изобразил преимущественно человеческую работу Христа Иисуса. Он не видел ни всей силы мудрости, жертвенности, ни могущественной магической силы воли Христа Иисуса; но он видел, как во Христе Иисусе гармонично сочетались три силы — мышление, чувство и воля. Он изобразил Человека Христа Иисуса.

Итак, перед нами описание Христа Иисуса от четырех посвященных. Изображавший Христа Иисуса как посвященный мудрости — был автором Евангелия от Иоанна; изобразивший его как посвященный чувства был автором Евангелия от Луки; описавший его магическую силу был автором Евангелия от Марка; а показавший гармоничное сочетание трех низших членов человеческого существа — был автором Евангелия от Матфея. Таким образом каждый изобразил в Христе Иисусе то, во что именно он был посвящен.

Мы можем получить совершенный образ Христа Иисуса благодаря тому, что в четырех Евангелиях изображено то, что было особенно близким четырем личностям, авторам четырех Евангелий. Кто имеет необходимое благоговение перед столь великой индивидуальностью, какой был Христос, тот скажет: я могу получить всеобъемлющий образ именно благодаря тому, что авторы Евангелий, каждый из них, дали наилучшее, что они были в состоянии дать. Но поэтому также необходимо, чтобы то, что говорится в духовной науке, опираясь на одно из четырех Евангелий, четвертое или третье или второе или первое, вы не принимали так, как если бы в каждой такой главе была вся истина о Христе Иисусе. При слушании различных лекций, прочитанных здесь и там, легко могло бы возникнуть мнение: теперь изображен Христос Иисус, и еще было бы в высшей степени интересно изобразить его, опираясь на другое Евангелие. Это не так. Изображая Христа Иисуса согласно одному Евангелию, мы получаем лишь односторонний образ. Следовало ожидать, чтобы в ходе нашего духовного движения Христос Иисус изображался в связи со всеми четырьмя Евангелиями. Только тогда у вас будет то, что надо поведать во всех тайнах о нем.

Теперь это нас обязывает отойти от определенного одностороннего описания, чтобы снова собрать некоторый единый образ Христа Иисуса, разумеется, придерживаясь вышесказанного. После сегодняшней лекции вы не можете

сказать: теперь у нас есть истина об этих вещах; но вы должны сказать себе: теперь это было описано с одной точки зрения, но к этому должно быть добавлено и другое, это должно освещаться и с другой точки зрения.

Во Христе Иисусе у нас действительно слияние всех прежних духовных течений человечества, и в то же время — их новое рождение. Во Христе Иисусе все духовные течения сливаются и рождаются вновь, в высшей степени рождаются вновь. Мы могли бы упомянуть много таких течений дохристианского времени, выступающих перед нами из духовной науки при тех рассматриваниях, которые опираются на четыре Евангелия, соединившись в событии Христа; но сначала обратим внимание лишь на три течения.

Перед нами, прежде всего, одно мощное течение, которое действовало в Азии с прадревних времен. Это то, что мы можем обозначить как зороастризм. Второе духовное течение расцвело в Индии и достигло определенного апогея в появлении Будды Гаутамы, за 600 лет до нашего летосчисления. Третье духовное течение выразилось в древнееврейском народе. Так что во Христе Иисусе мы имеем слияние древнееврейского духовного течения с тем, что изживалось в Будде Гаутаме, и с тем, что связано с именем Заратустры. Мы могли бы упомянуть еще много духовных течений, но тогда дело бы слишком запуталось.

В четырех Евангелиях, если мы действительно их правильно понимаем, в известной мере обнаружится все, что, собственно, произошло здесь, в Палестине, в начале нашего летосчисления. То, что должна сказать духовная наука, не черпается из Евангелий. Это не является ее задачей. Совсем ничего из того, что мною высказано, не создано на основе Евангелий. Единственным документом для духоиспытателя является то, что называют Акаша хроникой, то, что можно наблюдать ясновидением. Если бы все Евангелия вследствие какой-либо катастрофы пропали, то несмотря на это, могло бы быть сказано все, что говорится о Христе в духовной науке. Все это опирается на духовное исследование. И только то, что дает в итоге это духовное исследование, сравнивается с тем, что стоит в Евангелиях. И именно отсюда возникает объективное благоговение перед Евангелиями, когда мы видим то, что снова выступает из них нам навстречу. Эту точку зрения вы не можете себе позволить оставить без внимания. Вовсе ничего не черпается из Евангелий; не черпается из Евангелий также то, что я теперь рассказываю. Но впоследствии мы сможем сравнить это с тем, что стоит в Евангелиях, и найдем здесь полное соответствие, полное созвучие.

Одним из духовных течений, которое влилось затем в христианство, было то, которое достигло своего апогея в личности, воплотившейся в Индии примерно за 600 лет до нашего летосчисления как Будда Гаутама. Что же это за индивидуальность? Мы поймем эту индивидуальность, предпослав следующее: все, что рождается в ходе времен в развитии человечества, является именно тем продуктом, который развивается, постепенно вживаясь. Вы бы впали в ошибку, полагая, что способности современного человека существовали всегда. Сегодня имеется, например, то, что называют "голосом совести". Так было не всегда.

Мы можем прямо-таки "нащупать руками", когда в ходе развития человечества возникла совесть. Обращаясь к Эсхилу, вы не найдете у него ничего от описания совести. Впервые мы найдем описание совести у Еврипида. Греческое сознание образовало понятие совести где-то между ними. То, что сегодня человек называет "внутренним голосом", только развивалось. Мы можем сказать, что до этого в человечестве был некий вид ясновидческого сознания. Как только человек делал нечто такое, чего он не должен был бы делать, ему являлся образ, как бы дух мести, и преследовал его. Это было то, что греки называли фуриями. Он действительно видел плоды своих злых деяний и духов мщения вокруг себя. Это явление, будучи вначале внешним, вовлеклось в человеческую душу как голос совести. Так же обстоит и с другими способностями людей, которые возникали лишь постепенно, и только близорукость людей, которые, так сказать, не видят дальше собственного носа (что в избытке присуще внешней науке) позволяет считать, что люди всегда были такими же, каковы они сегодня.

Так, у людей отсутствовало то, что мы могли бы называть учением о сострадании и любви. Мы должны представлять себе опыт сострадания и любви в древние времена — совсем иначе, чем сегодня. Сегодня человек может, так сказать, углубиться в себя, сосредоточиться, обдумать свои поступки и так далее. Он может, если то или иное происходит вовне, позволить зародиться в себе чувству сострадания и любви, и он знает, что это хорошо. Он может находить принципы любви и сострадания в себе самом. В древние времена этого не происходило, но в древности уполномоченные на это внушали людям, как они должны были себя вести. Люди подлежали руководству. Были отдельные водители и вожди человечества в целом, которые указывали, как люди должны себя вести. Водители человечества внушали, как должны выглядеть деяния любви и сострадания. И водители в области любви и сострадания подчинялись более высоким водителям, а все вместе они подчинялись одному водителю, которого называют Бодисаттвой любви и сострадания. Он имел миссию — вносить учение сострадания и любви. Но этот Бодисаттва, который был из учителей сострадания и любви, не был обычным воплощенным человеком, но все его существо не входило полностью в физического человека. У него был, так сказать, связующий мост с духовным миром.

Бодисаттва сострадания и любви жил в физическом человеке лишь частично, остальной своей частью его духовное существо поднималось вверх, в духовные миры. Так он нес вниз импульсы, которые он должен был вливать. Если бы мы хотели описать это спиритуально, то должны были бы сказать: здесь ясновидящий видел образ человека, в котором был частично воплощен Бодисаттва, и за ним — могущественный духовно-астральный облик, который возвышался, уходя в духовные миры и который лишь частично пребывал в физическом теле. Таким был этот Бодисаттва. Этот Бодисаттва был тем же самым, который затем повторно воплотился как принц Гаутама Будда в Индии, и именно это было для этого Бодисаттвы подъемом на более высокий уровень.

Раньше он, так сказать — позволял руководить собой свыше, принимал импульсы из духовного мира и передавал их. В этом же воплощении, за 600 лет до нашего летосчисления, на 29 году своей жизни он возвысился до достоинства Будды, то есть в этом воплощении он переживал то, что вся его индивидуальность вошла в физическое тело. В то время, когда раньше он должен был, как Бодисаттва, оставаться частично вовне, чтобы перебрасывать мост в духовный мир, то полностью воплотившись в теле, он достиг достоинства Будды. Это было прогрессом по сравнению с прошлым. Вследствие этого он мог принимать учение сострадания и любви не только благодаря инспирации, но и взирать в самого себя и принимать это учение как собственный голос сердца. Это и было озарением Будды на 29 году жизни под деревом Боддхи. Учение сострадания и любви приходило к нему независимо от связей с духовным миром, как человеческое душевное достояние, и он мог мыслить учение сострадания и любви, которое сформулировал в виде восьмеричного пути. И проповедь об этом явилась великим учением сострадания и любви, впервые вышедшим из человеческой груди.

Так должно происходить с каждой человеческой способностью. В ходе развития человечества способность должна сперва явно выразиться у конкретной индивидуальности; только тогда она вообще может начать постепенно развиваться у людей как их собственная способность. Учение сострадания и любви могло ощущаться как то, что человек извлекает из самого себя только после того, как это учение уже было однажды внесено некоторой индивидуальностью. В восточной философии это называют "вращением колеса", колеса Дхармы, сострадания и любви. Это произошло благодаря нисхождению всей индивидуальности Бодисаттвы в принца Гаутаму Будду. С этого времени существуют люди, которые могут находить учение сострадания и любви в самих себе. И это развивается таким образом, что все большее число людей будет находить в себе учение сострадания и любви, и уже спустя около 3000 лет после начала нашего летосчисления на Земле будет жить достаточное число людей, которые разовьют в своих собственных сердцах то, что нашел Будда. Тогда миссия Будды на Земле в данном отношении будет исполнена. Ибо, когда Бодисаттва низошел, чтобы стать Буддой, здесь сан Бодисаттвы принимал другой. До этого времени то, что мы называем сегодня Буддой, было Бодисаттвой. Следующей степенью после Бодисаттвы является Будда. Восходящее от Бодисаттвы Существо становится Буддой.

Восточная философия выразила это следующим образом: когда Бодисаттва низошел на Землю, он вручил корону Бодисаттвы своему наследнику. Сегодня этот наследник живет еще как Бодисаттва. Он взойдет к рангу Будды лишь через 3000 лет. Восточная философия называет его Буддой Майтрейей. Сегодня он является Бодисаттвой, а Буддой Майтрейей он станет через 3000 лет. Он имеет иную миссию, чем Гаутама Будда, она связана с вещами, которые люди сегодня еще не могут находить в себе. Такова линия развития. Так что мы можем сказать: это в самом деле продвинуло того Бодисаттву, который содержит в себе учение сострадания и любви, до достоинства Будды, и тем

самым он сообщил своей миссии сильный толчок. Благодаря тому, что в то время, за 600 лет до нашего летосчисления, всем своим Существом он пребывал в человеческом теле, он приобрел себе право больше не инкарнироваться в физическом теле на Земле. Фактически, это воплощение было последним воплощением этого Бодисаттвы. Ему больше не требовалось инкарнироваться в физическом теле, требовалось лишь нисхождение только до эфирного тела. Все последующие воплощения Будды не таковы, что его можно видеть внешне, на физическом плане, но его можно видеть только теми силами, которые делают человека способным видеть эфирное тело. Во все последующие времена Будда воплощается только в эфирном теле. Тому, что принес человечеству Будда, теперь, через 600 лет после своего воплощения на Земле он позволил влиться в то, что прокладывало свой путь через христианство. Он принес, так сказать, как жертву намечающемуся христианству то, что должен был принести, он позволил влиться этому, как духовному притоку, в общий великий поток. Это — то течение, которое достигает своего апогея в Будде. Это — одно течение.

Другое течение осуществлялось следующим образом. Чтобы представить себе — каким, обратимся к самому развитию человечества. Вы знаете, что после великой атлантической катастрофы люди не обладали такими способностями, как сегодня, но после этой катастрофы у них еще были остатки древнего сумеречного ясновидения. Логическое мышление развивалось лишь постепенно. Та культура, которую мы знаем как древнеиндийскую, была культурой, произошедшей полностью из эфирного ясновидения. Культура Заратустры — также была еще такой, в которой работали с древним сумеречным ясновидением; халдейско-египетские культуры также еще не были культурами, где мыслили так, как мыслят сегодня. Здесь все еще было инспирацией; все это не было проработано логически, но то, что возникало здесь в халдейской астрологии и в мудрости Гермеса, было более или менее инспирированной имагинацией. В этих культурах еще не была развита человеческая способность логического мышления. Напротив, развивать это было предназначено совсем другому течению, а именно тому, которое можно назвать потоком логической мыслительной культуры. Первая послеатлантическая культура произошла еще из эфирного ясновидения. Культура Заратустры — также была еще таковой, хотя уже не столь сильно выраженной. Халдейско-египетская культура — также еще основывалась на инспирации. Мышление того времени еще не было пронизано логикой; оно было соткано имагинациями, которые в величественных образах выражены в астрологии халдеев, в мудрости Гермеса из Египта.

Послеатлантические культуры произошли из двух течений. Не говоря о том потоке, который шел на запад и населил сегодняшнюю Америку, два потока переселяющихся людей под руководством своих водителей изливались на восток: один — в северном, другой — в южном направлении.

Северный поток, определенные части которого отстали в Европе, проник далее, до Азии. В то время как здесь подготавливались и разыгрывались новые

культуры, европейское население на протяжении столетий жило как бы в ожидании. Его силы словно удерживались ради того, что должно было наступить потом. В своих существенных культурных элементах они находились под влиянием того великого посвященного, который избрал себе это поле вплоть до сибирских краев и которого называют Посвященным Скифианосом. Им были инспирированы водители европейской пра-культуры, которая основывалась не на том, что пришло в человечество как мышление, но на способности к восприятию элемента, находящегося между тем, что можно называть речитативно-ритмическим языком и неким видом пения, сопровождающимся своеобразной музыкой, которая основывалась на согласованности игры подобных флейте инструментов; но сегодня такая музыка больше не встречается. Это был особый элемент, последний остаток которого жил у бардов и скальдов. Отсюда сформировалось все, что рассказывает греческий миф об Аполлоне и Орфее. Наряду с этим в Европе формировались практические способности благодаря заселению, застройке, и так далее.

Другие народные массы под водительством великого солнечного посвященного перебрались в Азию. Передовая группировка их, под руководством Риши, образовала первую послеатлантическую культуру. Далее, в Передней Азии, развилась древнейшая культура Заратустры; однако, об историческом Заратустре речь здесь не идет. То, что он вызвал, определенным образом противопоставляется древнеиндийской культуре. Последняя была построена всецело на эфирном ясновидении; Заратустра обратил свой взгляд к Солнцу. Он созерцал дух Солнца, "великую ауру", Ахура Маздао. Заратустра был первым, кто выразил характерные особенности северной культуры. Все последующее основывается на этом.

Другой поток мигрантов, южный, сформировал основу халдейско-египетской культуры, возникшей вследствие слияния одной с другой. Схематически это можно представить так: индийская культура означает развитие человеческого эфирного тела; в персидской культуре развилось тело ощущений; халдейско-египетская культура — дала душу ощущающую; в сущности, она является внутренней культурой, проходит внутренний путь. И, как объединяются тело ощущений и душа ощущающая, так это происходит во всем человечестве. Это впервые произошло именно в халдейско-египетской культуре. То же самое происходит с душой сознательной и Самодухом. Но это может происходить только при состоявшемся переходе прогрессирующей культуры в местность, в которой духовность еще сдерживается: это может происходить только в Европе. Там развитие души рассудочной и души сознательной еще сдерживалось, оно началось только после события Христа. Там в будущем сможет произойти также слияние души со свойствами Самодуха. Но это сможет произойти только благодаря такому спиритуальному течению, как духовнонаучное. Это приведет к шестому периоду нашей культуры.

В то время, как оба означенных течения еще пребывали под влиянием древнего сумеречного ясновидения, существовало третье течение, которое

сливалось с другими и подготавливало событие Христа, последовало четвертое культурное течение, которое можно было называть логически-мыслительным. Чтобы мы понимали все вполне точно, вы должны принять во внимание, что всякое ясновидение приходит вследствие того, что эфирное тело работает известным образом самостоятельно, в особенности — эфирное тело мозга. Там, где жестко соединены эфирное тело мозга и физический инструмент логического мышления, ясновидение возникнуть не может. Только если эфирное тело сохраняет нечто самостоятельным, может осуществляться ясновидение. Когда эфирное тело мозга полностью связано с физическим мозгом, оно прорабатывает мозг тончайшим образом; но оно связано работой по развитию физического мозга и в нем ничего не остается, чтобы развивать еще и ясновидение. Но было необходимо, чтобы именно эта способность вступила в человечество, скованное мозговым мышлением, объясняющее мировые явления с помощью мозга. Для этого в человечество должно было вступить нечто, что можно охарактеризовать тем, что оно должно было быть именно избранным из человечества; итак, возьмем индивидуальность, у которой меньше всего присутствовало то, что называли древним ясновидением, но напротив — был в высшей степени образованный, филигранно отделанный, тонко изваянный физический инструмент мозга. Эта индивидуальность была в состоянии обозревать явления внешнего физического мира согласно мере, числу, порядку и гармонии, искать единство во внешне разнообразных явлениях. В то время, как все представители прежних культур знали нечто из духовного мира, так сказать — по наитию изнутри, эта индивидуальность — должна была направлять взгляд в область явлений, чтобы комбинировать, логически взвешивать, говоря себе: все эти явления вовне, все это упорядочивается в гармонии, если обозревать все это в великом образе единства. То, что является здесь как единство — проявлялось как единство во внешнем мире, как Бог за явлениями физического плана. Это отличало данное воззрение от такового у других, созерцающих Бога. Другие, боговидцы, говорили себе: наше представление о Боге восходит у нас изнутри. Эта же индивидуальность, направляя взгляд повсюду, упорядочивала явления, вглядываясь в различные царства природы, приводя их в единство, короче — это был великий распорядитель мировых явлений согласно мере и числу, который был здесь избираем из всего человечества. Эта индивидуальность, которая была здесь избрана из всего человечества, чтобы, обозрев сперва внешний физический мир — найти в нем единство, был Авраам. Авраам или Аврам был тем, кто был, так сказать, избран духовно-божественными властями, чтобы принять эту особую миссию, передать человечеству силы, связанные мерой и числом внешних явлений. Он происходил из халдейской культуры. Халдейская культура узнала свою астрологию из ясновидения. Авраам же, праотец арифметики, исходил из того, чтобы находить все путем комбинации, находить благодаря тому, что физический мозг прошел некогда особую чеканку, выделку. Поэтому на него была возложена совершенно особая миссия.

Теперь мы должны обдумать следующее: как должна была протекать эта

миссия, ведь она не должна была оставаться у него одного, а становиться общим достоянием человечества. Но как это мышление, будучи привязанным к физическому мозгу, могло стать общим достоянием? Общим достоянием оно могло становиться только действительной передачей путем физического наследования. То есть, что этот народ должен был прямо-таки происходить от этой индивидуальности, которой было завещано это особое характерное свойство, до тех пор, пока оно не будет усвоено человечеством, как его миссия. От данной индивидуальности должен был произойти народ. Должен был быть основан народ, а не только лишь культура, где чему-то обучали: тому, что принимали ясновидчески, обучать возможно. Но то, что теперь должно было принять человечество, должно было передаваться потомкам путем физического наследования, причем так, чтобы оно могло прижиться во всех подробностях. Что же должно было прижиться? Путем человеческого комбинирования должно было прижиться нахождение того порядка, который был изначально внесен в человечество Авраамом. Если вглядываться в порядок звезд, то путем комбинирования можно отыскать порядок. Мудрецы халдейской астрологии обдумывали мысли богов. Теперь же речь шла о том, чтобы найти этот особый переход к комбинированию, к логическому охвату явлений во внешнем мире. Это должно было стать наследуемым свойством человеческого физического тела, которое из работы мышления давало в итоге то, что распростёрто вокруг в космическом пространстве как порядок. Это прекрасно выражено в том, что тот, кто облакает этой миссией Авраама, говорит: твои потомки должны быть упорядочены согласно порядку, согласно числу звезд — что бессмысленно переводит Библия: "Твои потомки должны быть как песок морской". Буквально это означает то, что в потомстве Авраама должно быть определенное распределение, что потомство должно быть распределено так, чтобы в нем было отображение порядка звезд на небе. Это выражено и в двенадцати сыновьях Иакова. Они соответствуют двенадцати зодиакальным созвездиям. Здесь входят меридианы, предначертанные на небе. Небесное число должно быть отображено в ряду поколений. Как число вписано в небо, так ряду поколений должен быть предписан порядок числа. Это глубокая мудрость, заключенная в словах, истолкованных столь бездумным образом: "Твои потомки должны быть как песок морской".

Итак, мы видим, какой смысл имеет миссия Авраама. Но во всей этой миссии чудесным образом символически скрывается то, что должно быть отображением мировых тайн. Прежде всего рассмотрим следующее: здесь должно быть принесено в жертву то, что является древним сумеречным ясновидением. Должно быть принесено в жертву все, основы чего с древнейших времен закладывались в человечестве. Самым сокровенным убеждением во всей этой миссии должно быть то, что все принимается только как дар извне. То же, что должно возникнуть, должно возникнуть через физическое потомство. Через него должна входить в мир эта миссия. Сам Авраам должен принимать это как Божий дар. Это происходит посредством того, что сначала от него требуется, чтобы он принес в жертву своего сына

Исаака, а затем он от этого удерживается. Что здесь, собственно, он принимает из рук Божьих? Он принимает здесь всю свою миссию. Ибо, если бы он действительно принес в жертву Исаака, то он принес бы в жертву и всю свою миссию. Получая обратно Исаака, он получает обратно свой народ. Он получает то, что, собственно, должен дать миру, в Исааке он принимает это как дар божественного мирового порядка. Таким образом все в целом, что следует за Авраамом, является даром Божьим. Последнее, что еще присутствовало в даре ясновидения (позже вы поймете, как, с другой стороны, выражаются отдельные дары ясновидения; каждый из них можно получить от одного из созвездий), последний дар ясновидения, который добровольно приносится в жертву, связан с созвездием Овна. Поэтому при жертвоприношении Исаака мы видим Овна. Это — символическое отображение принесения в жертву последнего дара ясновидения в обмен на дар возможности судить о внешних мировых явлениях согласно числу и мере. Это и есть призвание Авраама.

И как же это призвание продолжается? Жертвуется последний дар ясновидения, он должен быть исторгнут из этой миссии, и если он еще проявляется как наследие прошлого, то это не терпимо внутри текущей линии. У Иосифа возникает возврат к старому. У него есть сновидения, древний дар ясновидения. Братья его отталкивают, отвергают. И показывается, как он наказывается всей этой миссией: Иосиф отвергается. Он бежит в Египет, чтобы именно там осуществить ту связь, которая теперь была необходима, связь с другим крылом всего нашего культурного развития, с египетской культурой. То, что было общим характером этой миссии, Иосиф соединил в себе с остатками древнего ясновидения. Он вызвал полный переворот в Египте посредством того, что он скорректировал нисходящую египетскую культуру в духе своего дара ясновидения. Он поставил свой дар на службу внешним учреждениям. Таковы основы культурной миссии Иосифа в Египте.

И теперь мы видим примечательный спектакль. Мы видим, как те, кто были миссионерами внешнего мышления согласно мере и числу — уже не на прежнем пути, а через Иосифа они ищут именно внешнюю связь, ища в Египте в отражении то, чего они не могли произвести из самих себя. Теперь они отправляются туда и принимают это, потомки Авраама принимают в Египте то, в чем нуждаются. Оттуда это может до них дойти. Затем они уходят. То, что теперь является необходимым для дальнейшей организации этой миссии, поскольку они не могут произвести это изнутри, дается им египетским посвящением извне. Моисей привносит это извне, связывая египетскую культуру с этой особой миссией Авраама. И теперь мы видим, как передается от поколения к поколению то, что является человеческим пониманием внешнего мира, познанием внешнего мира согласно мере, весу и числу. Вступил новый элемент. Он распространяется через кровное родство и может передаваться только так, ибо он связан с тем, что должно переходить по наследству. Это — второе течение.

Третье течение связано с Заратустрой, оно возникло в древней Персии и распространилось на Переднюю Азию, с чем мы уже знакомы в различных

лекциях. Эти три течения сливаются здесь во Христе Иисусе. Со всеми тремя течениями должна была иметь дело индивидуальность, которая является Христом Иисусом. Они должны в Нем соединиться. Как это происходит? Это происходит следующим, весьма сложным образом. Сначала мы должны себе представить, что первое течение, которое должно влиться в общее мировое течение, началось в Индии за 600 лет до нашего летосчисления. Приблизительно в это же время также нечто разыгралось в халдейско-вавилонской культуре вследствие того, что в древней Халдее снова появился Заратустра под именем Заратос или Назаратос. Там он жил и действовал как великий учитель именно в то время, когда некоторые из избранных учителей и водителей древнееврейского народа были уводимы в вавилонский плен, /13/ так как это было временем Вавилонского пленения евреев. Здесь вы видите, как и то время состоялось первое соприкосновение древнееврейского народа с Заратосом и как еврейский народ через своих представителей пребывал под личным влиянием перевоплощенного Заратустры или Зороастра. Здесь события разыгрывались так, как изображено в Библии. Происходило следующее. В начале нашего летосчисления жили две пары родителей, у обеих были имена — Иосиф и Мария. Одна пара родителей жила в Назарете, другая — в Вифлееме. Муж одной пары родителей происходил из Соломоновой линии дома Давидова, это был муж пары из Вифлеема. Другая пара родителей, из Назарета, происходила из Натановой линии дома Давидова. Соломон и Натан — сыновья Давида. У обеих пар родилось по сыну. У назаретской пары родителей родился именно мальчик Иисус из Назарета, которого изображает Евангелие от Луки, а у вифлеемской пары родителей — вифлеемский мальчик Иисус, которого изображает Евангелие от Матфея. Так что мы имеем в начале нашего летосчисления двух мальчиков Иисусов.

Исследуем историю мальчика Иисуса из Вифлеема. Как он, собственно, состоялся, как физический ребенок? В качестве физического ребенка мы видим его в родословной, которую автор Евангелия от Матфея прекрасно возводит вплоть до Авраама, он происходит из этой линии. Мы могли бы проследить движение из Ура Халдейского в страну Ханаан, затем из последней в Египет, и опять назад в Ханаан. Это приблизительно соответствует движению иудейского народа из Халдеи в Палестину, затем — в Египет и обратно. Это были предки мальчика Иисуса из Вифлеема. И неся в себе кровь этих предков, он, так сказать, проделал это движение. Индивидуальность, которая хотела воплотиться теперь в этом мальчике Иисусе из Вифлеема, быстро проделала, хотя и сокращенно, этот же путь. Эта индивидуальность, действовала в древней Халдее как Заратустра. Таким образом в момент рождения вифлеемского мальчика Иисуса в то место, где он родился, пришла духовная индивидуальность, которая прежде духовно точно повторяла передвижения Авраама, духовно точно повторяла передвижения Авраама из Халдеи в Ханаан. Здесь она воплотилась в мальчике Иисусе из Вифлеема. Затем она должна была вкратце повторит!) движение в Египет и позже снова возвратиться назад, пока она не опустилась в Назарете. Здесь вы имеете индивидуальность, которая

продельвала, так сказать, духовно, все передвижения народа Израиля. Вы можете проделать передвижения, описанные в Библии, и вы найдете, что это так. Библия описывает это лучше, чем все внешние документы. То, что ясновидческий взгляд может найти в Акаша хронике, совпадает с описанным в Библии движением, которое проделал иудейский народ из Халдеи в Ханаан через Египет и обратно. И повсюду возникают чудесные параллели. Кто ведет иудеев в Египет? Их ведут туда сновидения Иосифа. Кто ведет вифлеемского мальчика Иисуса в Египет? Также сновидения Иосифа, его отца. Вот до каких подробностей доходят эти параллели. Это опять-таки здесь налицо особый ясновидческий дар, который остался и который устанавливает связь.

Итак, в этом мальчике Иисусе из Вифлеема воплощается индивидуальность Заратустры, после того, как она приняла элемент, который путем наследования пришел в человечество через Авраама. И те, кто в халдейских тайных школах был связан с Заратустрой, следуют теперь этим путем. В духовном мире перед ними идет их звезда — сам Зороастр, который идет, чтобы родиться в Вифлееме. Они могут следовать за ним, три мага, они выступают на сцену событий и об этом повествуется в Библии. Они знают его, живущего здесь в мальчике Иисусе из Вифлеема.

Это — один из двух мальчиков Иисусов, вифлеемский. В другом мальчике Иисусе, который только благодаря путешествию также был рожден в Вифлееме, живет, однако, нечто совсем иное, которое заявляет о себе уже тем, что этот мальчик Иисус по всем своим качествам был иным, чем вифлеемский мальчик Иисус. Вифлеемский мальчик Иисус с самого начала оказывается чрезвычайно одаренным по всем человеческим меркам человеком, ибо он обладал сильной индивидуальностью. Он был одарен всем, что человечество завоевало к тому времени в сфере культурных ценностей. Он являлся чрезвычайно способным ко всему, чему можно было учиться в его окружении. Мальчик Иисус из Назарета вовсе не был способным к внешним предметам культуры. Зато он обладал глубочайшей задушевной внутренней жизнью. В нем была развита именно задушевность. И, напротив, он не был способен учиться тому, что внешне наличествовало в культурных ценностях. Он не имел к этому никакой склонности. У него было нечто такое, о чем люди не могут составить себе никаких представлений, что касалось различения добра и зла. Но ему было чуждо то, что возникло в культуре на Земле. Это было ему чуждо, поскольку с ним в мире родилось нечто, что до сих пор не участвовало во всем развитии человечества.

Мы поймем это, если задумаемся над следующим. В древнее лемурийское время в человечестве имело место то, что мы называем люциферическим влиянием. Тогда люциферические власти проскальзывали в астральное тело человека. Вследствие этого человечество стало тем, чем оно стало. Так что в то время ведущие власти должны были удерживать часть эфирного тела человека, чтобы оно не инфицировалось всем тем, что могло ему дать астральное тело, находящееся под люциферическим влиянием. Часть эфирного тела лишалась влияния астрального тела посредством того, что человек сохранял влияние на

свое эфирное тело, только поскольку он — волящее и чувствующее существо, но не в отношении всего мыслительного. Все, что касается мышления, удерживалось и направлялось свыше, из духовно-божественного мира. Поэтому люди с начала своего земного становления имеют свои индивидуальные желания и личные чувства, но они не могли иметь своих личных мыслей, а также личного выражения мыслей, речи. Мышление было чем-то таким, что у всех постоянно направлялось сплошной духовностью. Вследствие этого мышление у всех было одним и тем же. Но также и речь была, по меньшей мере — руководимой народными богами, чтобы не каждый человек имел свой собственный язык. То, что выражается в духе языка, лишалось произвола отдельной личности относительно эфирного тела, сдерживалось. О том, что было сдерживаемо тогда, в лемурийское время, миф о Рае повествует следующее: человек вкушал от Древа познания, но не от Древа жизни; он был лишен собственного произвола в области воли; но то, что не было дано тогда людям, теперь таинственными процессами переносилось на этого мальчика Иисуса, на мальчика Иисуса из Назарета, которому принадлежало это эфирное тело. Здесь было то, чего человечество было изначально лишено, и это препятствовало мальчику Иисусу из Назарета иметь интерес к тому, что человечество выработало себе в культуре. У него было нечто гораздо более изначальное, напоминавшее о том времени, когда человечество еще не впало в грех частного произвола. Автор Евангелия от Луки выражает это, возводя генеалогическое древо вплоть до Адама. Так что в мальчике Иисусе из Назарета появляется нечто, что было погружено в Адама, что было лишено люциферического влияния. В этом мальчике Иисусе из Назарета было то, чем было человечество до этого люциферического воздействия.

Оба мальчика Иисуса жили рядом. Когда им обоим было 12 лет, произошло следующее. Заратустра в мальчике Иисусе из Вифлеема решил перейти своей индивидуальностью в мальчика Иисуса из Назарета. Это отмечается в Библии в событии, которое называют пропажей двенадцатилетнего Иисуса, когда родители, найдя его снова, были весьма удивлены. Он был совсем иным, чем был прежде, мальчик Иисус из Назарета. Теперь он сразу возымел интерес к внешней культуре, поскольку в нем была теперь индивидуальность Заратустры. Это произошло в тот момент времени, который описан в Библии как пропажа двенадцатилетнего Иисуса. При этом еще нечто произошло. При рождении мальчика Иисуса из Назарета в его астральное тело низошло то, что мы можем называть следующим воплощением Будды. Будда при своем повторном воплощении в своем эфирном теле был связан теперь от рождения с этим мальчиком Иисусом из Назарета, так что мы в ауре мальчика Иисуса из Назарета в астральном теле имеем Будду. Это глубокомысленно отмечается в Евангелии от Луки. В индийской легенде рассказывается о том, что в то время, когда родился принц Гаутама Будда, который должен был стать Буддой, жил примечательный мудрец. Здесь жил Асита. Благодаря своим ясновидческим способностям он узнал, что ныне должен родиться Бодисаттва. Он увидел

мальчика во дворце царя и был преисполнен энтузиазма. Он заплакал. Почему ты плачешь? — спрашивает его царь, "О, царь, это не от беды, напротив: тот, который здесь родился — Бодисаттва, и он станет Буддой. Я плачу, так как я, древний старик, — не доживу, чтобы увидеть этого Будду" — Затем Асита умирает. Бодисаттва становится Буддой. Будда нисходит и соединяется с аурой мальчика Иисуса из Назарета, чтобы внести свою лепту в великое событие в Палестине. В то же время в силу кармической связи повторно рождается древний Асита. Он становится старцем Симеоном. И теперь он видит Будду, которым стал его Бодисаттва. То, чего он не сподобился видеть тогда в Индии, за 600 лет до нашей эры — становления Будды, теперь он видел это, когда в ауре мальчика Иисуса из Назарета, которого он держал на своих руках, парил Будда, и он произнес прекрасные слова: "Ныне отпускаешь, Господи, слугу Твоего с миром, ибо видел я Майстера моего Будду, в ауре мальчика Иисуса.

Так мы видим, как сливаются три течения: через кровь — течение Авраама, через индивидуальность мальчика Иисуса из Вифлеема — течение Заратустры, и третье течение — посредством того, что Будда низошел в своем эфирном теле, или Нирманакайе, и был увиден пастухами. Таким образом мы видим, как сливаются эти три течения. И то, как они продолжают жить в христианстве, как Тот, который живет затем в одаренном индивидуальностью Заратустры мальчике Иисусе из Назарета, ведет эти течения дальше, мы попытаемся представить в следующий раз.

Следует еще сказать, что, после того, как индивидуальность Заратустры перешла в личность, в тело мальчика Иисуса из Назарета, мальчик Иисус из Вифлеема стал постепенно чахнуть и вскоре умер.

Здесь важно, чтобы вы поняли, как совершалось это водительство индивидуальности Заратустры в мальчике Иисусе. Вы знаете, что само по себе развитие человека идет таким образом, что от рождения до седьмого года жизни происходит развитие физического тела, от седьмого до четырнадцатого года протекает развитие эфирного тела, происходит особое раскрытие, и затем рождается астральное тело. Отдельного "я", связанного с эгоизмом, которое в лемурийское время родилось в человеке, в мальчике Иисусе из Назарета не было вовсе. Если бы он развился дальше, без перехода Заратустры, то не смогло бы родиться никакого "я". Как святые он имел три части так, как они были соединены перед грехопадением: физическое тело, эфирное тело и астральное тело, и лишь здесь получил одаренность — благодаря Заратустре. Все это сочеталось чудесным образом. В Евангелиях мы имеем отраженные факты, которые нужно находить в Акаша хронике.

Я смог эскизно поведать лишь об отдельных чертах слияния этих великих, могучих духовных течений Будды, Заратустры и древнееврейского течения здесь, в Передней Азии, где в начале нашего летосчисления христианство возродило эти три течения. Это — несколько линий, которые мы попытаемся продолжить в другой раз.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ И ПРОБЛЕМА ХРИСТА

Цюрих, 19 ноября 1909 г.

В течение последних лет мне удалось также в швейцарских кантонах говорить о значительной теме духовной науки, высочайшей, в сущности, теме духовной науки — о проблеме Христа. И если зачастую человек современности, стоящий совершенно вне духовнонаучного движения, считает, что это, в сущности, самая простая тема, о которой можно говорить, то как человек современности он имеет на это право. То, что является величайшим для земного развития и развития человечества, сила Христа, импульс Христа, несомненно, действовал так, что самая простая, самая наивная душа отнесется к нему с пониманием. Но, с другой стороны, этот импульс, опять-таки, действовал таким образом, что никакой земной мудрости не достаточно для действительного понимания того, что происшедшее в начале нашего летосчисления в Палестине произошло ради человечества, и, в сущности, ради всего мира.

Так как о проблеме Христа говорилось именно в течение последних лет, я отмечу, что Немецкая секция как раз закончила свой первый семилетний цикл. Когда она была основана, семь лет тому назад, в ней было около десяти ветвей. Теперь число их выросло, их более сорока. Число "семь" часто приводится, когда мы говорим об антропософской мудрости и постижении мира, в чем также выражается определённая закономерность, ибо развитие происходит в семерично организирующем ходе времени. Вспомним хотя бы о том, что мы уже видели в развитии нашей Земли; она проходит через семь планетарных состояний. Так же и в малом, за каждым отдельным фактом мирового развития, как и за таким движением, каким является духовнонаучное, живет закон числа "семь". Тот, кто глубже всматривается в наше движение, увидит, что в нем в известном отношении разыгрываясь вполне закономерно, завершился семилетний кругооборот, и мы находимся в решающем пункте, где повторяется то, что было заложено семь лет назад, но повторяется на более высоком уровне и, в то же время, как кругооборот — возвращается в самое себя; это может происходить лишь благодаря тому, что мы работали действительно в духовном смысле, работали не произвольно и случайно, но закономерно.

Вспомним о том, что мы различаем в человеке семь членов его существа: сначала — физическое тело, эфирное тело, астральное тело и "я"; затем, когда "я" перерабатывает астральное тело, возникает Самодух, или Манас; когда оно перерабатывает эфирное тело — возникает Жизнедух, или Буддхи; и когда оно, наконец, перерабатывает физическое тело — возникает высший член, Духочеловек, или Атма, так что сперва мы различаем четыре члена, а затем — три дальнейших, которые возникают как преобразование трех первых.

Если теперь мы хотим провести нечто в мир, чтобы в нем воплотилась духовная закономерность, то везде должен будет исполняться этот великий закон. Если вы теперь, как молодая ветвь, так сказать, стремитесь надлежащим

образом врасти в духовную жизнь, то хорошо бы увидеть, как улучшилась организация всей работы. Ибо на этом молодая ветвь осознает, что необходимо, со своей стороны, нагонять этот ход развития. Мы точно придерживались этого хода в немецком движении: в течение первых четырех лет мы собрали все необходимое, чтобы вообще достичь понятия мира, из которого исходит духовная наука. Здесь мы сначала изложили семичленную природу человека, учение о карме и перевоплощении, великие космические законы, развитие Сатурна, Солнца и Луны, законы отдельного жизненного пути, так что это теперь присутствует в нашей литературе и в работе различных ветвей. Это происходило в течение первых четырех лет.

В течение трех последних лет мы не приобрели, в сущности, ничего нового, но в то, что было выполнено в течение четырех первых лет, мы внесли высшие истины и поднялись тогда к пониманию высочайшей индивидуальности, которая шагала по нашей Земле, индивидуальности Христа Иисуса, чего бы мы не смогли сделать, если бы имели дело с одними лишь незнакомыми представлениями. О Христе мы смогли говорить лишь после того, как было сказано о природе человека вообще. Понимать, как произошло это деяние Христа, мы могли, лишь постигая человеческую природу и всю ее градацию. Слушавшие в Базеле лекции о Евангелии от Луки, а также те, кто кое-что слышал об этом, знают, что рассказывалось о весьма сложных процессах. Ну, как, к примеру, можно было бы понять, что на двенадцатом году жизни с одним из мальчиков Иисусов произошло нечто важное, не зная, что вообще происходит между двенадцатым и пятнадцатым годами жизни. Предварительно систематически это проработав, мы должны в глубоком благоговении перед величайшими истинами нашего земного цикла попытаться затем понять то, что связано с именем Христа Иисуса. Это было как бы восхождением к все высшим высотам. Так пришло то, что можно было рассматривать Христа Иисуса в связи с Евангелиями от Иоанна и от Луки. Уже тогда, в Базеле, подчеркивалось, что никто не должен считать, что, если он слышал все эти истины в связи с двумя Евангелиями, то уже знает, какова природа и сущность этого высокого духовного существа. Он узнал о Нем лишь с одной стороны. Совершенно недопустимо считать, что это было бы излишним или только лишь подновлением истины также и с некоторой другой стороны. Евангелия относятся к этому великому событию как образы, в которых каждый евангелист с определенной точки зрения представляет то, что произошло в Палестине.

Итак, позавчера в Берне я показал, что происходит теперь в различных ветвях Немецкой секции. По весьма определенной причине я пытался в связи с Евангелием от Матфея эскизно указать на Христа. Это имеет свои вполне определенные основания. Духовная наука должна быть не теорией, учением, но — пониманием жизни; она должна преобразовывать нашу сокровенную душевную жизнь. Мы должны учиться по-новому смотреть на мир. И здесь имеется способность, которую мы должны приобрести, которую человек усваивает, все больше и больше ей научается, а именно благодаря сокровищам

мудрости (Weistumer) антропософии. В нашем языке нет подходящего слова для этого свойства или способности, но духовная наука еще отыщет слово для обозначения этого нового сердечного восприятия. А до тех пор мы можем употреблять для этого только следующее определение — смиренная скромность, в частности — по отношению к таким документам, как Евангелия, которые приносят нам весть об этом, самом значительном событии эволюции Земли. Так как мы здесь учимся, то можем, в сущности, лишь очень медленно приближаться к выводам и истинам, которые необходимы, чтобы исследовать проблему Христа. Мы учимся развивать в себе совершенно другое восприятие, чем то, которое имеют сегодняшние люди, спешащие столь быстро судить о событии. Мы учимся быть осторожными в представлении истины, и мы знаем, что, если приняли ее во внимание с какой-либо стороны, то воспринимаем всегда только одну ее сторону, но никогда не всю сразу.

С этим связано то — и мы лишь постепенно достигаем понимания этого — почему вообще существуют четыре Евангелия. Сегодня дело обстоит так, что даже теология — интеллектуальна и материалистична, а рассудок, который применяется к четырем документам, просто внешне сравнивает их. И тогда воспринимают противоречия. Сначала принимают одно Евангелие, от Иоанна. Поскольку на первый взгляд, говорят люди, оно являет формальному рассудку то, что столь сильно противоречит трем другим Евангелиям, тогда лучше всего понимают это Евангелие, когда говорят, что автор вовсе не хотел изображать настоящие события, но хотел представить род гимна, что-то вроде признания, как бы передачи своих чувств. В Евангелии от Иоанна видят великую, обширную поэму, отрицая его значение как документа. Но так поступает только внешний, материалистический рассудок. Затем рассматривают три других Евангелия. Здесь также наталкиваются на определенные противоречия; но их объясняют тем, что Евангелия были написаны в разные времена. Короче, сегодня люди на прямом пути к тому, чтобы порвать в клочья эти документы о великом событии, как если бы они больше совершенно ничего не значили для человечества. Но именно духовная наука призвана указать, почему у нас четыре различных документа о событии в Палестине, и способна отвоевать эти документы для духовной науки. Почему существуют четыре документа?

Люди не всегда мыслили так, как сегодня. Были времена, когда Евангелия вовсе не были общедоступны, но находились в руках совсем немногих, тех, которые руководили духовной жизнью в течение первых христианских столетий. Почему мы сегодня не спрашиваем себя: не были ли эти люди полными простаками, разве они не видели, что Евангелия противоречат друг другу? Или они были настолько омрачены, что не видели этих противоречий? Лучшие люди своего века воспринимают эти документы, смиренно взирая и радуясь тому, что у нас есть четыре Евангелия, о которых сегодняшние люди говорят, что они вовсе не могут быть документами, ибо они противоречат сами себе!

Теперь, не задерживаясь больше на этом, обратим внимание на то, как воспринимались Евангелия в течение первых христианских столетий, и как их

следует воспринимать. Их восприятие в те времена можно сравнить со следующим: когда мы фотографируем стоящий здесь букет цветов с четырех сторон, мы получаем четыре фотографии. Когда мы рассматриваем их в отдельности, они отличаются друг от друга; однако, рассматривая такую фотографию, можно составить себе представление о букете цветов. Теперь приходит некто, рассматривает фотографию, сделанную с другой стороны. Затем мы сравниваем оба образа и находим следующее: да, это два весьма различных образа; они не могут представлять одну и ту же вещь. И, тем не менее: из этого мы потом получаем более полный образ; и только если мы снимем букет с четырех сторон и сравним все четыре образа друг с другом, мы получим полный образ действительного букета цветов. Так же следует понимать четыре Евангелия — как один и тот же факт, характеризуемый с четырех различных сторон.

Почему же один факт характеризуется с четырех различных сторон? Так как знали, что каждый, кто писал одно из этих Евангелий, был проникнут огромным смирением, смирением, которое говорило ему: это — величайшее событие земного развития; ты вовсе не можешь решаться изображать его полностью, ты можешь изобразить только ту сторону, изобразить которую тебе по силам соответственно твоему познанию. В своем глубоком смирении автор Евангелия от Луки отказался изображать какую-либо другую сторону, чем та, которая была ему близка в силу его особого духовного образования, которое говорило ему, что Христос Иисус был индивидуальностью, в которой жило величайшее проявление любви, любви вплоть до самопожертвования. Как проявляется эта любовь? Автор Евангелия от Луки описывает что, и он говорит себе: я не в состоянии описать все событие; поэтому я ограничиваюсь тем, чтобы описать только эту сторону — любовь.

Мы поймем это ограничение авторов Евангелий лишь особой областью, если взглянем на путь посвящения древних мистерий. Только из него мы сможем понять образ действий Евангелистов. Они знают, что посвящение является достижением человеком высших, сверхчувственных миров, вживанием человека в высшие, сверхчувственные миры, пробуждением душевных сил, тех сил и способностей, которые иначе скрыты в душе в дремлющем состоянии. Такие посвящения имели место всегда. В дохристианские времена существовали древние мистерии египтян и халдеев, в которых людей, созревших к этому, вели наверх, в высшие миры. Только здесь их прорабатывали совершенно особым способом, который сегодня больше не надо проводить полностью. Сегодня у человека, как вы знаете, есть три душевные силы: мышление, чувство и воля. Человек применяет эти три душевные силы в обычной жизни, но применяет их так, чтобы все они, так сказать, деятельно участвовали в своем общении с внешним миром.

Как действуют эти три душевные силы, должно быть ясно из следующего примера. Вы идете по лугу. Вы видите цветок. Вы составляете представление о нем: вы мыслите. Цветок вам нравится: вы ощущаете, что цветок красив; к мышлению присоединилось чувство. И затем вам хочется сорвать цветок: тем

самым вы приводите в действие волю. Таким образом мышление, чувствование и воля действуют в вашей душе. Теперь посмотрите на всю жизнь человека: поскольку это — душевная жизнь, это игра вперемешку мышления, чувства и воли. И человек проходит через жизнь благодаря тому, что эти три силы вмешиваются друг в друга. Душа живет в мышлении, чувствовании и воле.

Когда человек направляется вверх, в высшие миры, то это — определенное развитие этих трех сил, каковыми они являются в обычной жизни. Можно развить мышление так, что оно становится видением. Можно так же и чувствование, и волю поднять вверх, в духовный мир. В этом заключается посвящение.

Некоторые из вас могли обратить свое внимание на мою книгу "Как достигнуть познания высших миров?" и прочесть там, что происходит, когда человек развивает мышление, чувствование и волю в духовных мирах. Наступает то, что называют "расщеплением личности". Обычно три силы органически связаны: человек мыслит, ощущает и желает в личности. Но при своем развитии до высших миров эти три силы отрываются друг от друга. Если обычно они являются силами, то теперь, когда человек развивается до высших миров, они становятся самостоятельными существами. Возникают три самостоятельных существа: существо мыслящее, существо ощущающее и существо желающее, волящее. В этом скрывается опасность того, что человек может стать разорванным в своей душевной жизни. Если человек при вступлении на путь высшего познания продвигается неправильным образом, то может произойти так, что он возвышает свое мышление в высшие области. Тогда он, возможно, созерцает в высших мирах, но при этом останавливается; он может умертвить волю, или дело может пойти совершенно другими путями. Сегодня наступает возвышение "я над самим собой, "я" может становиться властителем, оно может править, как царь, тремя душевными силами, а именно — мышлением, чувствованием и волей.

В древности все было не так. В дохристианских центрах мистерий господствовал принцип разделения труда. Например, принимая человека в места посвящения, говорили: этот человек особо пригоден к развитию мыслительной силы. Тогда развивали его мышление, поднимая его на более высокую ступень; делали его мудрецом, который провидит духовные связи, стоящие за всем чувственно происходящим. Это была одна категория посвященных в древних местах мистерий: мудрецов.

Других учеников в местах мистерий обучали, развивая в них преимущественно дремлющие силы чувства, оставляя при этом мышление и волю на первоначальном уровне. Чувствование становилось гипертрофированным. Если у человека совершенно особо развивается чувствование, то вследствие этого он достигает особых способностей. Есть существенное различие между человеком, чувства которого были столь развиты в древнем месте мистерий, и человеком сегодняшнего времени. Влияние столь развитого человека, душевно-духовное влияние, было гораздо сильнее, чем это имеет место сегодня. Это развитие сил чувства приводило к

тому, что душа такого человека могла оказывать огромное влияние на души его окружения. Вследствие этого те, кто особенно развивал сферу чувства, становились целителями своих ближних. По мере того, как они жертвенным служением развивали свое чувство, они становились призванными оказывать оздоравливающее влияние на других людей.

Третьей категорией посвященных были те, у которых развивалась воля. Это были маги. Итак, мы имеем три вида посвященных: это — маги, целители и мудрецы. Они получали свое образование в местах мистерий древности. Сегодня односторонне развивать одно из этих свойств при нынешнем характере человека уже не представляется возможным, поскольку сегодня больше невозможна столь высокая степень гармонии между отдельными людьми, как тогда, в местах мистерий. Тот, кто в древних местах мистерий был мудрецом, самоотверженно отказывался от этого. Так это обстояло. Целителем был тот, кто с величайшим послушанием исполнял указания мудрецов, отказываясь от более высокой мудрости, использовал свои силы чувства для выполнения указаний того, кто является мудрецом.

Наряду с этим в местах мистерий имелась еще четвертая категория людей. Они были необходимы. В этих местах имелись случаи, когда было невозможно, чтобы эти три категории посвященных были бы правильно встречены, чтобы действовать во внешнем мире. Многие вещи могли делаться не посвященными одной из этих трех упомянутых категорий, а только посредством того, что здесь была еще четвертая категория людей. Она возникла потому, что определенные индивидуальности, которые были к этому пригодны, были приняты в места мистерий и о них говорилось: те высокие степени посвящения, которых можно достичь у мудрецов, целителей и магов, не могут развиваться у людей этой четвертой категории. Но у них можно достичь того, чтобы каждую отдельную способность трех других категорий поднять до определенной степени. Ни одна из этих способностей не была столь сильно развита, как у односторонне развитых посвященных, которые были мудрецами, целителями или магами; но вместо этого этой четвертой категории была присуща определенная гармония всех трех качеств. Такой посвященный представляет собой гармонию трех других посвященных. И для определенной деятельности было необходимо, чтобы были люди, которые отказались от собственной индивидуальности и подчинялись словам того, кто в определенном отношении стоит ниже. Так что в древних местах мистерий были случаи, когда не решали ни мудрецы, ни целители, ни маги, а они предоставляли свои силы на службу четвертым, которые были не настолько продвинуты, как они. Тем не менее, они ставили свои силы на службу этому четвертому посвященному. При этом всегда оказывалось, что мировое развитие продвигается лучше, если в таком случае высший повиновался низшему.

В восточных местах мистерий бывало так, что вышестоящие применяли свои силы так, как это предписывал четвертый, которому они слепо повиновались. В европейских местах мистерий были коллегии двенадцати посвященных, во главе которых стоял тринадцатый, который не был посвященным; и они

повиновались ему. Он должен был указывать, что должно происходить. Он полагался на свою инстинктивную волю, и те, другие, стоявшие выше его, исполняли то, что он им указывал. Вы сможете это понять, если только оглянетесь назад, на те времена, когда в мире еще было высокое доверие к существу, которое не было привязанно к человеческому мышлению и воле. Сегодня человек считается самым разумным в мире существом. Но так было не всегда. Были времена, когда человек говорил себе: да, собственно, это правда, что я могу развиваться до высоких ступеней. Я способен к этому, но чтобы уже прямо сейчас быть самым продвинутым созданием в мире — этого я принять не могу.

То, что это истинно так, мы можем уяснить себе на простом примере. Вспомним, что люди лишь постепенно, в процессе исторического развития изобретали бумагу, то есть ту деятельность, в процессе которой определенные субстанции формируются в бумагу. Осы умели это уже давно! Теперь человек должен был бы сказать себе: я должен был усвоить свое знание только в относительно более позднее время. Оса не может научиться своему искусству у человека, в ее мастерстве правит божественное искусство. В том, что делает оса, она проникается божественной мудростью.

Подобными ощущениями были воодушевляемы те посвященные, которые объединялись по двенадцать в дохристианские времена. Они говорили себе: определенно, мы развили в себе высокие силы, но всеми нашими силами и способностями мы достигаем лишь того, что на более низкой ступени предназначено высшими божественными существами менее развитым индивидуальностям. Они взирали на тринадцатого, который, по сравнению с ними, остановился на детской, наивной ступени. Они говорили: в нем нет человеческой мудрости, как у нас, но он еще проникнут божественной мудростью. Также и восточные мудрецы, целители и маги говорили: мы следуем за тем, который еще не так продвинут, как мы, но он находится на ступени, где еще имеет в себе божественную мудрость. Это самоотречение имело место в древних мистериях, которые осознавали это, как распространяющееся дуновение чуда. И теперь вспомните стихотворение Гёте «Тайны», в котором в круг выдающихся мужей вводится тринадцатый, брат Марк. Здесь мы имеем явление, которое коренится глубоко в человеческой природе, хотя современному человеку оно и несвойственно; оно состоит в том, что посвященный четвертой категории, который в развитии собственных сил не поднимается столь высоко как другие, однако, выглядит это так, что он руководит двенадцатью другими.

Итак, у нас есть четыре вида посвященных: целитель, мудрец, маг и четвертый, которого называли просто "человеком", придавая этому особый смысл. Четыре таких посвященных взялись за описание величайшего события земного развития: мудрец, целитель, маг и человек в смысле посвященного четвертой категории. Один описывал это с точки зрения обычного человека, второй — с точки зрения мага, который принимал во внимание преимущественно волевые силы природы Христа и описал их в своем

Евангелии, и третий, который написал Евангелие от Луки, делал это с точки зрения целителя. Поэтому, когда вы находите традицию, в которой Лука воспринимается как врач, это также соответствует тем фактам, что Лука в жертвенной любви помогает ближним. И, наконец — мудрец, который описал то, что составляет исполненную мудрости природу Христа.

Четверо посвященных, отказываясь описывать целое, сказали себе: мы можем изображать только то, что близко и понятно нашей душе. Разумеется, смиренная скромность этих четверых людей, которые отказались от того, чтобы пытаться передать образ Христа полностью, описывая лишь то, что они могут видеть, могут созерцать в силу своей особой индивидуальности, воспринимается как что-то высокое, великое по сравнению с сознанием сегодняшнего человека, который вовсе не сомневается в том, что также и высочайшие вещи может всесторонне охватить своим рассудком.

После того, как в Базеле мною уже были освещены две стороны этого огромного события в лекциях о Евангелиях от Луки и от Иоанна, сегодня следовало бы сказать нечто об Евангелии от Матфея. Мы могли бы так же хорошо соединить это с Евангелием от Марка. Причина, почему теперь, после того, как я взялся в какой-то степени описать это великое событие с духовнонаучной точки зрения после Евангелий от Луки и от Иоанна и избрал Евангелие от Матфея, заключается в том, что нужно испытать чувство того, как следует в смиренной скромности приближаться к пониманию этого события мирового значения. В Евангелиях от Луки и от Иоанна мы познаем великие истины. Но то, что предстает перед нами в Евангелии от Марка — настолько потрясающе, что, если мы еще не слышали о различных вещах, которые связаны с Евангелием от Матфея, у нас возникла бы уверенность, что должны быть глубокие противоречия между Евангелием от Марка и другими Евангелиями. Мы бы не справились с Евангелием от Марка, так как в этом Евангелии сообщаются величайшие, наиболее потрясающие мировые истины; но не высочайшие: последние содержатся в Евангелии от Иоанна. Поэтому сегодня я буду говорить об Евангелии от Матфея.

При рассмотрении Евангелия от Луки мы видели, что различные духовные течения, которые существовали в мире, слились, чтобы образовать общее течение в то время, когда происходило событие Христа. Было представлено, как с одной стороны в христианство вливается учение сострадания и любви Будды; и, с другой стороны, было показано, как в христианство влилось учение Заратустры. Но в это знаменательное событие влились также и все остальные дохристианские духовные течения. И в Евангелии от Матфея особо показано, как влилось древнееврейское духовное течение, духовное течение древнего иудаизма, так что для того, чтобы понять Евангелие от Матфея, нужно говорить о собственном призвании древнего еврейского народа.

Духовное исследование черпает не только из Евангелий, но также из духовного мира, из непреходящей Акаша хроники. Если бы вследствие какой-либо земной катастрофы все Евангелия погибли, то все же могло бы быть сказано то, что духовное исследование должно сказать о событии Палестины.

Когда то, что получено из чистых источников, которые находятся в распоряжении духовного исследования, мы сравниваем затем с великими документами, Евангелиями, обнаруживается чудесное соответствие, которое наполняет нас великим благоговением перед Евангелиями, на которые мы взираем, и нам становится ясно, из каких высоких источников они происходят. Ибо авторы Евангелий говорят нам то, что мы понимаем, лишь когда мы обучены взгляду, которым нас вооружает духовная наука.

Каково призвание еврейского народа? Чтобы понять это, мы должны несколько оглянуться назад, на ход развития человечества. То, что сегодня является человеческими способностями, развилось постепенно. В то, что эти человеческие способности развивались сами по себе, сегодня верит только материалистическая наука, которая видит не далее кончика носа. В крайнем случае она еще верит, что человечество развилось из звериного состояния, но она не в состоянии обращаться к настоящим душевным способностям. Духовная наука знает, что тысячелетия тому назад душевные способности были иными, нежели сегодня. Так, в древние времена у людей было то, что называют смутным, сумеречным ясновидением. Лишь в более поздние времена из этого ясновидения постепенно произошло сегодняшнее дневное сознание; и это развитие началось со вполне определенного момента времени, когда в человечество вошел этот вид способности представления.

Когда мы оглядываемся назад, на древнеиндийскую культуру, то находим там некий род ясновидения. Сегодняшний человек должен осматривать окружающие его вещи, если хочет с ними ознакомиться. Древний индус незнакомился с ними тем способом, каким рассматривают вещи теперь. Тогда не было науки, которой сегодня обучаются уже с детства. Кто был в древней Индии мудрецом, тот получал свое знание путем внутренней интуиции, когда свое внутреннее он полностью отвращал от внешнего мира, когда он покоился в себе или в своем высшем бытии. Он называл это своим слиянием с Брахмой. Он получал знание путем внутренней интуиции. Это было знание, полностью основывающееся на ясновидческой интуиции. И напротив, внешнее знание было для него майей, иллюзией.

Но это ясновидение все больше отступало. Уже в пра-персидскую культуру началось применение внешнего наблюдения, даже при еще весьма действенном внутреннем знании. Также и в третьей культурной эпохе еще имела место внутренняя интуиция, когда люди уже продвинулись в восприятии внешних вещей. В древней Халдее существовало то, что сегодня называют астрологией; это было неким родом звездной науки. Сегодня никто не узнал бы во внешней науке чего-либо о существовании астрологии. Сегодня, даже настойчиво вопрошая достоверные каменные документы, вы ничего не узнаете о собственном существовании астрологии. Сегодня никто не может вызвать чувство того, что было астрологией для древнего халдея. Она вовсе не была знанием, рожденным путем наблюдения звездного неба. Халдей изучал не физическую планету Марс, обращая к нему взор, но то, что узнают о нем, позволяя вспыхнуть в себе ясновидчески даруемому знанию внутри. Это вовсе не внешнее

комбинирование, и даже не возникает полного осознания того, что возвещает это знание о внешнем небесном пространстве. В древних местах посвящения возникли первые понятия о мире звезд. В том, что сообщается здесь о развитии Земли, о связи Земли с Марсом и так далее, мы все еще имеем знание, рождаемое изнутри. Египетская геометрия также была рожденным изнутри знанием, применяемым не только во внешних землемерных работах. Для древнего халдея достижение внешнего знания становилось возможным только благодаря развертыванию других сил. Эта миссия — привести человечество к внешнему, комбинирующему знанию, предназначалась духовными водителями мировой эволюции еврейскому народу. Все познание индусов, персов, халдеев, египтян — что было так важно — вовсе не нуждалось в физическом мозге. Это знание пребывало в не привязанном к физическому мозгу эфирном теле, которое функционирует свободно. Если человек свободно деятелен в эфирном теле, то возникает образ, который составляет знание тех древних народов; как также еще и сегодня любое ясновидческое знание возникает тогда, когда человек в состоянии выдвигать эфирное тело из физического тела, не пользуясь своим физическим мозгом.

Человечество должно было достичь способности восприятия посредством мозга. С этой целью теперь должна была быть избрана личность, обладающая подходящим мозгом, меньше всего предрасположенная к ясновидческой интуиции, но которая могла пользоваться мозгом. Здесь мы, опять-таки, имеем один из пунктов, когда чтение Акаша хроники подтверждает факты Библии. То, что стоит в Библии — верно вплоть до буквы. В действительности, была избрана личность, которая благодаря своей физической организации имела мозг, в высшей степени подходящий, чтобы обеспечить то, что делало возможной духовную работу посредством мозга. Эта личность была — Авраам. Он был избран для исполнения той миссии, которая должна была приводить людей к восприятию внешнего мира своим физическим мозгом. Это была личность, которая меньше всего была предназначена для восприятия каких-либо интуиций, но которая логически исследовала внешние явления согласно мере, числу и весу. Более древняя традиция рассматривает Авраама как изобретателя математики, и она более права, чем подозревает сегодняшний внешний мир.

Теперь речь идет о том, чтобы эта миссия правильным образом вводилась в мир. Задумайтесь над тем, как все происходило раньше. Если раньше личность облакалась миссией, то как затем эта миссия умножалась в человечестве? Она передавалась от учителя к ученикам. Кто имел духовное вдохновение, тот передавал их наследнику. Но то, что передавалось древнееврейскому народу, было привязано к физическому инструменту, и оно не могло просто перейти к потомку, если его мозг был к этому непригоден. Поэтому это должно было связаться с физическим наследованием, оно должно было наследоваться на протяжении поколений. К Аврааму должна была присоединиться не толпа учеников, но народ, в котором этот мозг мог наследоваться на протяжении поколений. Поэтому Авраам и стал прародителем своего народа.

Это чудесно видно из Библии, как ведущие духовные власти возложили на Авраама эту миссию. Что должна была дать человечеству миссия Авраама? Должно было быть вновь обретено то, что раньше познавали благодаря озарению; теперь это должно быть снова достигнуто на некоторой другой ступени путем простого комбинирования. Вследствие этого то, что находили путем комбинирования, должно было подражать закону. Поэтому Яхве сказал: эта миссия должна быть образом закономерности, наивысшей из всех нам известных. Он сказал: твое потомство должно быть так упорядочено, как множество звезд на небе. Это — совершенная ошибка, когда это место из Библии переводят так, как если бы Яхве сказал, что потомки Авраама должны быть столь же многочисленными, как звезды в небе; но — они должны продолжать свой род по закону, и эта закономерность выражается как закономерность небосвода.

У Авраама был сын Исаак и внук Иаков. Мы видим, как от него происходят двенадцать колен иудейского народа. Эти двенадцать колен копируют закономерности двенадцати знаков Зодиака. В Аврааме новая народная организация должна была быть упорядоченной как звезды на небе. Так мы видим, как духовная наука извлекает из документов Библии действительный смысл, и тогда мы получаем правильное представление об этом глубочайшем документе человечества. Надо было отказаться от того, что является древним ясновидением. Существование человека больше не должно было протекать так, что его взгляд был отвержен от внешнего мира, но взгляд человека должен был проникать во внешний мир, исследовать его. Эта миссия — была даром, который должен был быть пожалован человечеству извне. У Авраама была миссия — передать способность мозга своим потомкам. Это должен был быть дар, и мы видим, что Авраам получает в качестве дара весь еврейский народ. Что могла пожаловать духовная власть Заратустре? Учение, несколько односторонне духовное. Но Аврааму был подарен народ, это был реальный дар, основанный на наследовании физического мозга. Как был подарен ему этот народ? В тот момент, когда он был готов принести в жертву своего сына. Если бы он совершил это, то не было бы никакого иудейского народа. В тот момент, когда он получал своего сына обратно, то получал в дар весь иудейский народ, как дар извне. В тот момент, когда Авраам получает назад Исаака, которого должен был принести в жертву, он получает обратно весь иудейский народ, свое потомство, как дар. Это — дар Яхве Аврааму. И им был отдан последний из даров ясновидения. Отдельные дары ясновидения подразделяются так, что их — двенадцать, и они обозначаются двенадцатью созвездиями, как дары небес. Последний из этих даров ясновидения жертвовался Авраамом, чтобы получать в дар израильский народ. Овен, которого приносит в жертву Авраам вместо своего сына, является отображением последнего дара ясновидения. Вместе с тем иудейский народ получил миссию развивать способности комбинирования, чтобы, с помощью собственных способностей, которые заключены в мозге, познавать мировые явления вплоть до известного единства, которое представляется как Яхве. И эта

миссия принимается с такой точностью, что из иудейского народа исключается то, что еще оставалось в нем как наследие прежнего рода восприятия, а именно — древнее ясновидение. У Иосифа еще были сновидения древнего ясновидческого рода. Он еще применял древнее ясновидение; но он отвергается обществом, так как миссия иудейского народа состояла в исключении этой древней способности ясновидения из своего развития. Так Иосиф отправляется в изгнание. Но вследствие этого он становится посредником между еврейским народом и тем, что ему следует принять, чтобы осуществить свою культурную миссию. Сыновья Авраама отказались от того, чтобы получать откровения изнутри; то, что обычно приходит через вдохновения, что обычно достигается как весть изнутри — они должны были принимать извне. Когда они уводятся в Египет, то получают там это через Моисея; теперь они являются миссионерами внешнего физического мышления. То, что другие народы получали как откровение, они получают теперь извне как закон. И в действительности то, что мы называем десятью заповедями, другие люди достигали путем внутреннего озарения. Иудеи принимают из Египта через Моисея извне как заповеди то, что, собственно, должно было быть небесными откровениями.

После того, как этот народ получил откровения Египта, он поселяется в Палестине. Этот народ был призван родить из себя одного носителя Христа. Свойства, переходившие по наследству от поколения к поколению, должны были произвести телесность Иисуса; поэтому должны были бы суммироваться все способности, имевшиеся у Авраама в первых зачатках. Весь иудейский народ должен созреть, развиться настолько, чтобы то, что имелось у Авраама в виде зачатков, было возведено в его потомке на высочайшую вершину. Чтобы понять это, мы должны привести сравнение с развитием отдельного человека. В течение первых семи лет это — преимущественно развивающееся физическое тело. С седьмого по четырнадцатый или пятнадцатый год, то есть во втором жизненном цикле, это — развивающееся эфирное тело, затем — астральное тело; лишь только потом развивается "я". То, что вначале имеется в виде задатков, предрасположенности, выходит только тогда, когда развились эти три тела. Это относится также ко всему народу. Предрасположенность Авраама должна была сначала включиться в физическое, эфирное и астральное тела, и только затем ее могло принять "я". Мы должны распределить развитие иудейского народа на три эпохи. То, что у отдельного человека занимает семь лет, у народа — распределено в семи поколениях. Возможно вы знаете, что своими наследуемыми качествами сын не столько похож на отца, как на деда. Поэтому требуется семь поколений дважды, так что необходимо четырнадцать поколений, чтобы позволить созреть в народе тому, что у отдельного человека развивается между рождением и сменой зубов. Четырнадцать поколений развивали свойства, которые были заложены у Авраама в физическом теле; четырнадцать следующих поколений — в эфирном теле, и еще четырнадцать — в астральном теле. Только тогда дана была возможность созреть такому человеку, который требовался Сущности Христа.

Это описывает Матфей в первой главе своего Евангелия, когда он говорит: от Авраама до Давида — четырнадцать поколений, от Давида до вавилонского пленения — четырнадцать, и далее, до Иисуса — еще четырнадцать поколений, так что должны были истечь три раза по четырнадцать или шесть раз по семь поколений. Такие глубокие истины положил в основу своей книги автор Евангелия от Матфея. То, что было в Аврааме как его определенная миссия, должно было также влиться в тело Христа Иисуса; но это могло произойти только закономерным образом, в последовательности поколений. Тогда этот ребенок Иисус, который готовился на протяжении сорока двух поколений, с Авраама, мог исполнить миссию прародителя. Матфей описывает нам чудесную закономерность, с которой это происходило.

Когда цикл развития завершен, должно произойти краткое повторение прежних событий на более высоком уровне. И действительно, в Евангелии от Матфея мы находим это повторение, изображенное чудесным образом. Авраам приходит из Ура в Халдее, путешествует в Ханаан, затем он идет в Египет и снова возвращается, в Ханаан. Это — его странствие. Перевоплощенный Заратустра за шесть веков до нашего летосчисления был воплощен как великий учитель халдейских школ мистерий под именем Заратос. Это было его последнее воплощение перед тем, как он снова родился в Иисусе. Теперь он идет тем же путем, которым пришел Авраам. Он исходит приблизительно из того же места, с которого начал свое странствие Авраам. И он следует в духовном мире тем путем, который проделал Авраам, до Вифлеема. Таким образом путь, который физически проложил Авраам, был духовно воспринят Заратустрой. И его последователи, которые 600 лет назад были его учениками, снова следуют за ним по звезде, что указывает им путь на Вифлеем. Они шествуют тем же путем, которым идет Заратустра, чтобы инкарнироваться. Затем он пришел туда и повторно родился в Ханаане.

В Ветхом Завете мы видим Иосифа, который из-за своего сновидения уводится в Египет; теперь мы снова видим Иосифа, которого также сновидение физически уводит в Египет. И затем мальчик физически направляется туда, где иудейский народ ждет Спасителя. Древний иудейский народ также из Египта получал от Иосифа пищу во время голода. Прочертите на карте путь, который предприняли маги; сравните далее путь, которым направлялся Иосиф, сын Иакова, в Египет, с тем, который прошел соломонов мальчик Иисус, и вы найдете, что соответствующие пути более-менее точно совпадают. Пожалуй, найдутся отдельные отклонения, но они обусловлены другими обстоятельствами. Настолько точно описывает этот путь автор Евангелия от Матфея.

Именно из таких фактов, которые мы смогли бы узнать, даже если бы пропали все написанные Евангелия, нас охватывает великое благоговение перед Евангелиями. Человечество могло бы приходить ко все более высоким истинам и добиваться все более высоких сокровищ мудрости, о которых сегодня, вероятно, еще мало кто догадывается; и если мы, миллионы лет спустя узнаем намного больше о некоем великом событии, то и эту мудрость мы

можем почерпнуть из Евангелий. И опять-таки перед нами произведение, которое может расширить наше понимание события Христа. Как учения Будды и Заратустры, так и существо еврейского народа — все это влилось в Существо Христа Иисуса. Все, что прежде появлялось на Земле, было повторно рождено благодаря христианству в более высоком облике. Все, что прежде было на Земле в духовной культуре, приходило на Землю благодаря тому, что великий водитель земного развития, Христос, посылал на Землю тех, кого Он изначально облек миссией — подготовить на Земле то, что Он должен был совершить. Еще будучи в небесных высях, Он посылал вестников вниз. И они, великие основатели религий, должны были подготавливать людей к Его пришествию. Последним из этих посланников был Будда, принесший учение о сострадании и любви. Однако, прежде были другие Бодисаттвы, и после Христа придут другие Бодисаттвы, чтобы развивать то, что пришло на Землю через Христа Иисуса.

Было бы хорошо, если бы люди слышали о Бодисаттвах, которые приходят после, ибо они — его слуги. Каждый раз когда в будущем появится Бодисаттва, например, через три тысячелетия, тогда снова это будет от Христа, освещающего все своими лучами, для лучшего понимания. Христос — глубочайшая сущность, и другие служат тому, чтобы лучше был понят Христос. Поэтому Христос предварительно посылал Бодисаттв, чтобы подготовить к Нему человечество; и Он пошлет их потом, чтобы еще лучше могло быть понято величайшее деяние земного развития. Мы стоим лишь в начале постижения этого Существа, и мы тем лучше будем постигать Христа, чем больше мудрецов и Бодисаттв придут на Землю. Благодаря всей мудрости, которая изливается на Землю, мы обретаем способность лучше узнавать Христа.

Мы стоим на Земле, как ищущие люди. Мы начинали с борьбы за понимание Христа. То, что мы о Нем узнали, мы применяли и в будущем будем применять все, чему будут учить Бодисаттвы, чтобы лучше постигать наставника, Майстера, всех Бодисаттв, средоточие нашей системы. Так человечество будет становиться все мудрее и будет все лучше познавать Христа. Но оно только тогда вполне познает Его, когда последний из Бодисаттв исполнит свою службу в последний раз и принесет учение, которое необходимо, чтобы сделать нас способными постичь глубочайшее Существо земного бытия, Христа Иисуса.

ГРУППОВАЯ ДУША И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Мюнхен, 4 декабря 1909 г.

Первая лекция.

Сегодня мы займемся общей темой, а именно — вопросом о значении и задачах антропософски ориентированной духовной науки в современности, а

затем, во вторник, и более индивидуальной темой, которая касается отдельной человеческой судьбы и человеческого существа.

Мы часто подчеркивали, что именно в настоящее время антропософия имеет особую задачу и особое значение для человечества. В конце концов, ведь каждый, кто как мыслящий человек занимается антропософией, должен снова и снова задавать вопрос: какие, собственно, цели преследует это духовное движение и как оно относится к другим задачам нашего времени? Теперь можно, как мы это уже не раз делали, осветить эти задачи с самых различных точек зрения. Сегодня мы попытаемся, несколько приостановив ход развития человечества в той точке, в которой мы сейчас находимся, немного всмотреться в будущее и затем спросить себя: какова задача антропософии, принимая во внимание тот этап развития человечества, на котором мы находимся в настоящее время?

Мы знаем, что со времени великой атлантической катастрофы, когда мир, как место обитания людей, был ею полностью преобразован, до наших дней прошло пять культурных эпох. Мы часто перечисляли эти пять культурных эпох — древнеиндийскую, древнеперсидскую, халдейско-египетскую, греко-латинскую культурные эпохи (культуры), и затем культуру, в которой находимся мы сами, культуру, которая подготавливалась в VIII, IX, X столетиях и в самой середине которой мы, собственно, находимся. Теперь мы должны уяснить себе, что такое деление, конечно, не подразумевает, что какая-либо эпоха развития резко завершалась и затем начиналась новая, но каждая из них медленно и постепенно переходит в другую; можно сказать, задолго до того как такая эпоха истекла, внутри нее уже готовится новая. Так что о нашей культурной эпохе, пятой послеатлантической культуре, мы можем сказать себе, что теперь уже вполне подготавливается нечто поистине знаменательное, то, что станет характерным для шестой культурной эпохи. И современное человечество в общем уже делится на две части: на таких людей, которые сегодня не имеют об этом никакого понятия, которые ничего не знают о том, что подготавливается нечто в этом роде, как шестая культура, которые, так сказать, слепо проживают свои дни, и таких людей, которые создают себе представления о том, что подготавливается нечто новое, и которые знают, что все это подготавливается, должно делаться людьми, подготавливаться людьми. В определенном отношении человек может вписываться во время и говорить себе, что делает общепринятое, что делали другие, что нам привили отцы и так далее, или же можно вписываться так, чтобы сознавать при этом: если ты осознанно желаешь быть звеном в человеческой цепи, то должен, зависит ли это от тебя, или от твоего окружения — делать то, что способствует тому, что должно наступить, а именно — подготавливать шестую культурную эпоху, насколько это от тебя зависит. Понять же как возможно достичь подготовки к этой шестой культурной эпохе мы можем, немного вникнув в характер нашей собственной эпохи. Здесь наилучшим средством нам представляется сравнение.

Мы знаем, что эти культурные эпохи существенно отличаются друг от друга, и в ходе нашего антропософского движения мы указывали различные свойства,

которыми они отличаются друг от друга. Указывая на древнеиндийскую культурную эпоху, мы отмечали, что душевные качества человека были в то время иными, чем они стали позднее, что человек тогда был еще в значительной степени одарен ясновидящим сознанием. И мы указывали, что развитие в последующие культурные эпохи состояло в том, что люди все больше теряли ясновидение и должны были свои способности восприятия, свои способности рассудка — все более ограничивать физическим планом. Мы видели, как медленно подготавливалась четвертая культурная эпоха, в которой люди были, так сказать, полностью вытолкнуты на физический план, так что теперь то Существо, которое мы называем Христом Иисусом, могло воплотиться на физическом плане как человеческое существо физического плана. Затем мы видели, как с того времени это проходило через определенное течение: как все более усиливались человеческие способности на физическом плане, как материалистическое влечение нашего времени, все эти стремления людей считаться только с тем, что преподносится им в физическом окружающем мире, как все это было связано с дальнейшим нисхождением человека на физический план. Но это развитие ни в коем случае не должно продолжаться. Человечество должно снова подниматься в духовный мир, подниматься со всеми достижениями, которые оно приобрело, со всеми плодами физического плана. Именно это и должно быть антропософией — то, что снова может предоставить человеку возможность восхождения в духовный мир.

Итак, мы можем сказать: после великой атлантической катастрофы было много людей, которые благодаря своей непосредственной способности восприятия знали, что вокруг нас — духовный мир, что мы живем в духовном мире. Но людей, которые это осознавали, становилось все меньше и меньше, а способности человека все больше и больше ограничивались чувственным восприятием. Но если, с одной стороны, сегодня способность восприятия духовного мира является еще крайне незначительной, то, с другой стороны, в наше время все же подготавливается нечто, весьма значительное. Уже в следующем воплощении, в воплощении, которое последует за этим, современным, у все большего числа людей, будут способности совсем иного рода, чем сегодняшние. Как изменялись способности людей на протяжении пятой культурной эпохи, так они будут изменяться так же и в шестой, и уже в следующем воплощении большое количество сегодняшних людей всем своим душевным строем отчетливо покажут, что их способности существенно изменились. И сегодня мы попытаемся достичь в этом ясности: насколько иного рода станут души этих людей будущего, у большого числа людей — уже в следующем воплощении, у других — в последующих воплощениях.

Мы могли бы также несколько иным образом оглянуться назад, в истекшие эпохи развития человечества. Тогда бы мы увидели, чем дальше мы возвращаемся к древнему ясновидению, тем больше было связано с человеческой душой то, что можно назвать характером групповой душевности. Эти свойства уже часто замечались в том, что у древнееврейского народа в

самом значительном смысле наличествовало сознание этой групповой душевности. Кто действительно сознательно ощущал себя членом древнееврейского народа, тот говорил себе — на это особенно обращалось внимание: "Как отдельный человек я — преходящее явление, но во мне живет нечто, непосредственно связанное со всем этим душевным существом, которое изливалось со времени прародителя Авраама". Это ощущал каждый, кто принадлежал древнееврейскому народу. Мы можем даже эзотерически указать на то, что здесь ощущалось древнееврейским народом, как на духовное явление. И мы лучше поймем, что происходило, если примем во внимание следующее.

Возьмем древнееврейского посвященного. Хотя именно в древнееврейском народе посвящение было не настолько частым, как у других народов, все же мы можем взять одного такого настоящего посвященного, и не просто некоего, введенного в теории и в закон, но — действительно посвященного, взирающего в духовные миры, характеризуемого не иначе, чем принимая во внимание все своеобразие народа. Сегодня в обычае внешней науки, которая ничтоже сумняшеся оперирует своими документами — сверять все, что стоит в Ветхом Завете, со всяческими внешними свидетельствами и затем не находить этому подтверждений. Нам еще предстоит случаи показать, что Ветхий Завет дает более достоверные факты, чем внешняя документированная история. Во всяком случае, духовная наука показывает, что действительное кровное родство еврейского народа до прародителя Авраама — подтверждено, и считать Авраама прародителем — правомерно. Но, между тем, было нечто, о чем знали в древнееврейских тайных школах: такая индивидуальность, такая душевная сущность, как у Авраама, она ведь была воплощена не только как Авраам, но она — вечное существо, которое оставалось пребывать в духовном мире. И в действительности настоящим посвященным, был тот, кто инспирировался тем же духом, которым инспирировался Авраам, кто мог вызывать его для себя, был пронизан той же душевностью, что и Авраам. Так что между каждым посвященным и прародителем Авраамом была реальная связь. Мы должны иметь это в виду; это выражалось в чувствовании члена древнееврейского народа. Это было видом групповой душевности. То, что выражалось в Аврааме, ощущали как групповую душу народа. И так же ощущали групповые души в остальном человечестве.

Человечество вообще возвращается к групповым душам. Чем дальше мы возвращаемся назад в развитии человечества, тем менее выраженной мы находим отдельную индивидуальность. То, что сегодня мы еще находим в животном царстве — когда вся группа составляет единое целое, так же обстояло и у людей, и это выступает тем более отчетливо, чем дальше в незапамятные времена мы возвращаемся. Группы людей здесь составляли одно целое, и групповая душа была существенно сильнее, чем то, что являлось индивидуальной душой в отдельном человеке.

Итак, мы можем сказать: сегодня, в наше время, групповая душевность людей все еще не преодолена, и кто станет утверждать, что она полностью

преодолена, тот не замечает определенных, более тонких явлений жизни. Но кто их принимает во внимание, очень скоро увидит, что фактически определенные люди похожи друг друга не только физиономиями, но в группах людей сходны также их душевные качества, так что людей можно, так сказать, делить на категории. Каждый человек сегодня может быть причислен еще и к определенной категории. В отношении тех или иных качеств он, вероятно, будет принадлежать к различным категориям, но определенная групповая душевность имеет место не только из-за того, что существуют народности, но и в другом отношении. Границы между отдельными нациями все больше и больше стираются; но другие группирования еще воспринимаются. Определенные основные свойства отдельных людей сочетаются сегодня так, что тот, кто желает видеть, еще может воспринимать последние остатки групповой душевности у людей.

Теперь, именно в наше время, мы живем, в самом значительном смысле — в переходный период. Всякая групповая душевность должна постепенно стереться. Как все больше исчезают пропасти между отдельными нациями, как отдельные части различных наций все больше понимают друг друга, так стираются и другие групповые душевности, и на передний план все больше выступает индивидуальное отдельного человека.

Но этим мы охарактеризовали в развитии нечто весьма существенное. Если мы хотим это понять с некоторой другой стороны, то мы можем сказать, что в развитии человечества все больше утрачивается понятие, в котором больше всего выражено значение групповой душевности, а именно — понятие расы. Возвратившись назад, за великую атлантическую катастрофу, мы видим, как подготавливаются человеческие расы. В древнее атлантическое время людей непременно группировали по внешним признакам их телосложения намного сильнее, чем сегодня. То, что мы сегодня называем расами, это — лишь остатки тех значительных различий людей, которые в древней Атлантиде были обычными. Так что настоящее понятие расы применимо только в древней Атлантиде. Поэтому, учитывая действительное развитие человечества, для послеатлантического времени мы вовсе не употребляем понятие расы в его самом значительном смысле. Мы не говорим об индийской расе, персидской расе и так далее, ибо это уже будет неверно. Мы говорим о древнеиндийском культурном периоде, о древнеперсидском культурном периоде и так далее.

И это полностью потеряло бы всякий смысл, если бы мы захотели говорить о том, что в наше время подготавливается шестая раса. Если в наше время еще имеются остатки древних атлантических различий, древней атлантической групповой душевности, и еще можно говорить о том, что расовое разделение имеет место, то подготовка шестого периода заключается именно в том, чтобы расовый характер был снят. Это является существенным. Поэтому необходимо, чтобы то движение, которое называется антропософским, и которое должно подготавливать шестой период, включило в свой основной характер именно это стирание расового характера; своей целью оно ставит идею объединить людей

всех рас, всех наций, и так оно преодолевает эту дифференциацию, эти различия, эти пропасти, которые имеют место между отдельными человеческими группами. В определенном отношении то, что является древним основанием расы, имеет физический характер, а то, что совершится в будущем, приобретет намного более духовный характер.

Поэтому столь настоятельно необходимо понять, что наше антропософское движение — духовное, оно ориентировано на духовное, а то, что происходит из физических различий — преодолевается благодаря силе духовного движения. Совершенно понятно, что каждое движение имеет, так сказать, свои детские болезни, и в начале теософского движения дело было представлено так, как если бы Земля, так сказать, распалась на семь эпох, называемых главными расами, а каждая из главных рас — на семь подрас; и все это постоянно бы повторялось, так что всегда можно было бы говорить о семи расах и семи подрасах. Но нужно выходить из детских болезней и понимать, что понятие расы именно в наше время теряет какое-либо значение.

В дальнейшем подготавливается нечто иное — нечто, в значительном смысле связанное с индивидуальностью человека — в индивидуальном становлении всех людей и в индивидуальном становлении отдельного человека. Речь только о том, чтобы становление индивидуальности проходило в правильном смысле. И антропософское движение должно служить тому, чтобы люди становились в правильном смысле индивидуальностями, или, можно также сказать — личностями. Но как они могут это осуществить?

Здесь мы должны обратить внимание на замечательное новое душевное качество человека, которое подготавливается. Часто ставится вопрос: Да, если есть повторные воплощения, почему человек о своих прежних воплощениях не помнит?" Это вопрос, на который мне уже часто приходилось отвечать, и вопрос такого рода отпадает так же, как если бы привели четырехлетнего ребенка и, так как он не умеет считать и все же является человеком, стали бы утверждать: человек не умеет считать. Позвольте ему стать десятилетним, тогда он уже сможет считать. Так же обстоит в данном случае с человеческой душой. Если она сегодня еще не может вспоминать, так же придет время, когда она сможет вспоминать, время, когда она обретет те же способности, которые сегодня есть только у посвященного. Но именно сегодня происходит этот поворот. Сегодня есть некоторое число душ, которые в наше время столь продвинуты, что стоят вплотную перед моментом, когда они вспомнят свои прежние воплощения, по крайней мере, последнее. Сегодня целое множество людей стоит, так сказать, как раз перед распахнувшимися вратами обширной памяти, которая охватывает не только жизнь между рождением и смертью, но и предыдущие воплощения, по меньшей мере последнее из них. И если после нынешнего воплощения некоторое множество людей воплотятся повторно, то они вспомнят себя в их современном воплощении. Речь лишь о том, как они вспомнят. Импульс и руководство к тому, как вспомнить себя правильным образом, должно дать антропософское развитие.

Если мы хотим охарактеризовать антропософское движение с этой точки

зрения, то нужно сказать следующее: его характер таков, что оно ведет человека к тому, чтобы в правильном смысле охватывать то, что мы называем человеческим глубочайшим членом человеческого существа. Я уже часто обращал внимание на то, как по праву сказал Фихте,^{/15/} что чаще всего люди охотнее держались бы за кусок лавы на Луне, чем за "я". И если вы задумаетесь о том, сколько есть в наше время людей, которые вообще имеют представление, что такое "я", то есть чем являются они сами, то вы пришли бы к поистине печальному результату.

Когда всплывает этот вопрос, я всегда вспоминаю об одном приятеле, с которым был знаком чуть больше тридцати лет назад. В то время, будучи молодым парнем, он был полностью заражен материалистическим образом мыслей. Сегодня будет более современным сказать: монистическим образом мыслей. Он был уже заражен им, несмотря на свой юный возраст. Он всегда смеялся, когда говорилось, что в человеке содержится нечто, что можно обозначить как духовное существо, так как он держался воззрения, что то, что живет в нас как мысль, производится механическими или химическими процессами в мозге. Я часто говорил ему: "Слушай, если ты серьезно веришь в это, как в содержание жизни, почему ты постоянно лжешь?" Он, действительно, постоянно лгал, так как никогда не говорил: мой мозг ощущает, мой мозг мыслит, но: я мыслю, я ощущаю, я знаю это или то. Так что он создал себе теорию, которой противоречил каждым словом, как это делает всякий; так как невозможно придерживаться того, что вообразил себе как материалистическую теорию. Нельзя оставаться в действительности, мысля материалистически. Если сказать: "мой мозг любит тебя", то нельзя говорить "тебя", а непременно: "мой мозг любит твой мозг". Люди не делают этого вывода. Но в самом деле это — не просто юмор, а нечто, указывающее на то, сколь глубока подоснова бессознательной неправдивости на почве нашего современного духовного образования.

Большинство людей действительно скорее бы ухватились за кусок лавы на Луне, то есть за спекшееся вещество, чем за то, что может быть названо "я". И уж, конечно, с помощью внешней науки, которая, как таковая, согласно своим методам должна мыслить материалистически, мы меньше всего придем сегодня к постижению "я". Это постижение "я", благодаря чему человек может достичь его? Посредством чего он может постепенно получать также понятие, идею того, что он инстинктивно ощущает, когда говорит: "я мыслю?" Лишь только посредством того, что, вооружившись антропософским мировоззрением, он познает, как подразделяется это человеческое существо, как физическое тело имеет характер Сатурна, эфирное тело — характер Солнца, астральное тело — характер Луны и "я" — характер Земли. Когда мы внимательно рассматриваем все, что собрали здесь в идеях отовсюду со всей Вселенной, мы понимаем, как наше "я", подобно настоящему мастеру, работает во всех других членах. И так постепенно мы приходим также к понятию того, что представляем словом "Я".

Постепенно мы пробиваемся к высшему понятию этого "я", когда учимся

понимать это слово. Мы не просто ощущаем себя как духовное существо, когда ощущаем себя в этом но если мы можем сказать себе: в нашей индивидуальности живет нечто, что было здесь до праотца Авраам. Когда мы не только можем сказать себе: "я и Отец Авраам — одно", но: "я и Отец — это вплетенное в мир и переживающее мир духовное". То, что живет в "я", является той же духовной субстанцией, вотканной в мир и переживающей его, как духовное. Таким образом мы постепенно выбираемся наверх к пониманию этого "я", носителя человеческой индивидуальности, то есть того, что протягивается от воплощения к воплощению.

Но каким образом мы понимаем "я", понимаем ли мы вообще мир через антропософское мировоззрение? Антропософское мировоззрение осуществляется самым индивидуальным образом и в то же время является самым неиндивидуальным, которое вообще только можно себе представить. Оно может осуществляться самым индивидуальным образом только вследствие того, что тайны Вселенной обнаруживаются в человеческой душе, что в нее проникают великие духовные мировые существа. В человеческой индивидуальности содержание мира должно переживаться самым индивидуальным образом, но в то же время оно должно переживаться полностью нелично. Кто желает пережить истинный характер мировых тайн, тот должен стоять на той точке зрения, на которой он скажет себе: "кто все еще обращает внимание на собственное мнение, тот не может прийти к истине". В этом как раз и состоит своеобразие антропософской истины, что наблюдатель не может иметь никакого собственного мнения, никакого пристрастия к той или иной теории, что он не может то или иное воззрение любить больше, чем другое, из-за своей индивидуальной особенности. И пока он находится на вышеуказанной личной точке зрения, невозможно, чтобы ему открывались истинные мировые тайны. Он должен познавать вполне индивидуально; но его индивидуальность должна быть настолько развитой, чтобы больше она ничего не имела от личного, а также от индивидуально ей приятного и неприятного. Это должно приниматься строго и серьезно. Кто еще имеет какое-нибудь пристрастие к тем или иным понятиям и воззрениям, кто своим воспитанием, своим темпераментом склонен к тому или иному, тот никогда не познает объективную истину.

Этим летом мы пытались разобрать здесь некоторые восточные истины с точки зрения западного учения./16/ К восточным истинам мы старались быть справедливыми, и, действительно, представляли их так, чтобы была налицо их полная правомерность. Следует строго подчеркнуть, что в наше время при независимом духовном познании невозможно всегда руководствоваться особым пристрастием к восточному или к западному мировоззрению. Кто здесь скажет, в зависимости, например, от своего особого темперамента, что он предпочитает рассматривать особенности, закономерности мира так, как они представлены в восточном или, соответственно, в западном мировоззрении, у того еще нет полного понимания того, о чем, собственно, идет речь. К примеру, о наибольшем значении Христа по отношению ко всему, что определяет

восточное учение, следует заключать не в силу того, что из-за своего западного воспитания или своего темперамента мы больше склоняемся ко Христу. Этот вопрос — "как относится Христос к Востоку?" — мы призваны решать лишь тогда, когда с личной точки зрения христианское нам столь же безразлично, как восточное. До тех пор, пока нами владеет пристрастие к тому или к другому, мы еще не призваны принимать решение. Объективно мы приходим к этому лишь тогда, когда позволяем говорить одним фактам, если более не принимаем за основу собственное мнение, а позволяем говорить в этой области только фактам.

Поэтому в антропософском мировоззрении, когда сегодня оно выступает перед нами в своем истинном облике, выступает нечто, что внутренне тесно переплетено с человеческой индивидуальностью, поскольку оно должно произрастать из силы "я" индивидуальности и, с другой стороны, должно быть независимым, так, чтобы эта индивидуальность была вполне безразличной. Тот человек, у которого появляются антропософские истины, должен быть по отношению к ним в высшей степени безразличным; это вовсе не должно затрагивать его. Он настолько развит, что не впечатлевает этим вещам ничего от их окрашенности для него лично. Потом они, правда, должны стать индивидуальными, так как духовное не может являться в свете звезд или Луны, но лишь в человеческой душе, в индивидуальности. Тогда, с другой стороны, последние должны быть настолько высоко развиты, что сами могут исключать себя при осуществлении того, чем являются мировые истины.

Но также и то, что обращается к человечеству через антропософское движение, является, с другой стороны — чем-то, что касается каждого человека, безразлично из какой расы, нации и так далее он произошел, так как происходит обращение только к новой человечности, к человеку как таковому, но не к отвлеченному абстрактному "человеку", а к каждому отдельному человеку. Как происходит оно из индивидуальности, из сущностного ядра человека, как обращается оно оттуда к глубочайшему сущностному ядру человека, так охватывает оно это ядро человека. Обычно мы говорим между собой, по сути всегда ограничиваясь лишь поверхностным, обращаясь к поверхностному, к тому, что не связываем с глубочайшим сущностным ядром. Понимание человека человеком, полное понимание, сегодня едва ли возможно в другой области, чем та, где то, что рождается, исходит из центра человеческого существа, и, если оно действительно верно понято другим, то оно опять-таки обращено к его центру. Поэтому это, в определенном отношении — новый язык, который высказывается через антропософию. Если сегодня мы все еще вынуждены говорить на отдельных национальных языках, то содержание сказанного является новым языком, который высказывается из антропософии.

То, что сегодня говорится в мире вовне, это — язык, который, собственно, имеет значение только для весьма ограниченной области. В древние времена, когда люди своим древним, сумеречным ясновидением еще взирали в духовный мир, их слово означало нечто, что существовало в духовном мире. Слово

означало нечто существующее в духовном мире. Даже в Греции все обстояло иначе, чем сегодня. Слово "идея", употреблявшееся Платоном, означает нечто иное, чем слово "идея" употребляемое нашими сегодняшними философами. Сегодняшние философы не могут больше понимать Платона, так как лишены всякого видения того, что он называл идеей, и путают ее с абстрактным понятием. Платон еще имел перед собой духовное, даже если оно выступало уже весьма дистиллированно; оно было, так сказать, еще чем-то вполне реальным. Здесь в словах еще присутствовал, если можно так выразиться — духовный сок, вы можете это прочувствовать в словах. Если сегодня кто-то употребляет слово "ветер", "воздух", он мыслит при этом нечто внешнее, физическое. Слово "ветер" соответствует здесь внешнему, физическому. Когда же употребляли слово "ветер", ruach, например, — в древнееврейском, то мыслили не только нечто внешнее, физическое, но — духовное, пронсящееся через пространство. Когда теперь, сегодня — человек вдыхает, материалистическая наука скажет, что он просто вдыхает материальный воздух. В древние времена не думали, что вдыхают материальный воздух; тогда понимали, что вдыхают духовное, по меньшей мере — душевное.

Таким образом, слова непременно были обозначениями духовного и душевного. Сегодня это прекратилось, сегодня язык ограничен внешним миром или, по меньшей мере, те люди, которые стремятся сегодня находиться на высоте времени, даже за тем, в котором еще очевидно, что это — заимствованное духовно-душевное, пытаются видеть лишь материалистический смысл. Физика говорит о том, что есть "соударение" тел. Она забыла, что слово "соударение, удар" заимствовано из того, что живое существо, когда оно толкает, ударяет другое существо, совершает это из глубин живого существа. Так забывается первоначальное значение слов в простых вещах.

Итак, сегодня наш язык (и больше всего это имеет место в научном языке) стал языком, который может выражать только лишь материальное. Вследствие этого то, что происходит в нашей душе, когда мы говорим, понятно только тем способностям нашей души, которые привязаны к физическому мозгу, как своему инструменту; и потом душа, когда она развоплощена, больше ничего не понимает из того, что сказано этими словами. Когда душа ушла через врата смерти и больше не обслуживается мозгом, тогда все сегодняшние научные рассуждения являются образованиями, совершенно непонятными для развоплощенной души. Она даже не слышит, не воспринимает того, что выражено на языке сегодняшнего времени. Это больше не имеет смысла для развоплощенной души, это имеет смысл лишь для того, что существует на физическом плане.

Есть нечто такое, на что еще важнее обратить внимание в том, что можно было бы назвать родом представлений, образом мыслей. Обратить на это внимание — гораздо важнее, чем на теории, так как от этого, а не от теории зависит жизнь. Весьма характерно то, что это снова можно увидеть в теософском движении — а именно, как прокрался материализм. Поскольку

теперь он уже стал модой времени, он многократно прокрадывался в теософское понимание, так что и здесь, в самой теософии, правит настоящий материализм; например, когда описывают эфирное или жизненное тело. В то время, как нужно было постараться прийти к пониманию духовного, его большей частью описывают так, как если бы оно было лишь более тонким материальным; так же обстоит и с астральным телом. Обычно исходят из физического тела, затем идут далее к эфирному или жизненному телу и говорят: оно построено по образцу физического тела, только более тонкое; и так шествуют вверх, вплоть до нирваны. Здесь мы находим описания, которые заимствуют образы не от чего иного, как от физического. Мне уже приходилось слышать — когда хотели отметить то, что в комнате у присутствующих хорошее настроение, то не выразили это просто в прямом смысле, а сказали: "ах, в этом пространстве присутствуют тонкие вибрации". При этом совершенно не обращают внимания на то, что присутствующее здесь духовно в виде настроения — материализуется, когда мыслят пространство заполненным чем-то вроде тонкого тумана, который продувается вибрациями.

Это — то, что я хотел бы обозначить как наиболее материалистический вид представления. У желающих духовно мыслить, на загравке сидит, можно сказать, сам материализм. Это должно быть лишь характеристикой нашего сегодняшнего времени; но важно, чтобы мы это осознавали. И поэтому нам следует обращать внимание на то, что было сказано: наш язык, который является все же для человеческого мышления чем-то вроде тирана, наш язык насаждает в душе влечение к материализму. И многие, которые с радостью хотели бы сегодня быть идеалистами, выражаются, совращенные тираном языка, вполне в материалистическом смысле. Этот язык уже не может стать понятным душе, как только она не ощущает себя больше связанной с человеческим мозгом.

Есть даже еще нечто, можете верить в это или не верить. Для того, кому знакомо оккультное видение, действительное духовное восприятие, тот род представлений, который сегодня многократно практикуется в теософских научных трудах, приносит настоящую боль, ибо, когда он начинает мыслить не физическим мозгом, а душой, которая не привязана к физическому мозгу, то есть действительно живет в духовном мире — этот род представлений представляется ему бессмысленным. Этот род представлений не уйдет, пока продолжается мышление физическим мозгом, пока так будут характеризовать мир. Но как только мы начинаем развивать духовное видение, разговор такого рода о вещах лишается смысла. Тогда даже высказывания типа: "В этом пространстве — хорошие вибрации" вместо: "Здесь господствует хорошее настроение" — причиняют боль. У того, кто в состоянии действительно представлять себе вещи духовно, это тотчас вызывает боль, так как мысли — это действительность. Пространство заполняется темным туманом, когда некто придает мысли форму: "В помещении — хорошие вибрации" вместо: "Здесь царит хорошее настроение".

Итак, задача антропософского способа представлений (и способ

представлений здесь важнее теорий), чтобы мы учились говорить на языке, который будет действительно понятен человеческой душе, не только — пока она обитает в физическом теле, но и тогда, когда эта душа больше не привязана к инструменту физического мозга. Этот язык может еще восприниматься либо хотя и находящейся еще в теле, но духовно видящей душой, либо душой, прошедшей врата смерти. И это существенно! Если мы выдвигаем понятия, которые объясняют мир, которые объясняют человеческое существо, тогда это — язык, который может быть понят не только здесь, на физическом плане, но и теми, кто теперь не воплощен в физическом теле, а живет между смертью и новым рождением. Ведь то, что говорится на нашей антропософской почве, слышат и понимают так называемые умершие. Здесь они полностью с нами, на одной почве, где говорят на одном языке. Здесь мы обращаемся ко всем людям. Так как, в определенном отношении, это дело случая — пребывает ли человеческая душа во плоти, или в измененном состоянии между смертью и новым рождением. И через антропософию мы обучаемся языку, который понятен для всех человеческих существ, безразлично — в том они состоянии или в ином. Таким образом, в области антропософии мы говорим на языке, который звучит также и для так называемых умерших. Действительно, именно благодаря тому, о чем мы в реальном смысле заботимся в антропософских обсуждениях, мы касаемся глубочайшего человеческого ядра, глубочайшего существа человека. Мы проникаем внутрь, вплоть до человеческой души. И, проникая в душу человека, мы освобождаем его от всякой групповой душевности. То есть человек становится все более способным действительно охватывать себя в своем "я".

Весьма примечательно, что те, кто сегодня приходят к антропософии, действительно принимают антропософию, отличаются от других, которые остаются вдали от нее, тем, что их "я" благодаря антропософским мыслям как бы кристаллизуется в духовное существо, которое затем выносит их с собой через врата смерти. Там, где пребывает "Я"-существо, которое теперь пребывает в теле и которое, ведь, остается после смерти, на месте этого "Я"существа у других людей — пустота, ничто. Все остальное, что сегодня можно воспринимать в понятиях, становится для собственного душевного сущностного ядра человека все более беспредметным. Центральное существо человека охватывается тем, что мы принимаем в антропософскую мысль. Это кристаллизует духовную субстанцию в человеке, который уносит ее с собой после смерти; благодаря ей он обладает способностью восприятия в духовном мире. Тем самым он видит и слышит в духовном мире, проникает в тот мрак, который иначе предстает перед человеком в духовном мире. И благодаря этому достигается то, что, если человек сегодня этими антропософскими понятиями и антропософскими представлениями развивает в себе это "я", которое теперь связано со всеми мировыми истинами, которые мы можем получить — если он это развивает — он также переносит это в следующее воплощение. Потом он повторно рождается с этим, ныне образованным "я", и он вспоминает об этом образованном «я». И сегодня это является глубочайшей задачей мирового

антропософского движения: переправить некоторое число людей к следующему воплощению с таким сям в котором они вспомнят себя, как свое индивидуальное сям. И это будут люди, которые образуют ядро следующей культурной эпохи.

Те люди, которые благодаря антропософскому духовному движению были хорошо подготовлены вспоминать себя в своем индивидуальном сям, распространятся по всей Земле. Ибо существенным в следующую культурную эпоху будет то, что она не будет ограничена отдельными местностями, а будет распространена по всей Земле. Отдельные люди будут рассеяны по всей Земле, и ядро человечества будет присутствовать во всех земных областях, что будет существенно для шестого культурного периода. Эти люди узнают себя как тех, которые в своем предыдущем воплощении совместно достигли индивидуального «я». Это — правильный уход за той душевной способностью, о которой мы говорили. Эта душевная способность развивается также так, что не только те, которые были теперь охарактеризованы, вспомнят себя; но у гораздо большего числа людей, хотя они и не развили свое сям, будут воспоминания о предыдущем воплощении. Но они вспомнят себя не в индивидуальном "я", так как они его не образовали, а в групповом "я", в котором они остались. Итак, будут люди, которые в этом воплощении заботились о развитии своего индивидуального "я". Они вспомнят себя как самостоятельную индивидуальность; они оглянутся назад и скажут: "ты был этим или тем". Те, кто не развил индивидуальность, не смогут вспомнить себя в этой индивидуальности.

Не думайте, что способности вспоминать о предыдущем "я", например, простым визионерским ясновидением. Ведь некогда все люди были ясновидящими. Если бы простого ясновидения было достаточно, то все должны были бы вспоминать себя, так как все были ясновидящими. Но дело не в том, обладаем ли мы ясновидением, ясновидящими люди станут в будущем. Дело в том, воспитали мы в этом воплощении свое "я" или нет. Если мы не воспитали его, то его, как внутреннего человеческого существа, здесь нет. Оглянувшись назад, тогда вспомнят себя как групповое которым обладали вместе. Эти люди скажут: "да, я был здесь, но я себя не освободил". Эти люди ощутят это как свое падение, как новое падение человечества, как падение в сознательное единство с групповой душой. И в шестой культурной эпохе это станет чем-то ужасным: быть не в состоянии ощущать себя индивидуальностью в ретроспективном взгляде, а быть скованным невозможностью вырваться из групповой душевности. Грубо говоря, тем людям, которые культивируют свою индивидуальность теперь, будет принадлежать вся Земля со всем, что она может производить — это, по меньшей мере, очевидно; те же, кто не чеканит свое индивидуальное "я", будут вынуждены присоединяться к определенной группе и получать от нее позволение, как им чувствовать, мыслить, желать, действовать. В будущем человечестве это будет ощущаться как отбрасывание назад, как падение.

Мы можем рассматривать то, что является антропософским движением,

духовной жизнью, не как голую теорию, а как нечто, предоставляемое нам в современности, что подготавливает необходимое для будущего человечества. Если мы правильно понимаем себя здесь, в той точке, где мы теперь находимся, приходя из прошлого, немного заглядывая в будущее, то должны будем сказать: сейчас то время, когда мы начинаем развивать человеческую способность воспоминания, ретроспективную памятью. Речь лишь о том, действительно ли мы правильно ее развиваем, что означает, что мы прививаем себе индивидуальное "я". Ибо мы можем вспомнить себя только в том, что создано нами в нашей душе. Если мы не создали ничего, тогда нам остается только притягивающее и сковывающее нас воспоминание о групповом сям, и тогда мы ощущаем это как падение в группу, так сказать, высшей животности. Даже если человеческие групповые души более тонки и высоки, чем животные групповые души, все же они остаются групповыми душами. Люди древности не ощущали это как падение, поскольку они пребывали в этом, развиваясь из групповой душевности к отдельной душе. Если она сохранится теперь, то они падают туда сознательно, и в будущем это будет тягостным чувствованием тех, кто не сможет найти воссоединения правильным образом, либо сейчас, либо в следующем воплощении: они ощутят падение в групповую душевность.

Реальная задача антропософии состоит в том, чтобы сделать возможным это воссоединение. Так мы должны ее понимать в человеческой жизни. Если мы примем во внимание то, что шестой культурный период является как раз первым преодолением, полным преодолением самого понятия расы, то нам должно быть ясно, что было бы фантастикой верить, что шестая раса также могла бы выйти из некоторой местности Земли и образоваться так, как прежние расы. Прогресс заключается в том, что продолжают выступать все новые виды жизненного развития, а то, что имело значение в понятиях в прежние времена — не должно иметь значения для будущих времен. Иначе, если мы этого не поймем, для нас не вполне прояснится идея прогресса. Мы будем все снова впадать в ошибку, приговаривая: так и так, существует много кругов, глоб, рас и так далее. И все это вращается по кругу/17/ снова и снова и все таким же образом. Нельзя понять, почему это колесо кругов, глоб, рас должно вращаться снова и снова. Дело в том, что слово "раса" является обозначением, которое имеет значение только в определенные времена. Во время шестого периода это понятие едва ли еще имеет смысл. Раса была присуща лишь элементам, которые остались от атлантического времени.

В будущем то, что обращено к глубинам человеческой души, будет все больше выражаться также и во внешнем человека, и это становится тем, что человек приобрел, с одной стороны, как нечто совершенно индивидуальное и, все же переживает это, опять-таки — не индивидуально, выраженное посредством того, что это действует наружу вплоть до человеческого облика; так что на его облике будет написана индивидуальность человека, а не групповая душевность. Это составит человеческое многообразие. Все будет приобретено индивидуально, несмотря на то, что здесь это происходит через

преодоление индивидуальности. И тех, кто отмечен "я", мы не встретим в составе групп, но во внешнем выразится индивидуальное. Это также образует различия между людьми. Здесь будут те, кто обрел свое "я"; они будут по всей Земле, хотя и с самыми разнообразными обликами, но в их разнообразии будет видно, что вплоть до их жестов выражается индивидуальное "я". В то время как те, которые не развили индивидуальности, которые вследствие этого будут выражать групповую душевность, они будут нести групповую душевность также в своем облике; то есть, что они будут распадаться на категории, будут походить друг на друга. Это станет внешней физиономией нашей Земли: то, что подготовит возможность как внешний знак на себе нести индивидуальность и как внешний знак на себе нести групповую душевность.

В этом и заключается смысл земного развития, что человек все больше достигает способности в своем внешнем представлять внутреннее. Поэтому есть древний текст, в котором величайший идеал развития "Я" Христос Иисус характеризуется следующим образом: "если двое становятся одним, если внешнее становится как внутреннее, то человек достиг в себе качеств Христа". Это смысл известного места из так называемого Евангелия египтян/18/. Такие места мы постигаем из антропософской мудрости.

После того, как сегодня мы попытались из глубин нашего познания понять задачу антропософии, мы приступим во вторник к некоторой духовной проблеме, которая, как частное индивидуальное дело человека, может вывести нас на его судьбу, на его сущность.

БОГ ВНУТРИ И БОГ ВО ВНЕШНЕМ ОТКРОВЕНИИ

Вторая лекция.

Мюнхен, 7 декабря 1909 г.

Из всего духа нашей антропософской работы в течение года вы могли сделать вывод, что в основе этой работы лежит не что-то сенсационное, а спокойное исследование тех фактов духовного свершения, познание которых может быть важным для нашей жизни. Причем духовное служит повседневному не разговорами о том, что, так сказать, заключено в повседневно, а усвоением знания о великих жизненных взаимосвязях. В сущности, наша собственная индивидуальная жизнь зависит от великих мировых событий, и лишь тогда мы можем правильно обсуждать также и нашу собственную жизнь, когда способны соизмерять ее с величайшими явлениями жизни. Поэтому после того, как в ходе нашего семилетнего цикла существования Немецкой секции четыре года мы занимались закладкой основ наших представлений, наших воззрений, затем в течение последних трех лет мы сосредоточили усилия на углублении этих основополагающих воззрений в отношении мировых вопросов. И из изложенного в различных циклах вы

можете видеть, что речь в них шла о Евангелиях. И не только, чтобы ознакомиться с содержанием Евангелий, но и потому, что путем их рассмотрения мы можем многое изучить в человеческой природе. Поэтому сегодня будет идти речь о Евангелиях, с различными применениями сказанного к личной человеческой жизни.

Внешняя наука все меньше характеризует Евангелия как исторический документ для познания величайшей индивидуальности, повлиявшей на развитие человечества, Христа Иисуса. Отношение к Евангелиям в течение первых христианских столетий, и еще долго на протяжении средних веков, было совсем иным, чем оно стало в новейшее время. Евангелия сегодня воспринимаются как четыре противоречащих друг другу документа, и ничто сегодня не кажется более очевидным, чем распространенное высказывание: как можно считать историческими эти четыре документа, если они так противоречат друг другу, как четыре Евангелия, которые хотят нам сообщить о том, что происходило в Палестине в начале нашего летосчисления.

Так вот, человеческое мышление, если оно не желает сегодня слишком поверхностно судить о важнейших вещах, может натолкнуться на следующее. Можно, например, сказать себе: собственно, немного требуется, чтобы увидеть, что четыре Евангелия противоречат себе в том смысле, как это понимают сегодня. Можно считать, что это понятно и ребенку. Но к этому можно было бы заметить: теперь Евангелия в какой-то мере общедоступны, сейчас каждый человек может взять их в руки и заниматься ими. Но до изобретения типографского искусства были времена, когда Евангелия отнюдь не были доступны всем, когда их читали лишь немногие, и эти немногие стояли во главе духовной жизни. Другие же знакомились с их содержанием по мере своего понимания. Тогда можно спросить: да, но те немногие, которые стояли во главе духовной жизни, все же не были круглыми дураками, чтобы не понимать того, что сегодня может понять каждый ребенок: то, что Евангелия противоречат себе в сегодняшнем смысле?

Желая разобраться в этом вопросе, мы вскоре заметили бы нечто другое, а именно, что весь мир человеческих чувств относился к Евангелиям иначе, чем сегодня. Сегодня существует критический рассудок, который всему своему способу мышления учится у внешней чувственной действительности. И когда он принимается также и за Евангелия, то ему не трудно находить рассудочные противоречия, ведь найти их не составит особого труда.

Как же те, которые стояли во главе духовной жизни и могли в течение былых столетий брать в руки Евангелия, могли мириться с тем, что сегодня называют противоречиями? Ведь эти люди былых времен испытывали неслыханное, вовсе не сегодня придуманное благоговение перед великим событием Христа благодаря четырём Евангелиям, и они странным образом ощущали, что, поскольку они имели четыре Евангелия, тем более должны были почитать и ценить это событие. Как же это возможно? Это вытекает из того, что древнее толкование Евангелий принимало во внимание нечто совсем иное, чем нынешнее. Сегодняшние критики делают это не умнее, чем тот, кто,

сфотографировав букет цветов с одной стороны, получает определенную фотографию букета цветов. Затем он выходит мир с этой фотографией. Люди рассматривают фотографию и говорят себе: теперь я имею точное представление о букете цветов. Затем приходит некто и фотографирует букет цветов с другой стороны. Изображение становится совсем иным. Он показывает людям изображение того же букета цветов. Они говорят: это не может быть изображением этого букета; эти изображения противоречат друг другу. И если букет фотографируется с четырех сторон, то четыре изображения вовсе не выглядят как одни и те же; но, тем не менее, это четыре снимка одного и того же предмета. Так воспринимали четыре Евангелия их древние судьи. Они говорили себе: четыре Евангелия являются представлениями одного события с четырех различных точек зрения, и поскольку это событие имело место, они дают нам совершенный образ именно благодаря тому, что не совпадают друг с другом; и лишь тогда, когда мы в состоянии создать себе общее представление с четырех сторон, мы получаем общую идею события в Палестине. И эти люди говорили себе: "С еще большим смирением следует нам вглядываться в событие Палестины, представленное с четырех сторон, так как это событие столь огромно, что его невозможно понять, если оно изображается только с одной стороны". Мы должны быть благодарны тому, что у нас есть четыре Евангелия, изображающие такое великое событие с четырех сторон. Мы должны лишь понимать, как возникли эти четыре различных точки зрения, и, убедившись в этом, мы смогли бы также образовать себе представление о том, что может конкретный человек воспринять из четырех Евангелий.

То, что мы называем событием Христа, является могущественным событием в духовном развитии человечества. Как же мы сможем то, что произошло тогда в Палестине — включить во все развитие человечества? Мы смогли бы это включить, сказав следующее: все то, что прежде духовно прошло человечество то, что оно духовно пережило, все это соединилось, слившись в событии Палестины, чтоб потом струиться дальше в едином общем потоке.

Здесь мы можем назвать лишь некоторые его составляющие. Древнееврейское учение, как оно дано нам в Ветхом Завете, это — первый вклад. Он влился в тот момент, когда происходило событие Палестины. Затем был другой поток, который исходил от Заратустры. Он влился в то, что потом — как христианство — струилось далее через мир, как главный поток.

И есть здесь то, что мы можем назвать восточным духовным течением, которое нашло свое наизначительнейшее выражение в Гаутаме Будде. Оно также влилось в единое великое главное течение, чтобы затем вместе струиться дальше. Все эти отдельные течения сегодня — внутри христианства.

О том, чем сегодня является буддизм, вам ничего не скажет тот, кто снова станет подогревать учение, данное Буддой за 600 лет до нашего летосчисления. Это учение влилось в христианство. И о том, что действительно представляет собой зороастризм, не скажет вам тот, кто берет древнеперсидские документы и хочет обнаружить там сегодня существо зороастризма; ибо тот, кто учил в древней Персии тому, что содержится в древнеперсидских документах —

развился далее и внес свой вклад в духовную жизнь человечества, и зороастризм мы также должны искать внутри христианского потока.

Теперь спросим себя, чтобы получить картину истинного положения вещей: как же именно эти три течения — буддизм, зороастризм и древнееврейское течение — влились в христианство?

Желая понять, как влился зороастризм, вспомним о том, что индивидуальность, которую мы рассматриваем как Заратустру, который был великим учителем второго послееатлантического культурного периода, прежде всего — в так называемом праперсидском народе, эта индивидуальность воплощалась затем снова и снова. Поднимаясь с каждым воплощением все выше и выше, он появился около 600 лет до нашего летосчисления как современник великого Будды. Он появился в тайных школах древнего халдейско-вавилонского культурного круга. Повторно воплотившись здесь, он был учителем Пифагора, который ходил в Халдею, чтобы совершенствоваться соответствующим образом. Затем этот Заратустра, который появился тогда, за 600 лет до нашего летосчисления, под именем Заратоса или Назаратоса, повторно воплотился в начале нашего летосчисления, причем воплотился таким образом, что он вошел в тело, происшедшее от пары родителей, имена которой — Иосиф и Мария, и это описывается в Евангелии от Матфея. Мы обозначим этого ребенка Иосифа и Марии, так называемой родительской пары из Вифлеема, как одного из двух мальчиков Иисусов, которые родились тогда, в начале нашего летосчисления. Тем самым мы имеем перевоплощение в древней Палестине именно той индивидуальности, которая была носителем зороастризма, этого значительного духовного течения.

Но не только это духовное течение должно было быть возрождено, чтобы в новой форме влиться в христианство, но также и другое духовное течение. Благодаря этому здесь должны были встретиться различные вещи. Должно было произойти, например, также и то, что Заратустра воплотился в тело, которое своей физической организацией предлагало ему возможность, чтобы Заратустра в этом воплощении мог развить именно те способности, которыми он обладал в силу столь высокого восхождения от воплощения к воплощению. Ибо мы должны высказать следующее: если бы низошла столь высокая индивидуальность и вошла бы в неподходящее тело (что могло бы произойти из-за того, что эта индивидуальность вовсе не смогла бы найти себе подходящего тела), то она не смогла бы проявить те способности, которыми она обладает духовно-душевно, из-за отсутствия для этого инструментов. Чтобы проявлять такие способности, какими обладал Заратустра, нужно иметь мозг с определенными задатками; то есть, надо воплотиться в такое тело, унаследованное от предков, свойства которого делают его инструментом, предназначенным для этих способностей. Надо было обеспечить не только то, чтобы мальчик Иисус, описанный в Евангелии от Матфея, обладал столь высокой духовно-душевной организацией, чтобы мог оказывать то мощное действие, которое должно было осуществиться, но обеспечить также и то, чтобы эта душа воплотилась в совершенной физической организации, которая

передавалась бы по наследству. Заратустра должен был здесь найти подходящий физический мозг.

То, что развивалось здесь как совершенно подходящая физическая организация, это — вклад, который должен был внести в христианство древнееврейский народ. В нем путем чисто физического наследования должно было создаваться подходящее тело с самыми совершенными внешними физическими органами. Для этого в течение многих поколений должна была происходить большая подготовка, чтобы тому телу, которое родилось здесь в начале нашего летосчисления, смогли передаться по наследству надлежащие свойства.

Теперь попытаемся представить, как эта жизнь влилась в великое главное течение нашей современной духовной жизни. Это означает следующее: как мы увидели миссию Заратустры в христианстве, так же мы теперь поставим вопрос о миссии древнееврейского народа для всей культуры нашей Земли. Следует сказать, что духовнонаучное исследование, чем дальше оно развивается, тем больше приходит к тому, чтобы предоставлять Библии больше прав, чем тому, что имеется сегодня во внешней истории культуры. То, что в ней раскапывается, выглядит ребячеством по сравнению с тем, что находится в Библии, нужно лишь правильно прочесть её, чтобы это понять. Для действительного духовного исследования это — более верно. Как, среди прочего, верно также и то, что в определенном отношении позднейший иудаизм произошел от прародителя Авраама или Аврама. Нечто совершенно верное скрывается за тем, что, если мы восходим к прежним поколениям, то приходим к прародителю, который был наделен особыми способностями из духовного мира. Каковы они были? Если мы хотим понять, какие особые способности были пожалованы ему, то нам нужно вспомнить кое-что, о чем мы здесь уже говорили.

Возвращаясь к прежним временам, мы находим, что у людей тогда были некоторые другие душевные способности, которые, по сравнению с сегодняшними, можно обозначить как некий род смутного ясновидения. Люди, правда, не могли таким уверенным, рассудочным образом взирать в мир, как это могут делать сегодняшние люди, но они еще обладали способностью видеть духовное, которое существует в окружающем мире, видеть духовные явления, факты, существ. Только это видение, протекая в приглушенном состоянии сознания, было как бы живым сновидением, которое, однако, имело живое отношение к действительности. Это древнее ясновидение должно было становиться со временем все слабее и слабее, чтобы люди могли воспитанием прививать себе наше сегодняшнее внешнее видение и нашу сегодняшнюю рассудочную культуру.

Все развитие человечества — род воспитания. Постепенно достигаются отдельные способности. При современном способе видеть это так, что когда в нормальном состоянии сознания мы рассматриваем, например — цветок, без того, чтобы увидеть астральное тело, которое обвивается вокруг цветка, в то время как древний наблюдатель видел цветок и астральное тело вокруг него.

Сегодняшнее зрительное восприятие, которое видит предметы со строго очерченными контурами, было привито человечеству благодаря тому, что ясновидение исчезло. Здесь в духовном развитии господствует теперь вполне определенный закон. Все, что прививается человечеству, своим исходным пунктом всегда должно иметь индивидуальность. Способности, которые должны становиться способностями большого числа людей, должны развиваться сперва у одного человека. Способности, которые в особенности относятся к лишенному ясновидения комбинированию, к суждению о мире согласно мере, числу и весу, эти способности, которые полностью исходят не из всматривания в духовный мир, а из комбинирования чувственных явлений, сначала были насаждены из духовного мира той индивидуальности, которая известна как Авраам или Аврам. Он был избран, чтобы развить изначально те способности, которые в самом значительном смысле соединены с инструментом физического мозга. Авраам не без оснований упоминается как изобретатель арифметики, то есть способности выносить суждения и комбинировать явления мира согласно мере и числу. Он был, так сказать, первым из тех людей, среди душевных способностей которых погасало древнее сумеречное ясновидение и их мозг подготавливался таким образом, чтобы больше всего проявлялась именно та способность, которая нуждается в мозге. Это было значительной, могущественной миссией, переданной именно Аврааму.

Теперь эта способность, которая закладывалась в Аврааме из духовного мира как задаток, должна была, как это и должно происходить с любыми задатками, становиться все более совершенной. Вы легко можете себе представить, что все, что встречается в мире, должно развиваться. Так же должна была постепенно развиваться и эта способность рассматривать мир при помощи физического мозга. Теперь развитие этой способности протекало в ходе последующих поколений, и то, что было дано Аврааму, на протяжении последующих веков передавалось следующим поколениям. Но должно было происходить нечто иное, чем происходившее прежде при переносе миссии древних людей на более молодых. Ибо другие миссии не были еще связанными с физическим инструментом. Именно величайшие миссии не были связаны с физическим мозгом. Рассмотрим в этом отношении миссию Заратустры. То, что он давал своим ученикам, было более высоким ясновидческим созерцанием, чем то, что было у остальных людей. Это не было связано с физическим инструментом; это переносилось от учителя к ученику. Ученик в свою очередь становился учителем, переносил это снова на своего ученика, и так далее. Но речь шла теперь не об учении, не о роде и способе ясновидческого созерцания, но о чем-то, связанным с инструментом физического мозга. Нечто в этом роде может переходить в более поздние времена, только если оно наследуется физически. Поэтому то, что было дано Аврааму как миссия — связано с тем, что наследуется физически от одного поколения к другому; то есть, что эта совершенная организация физического мозга Авраама должна была переходить по наследству к его потомкам, от поколения к поколению. Поскольку его

миссия состояла именно в том, чтобы физический мозг становился все более совершенным, то он и должен был становиться все более совершенным от поколения к поколению.

Таким образом, миссия Авраама была чем-то, что было связанным с размножением, чтобы становиться все более совершенным в ходе физического развития. С этим вкладом, который должна была внести древнееврейская культура, связано еще нечто иное. И это иное мы поймем, если представим себе следующее.

Когда мы рассматриваем людей другой культуры с их древним сумеречным ясновидением, возникает вопрос: как они получали то, что было для них самым важным, что они почитали превыше всего в мире? Они получали это так, что оно вспыхивало у них полностью внутри, как инспирация. Они не нуждались в исследованиях, как сегодня. Сегодня человек приобретает науку посредством того, что производит исследования вовне, он экспериментирует и из скомбинированных внешних фактов получает свои законы. В древности человек не исследовал то, что должен был знать, но это вспыхивало в нем как откровение. Он воспринимал это в своем внутреннем; его душа должна была родить это в своем внутреннем. Он должен был отворачивать взгляд от внешнего мира, чтобы позволить высшим истинам входить как инспирациям.

Теперь в том народе, который принял свою миссию от Авраама, это должно было становиться иным. Авраам должен был принести человеку именно то, что приобретается путем наблюдения извне и комбинирования. Когда человек других культур, которые были построены на древнем ясновидении, взирал на высшее, он говорил себе: я благодарю Бога, который открывается мне внутри. Я отворачиваю свой взгляд от внешнего, и божество становится для меня величайшим в то время, когда я, не допуская того, чтобы направлять взгляд наружу, позволяю вспыхивать внутри инспирациям этого божества. Но народ, происходящий от Авраама, должен был говорить: "Я отказываюсь от инспираций, которые приходят лишь изнутри; я хочу подготовиться к тому, чтобы направлять свой взгляд в окружающий мир. Я хочу наблюдать то, что открывается в воздухе и воде, на горах и в полях, в звездных мирах, я хочу направлять взгляд вверх, а затем суметь обдумать, как одно соотносится с другим. Я хочу комбинировать вещи друг с другом вовне и хочу видеть, что я приобретаю обобщающую мысль. И когда то, что я наблюдаю во внешнем мире, я спрессовываю в одну единую мысль, то хочу то, что скажет мне внешний мир, назвать Яхве, или Иеговой. Я хочу воспринимать высшее через откровение, которое говорит через внешний мир".

Это было миссией авраамитского народа: дать человечеству то, что приходило как откровение извне, в противоположность тому, что предоставляли другие народы. Поэтому этот инструмент духовной жизни должен был переходить по наследству так, чтобы он своим устройством соответствовал откровениям извне, как прежде внутренние душевные способности соответствовали откровениям изнутри.

Теперь мы спросим себя: что здесь происходило, когда древние ясновидящие

отдавались откровениям изнутри? Они отвращали взгляд от внешнего, ибо то, что открывалось им во внешнем мире, ничего не могло сказать им о мире духовном. Они сами отвратили взгляд от Солнца и звезд, они внимательно прислушивались лишь к своему внутреннему, и здесь открывалась им великая инспирация о тайнах мира; они подходили к созерцанию устройства мироздания. И то, что они знали о звездах и их движении, о законах звездного мира, о духовных мирах, эти люди, принадлежащие к древним культурам, достигли не внешним наблюдением. Вследствие этого они знали нечто о Марсе, Сатурне и так далее, что возвещалось природой этих звезд их внутреннему. Это были законы Вселенной, которые, так сказать, записаны в звездах, и в то же время вписаны во внутреннее души человека. Здесь, во внутреннем, они открывались через инспирацию. Как законы мира, которые правят множеством звезд, открывались в душе, так у авраамитского народа должны были теперь, путем внешнего комбинирования, открываться законы, которые правят миром, но должны были приобретаться путем внешнего откровения. Для этого наследование должно было вестись таким образом, чтобы мозг получал те свойства, благодаря которым он мог видеть правильные комбинации вовне. Чудесная закономерность придавалась задаткам, которые передавались Аврааму, таким задаткам, которые на протяжении поколений формировались так, чтобы их структура соответствовала великим мировым законам. Мозг должен был наследоваться таким образом, чтобы внутренние способности мозга, конфигурация мозга формировалась соответственно числовым законам звезд, там, наверху, во Вселенной. Поэтому Яхве говорит Аврааму: ты увидишь происшедшие от тебя поколения, которые в своем порядке будут выстроены по числу звезд в небе. Как звезды в небе упорядочены в гармоничных числовых соотношениях, так должны быть упорядочены поколения согласно гармоничным числовым законам. То есть, эти поколения должны нести в себе те законы, каковы законы звезд на небе.

Итак, у нас есть двенадцать созвездий. Отображение этого должно было выступить в двенадцати коленах, происшедших от Авраама, чтобы соответствующие способности, которые были заложены в Аврааме как структура, устройство его мозга, существовали и передавались далее в ходе поколений. Итак, во всей органической структуре от века к веку развивающегося народа должно было формироваться отображение числа и меры в небесах. Но в Библии это толкуется так: "Твои потомки должны быть многочисленными, как звезды в небе", в то время, как в действительности это место должно гласить: "Твои потомки в кровном родстве должны быть упорядочены так, чтобы их расстановка была отображением законов звезд в небе". Да, Библия глубока! Но то, что предлагается сегодня как Библия, окрашено новейшим мировоззрением. Здесь говорится: "Твои потомки должны быть многочисленными, как звезды в небе", в то время, как на самом деле говорится: "В твоём потомстве все должно быть настолько регулярно, что, например, двенадцать последующих колен соответствуют двенадцатиричности созвездий в небе".

Отдельные свойства должны были выступать так, что это всегда выражалось в том, что миссия авраамитского народа заключалась в следующем: "Моя миссия есть то, что я получаю как дар извне, а не как что-то, оживающее внутри. Мне дается извне то, что я, собственно, должен принести миру". Это чудесно представлено в Библии: миссия Авраама должна быть именно тем, что дается ему извне, в противоположность древним откровениям, которые были даны изнутри. Что должно быть миссией Авраама? Миссией Авраама должно быть то, что струится в крови вплоть до Христа Иисуса. Туда, вовнутрь, должна переместиться вся духовность определенного течения. Это должно действовать так, как если бы это приходило извне, являлось бы даром извне. Авраам должен дать миру древнееврейский народ. Это — его миссия.

Но если это соответствует всей природе его миссии, тогда этот народ, который является его миссией, должен быть дарован извне, должен даваться ему как дар извне. Авраам получил сына, Исаака. Он должен был, как рассказывается в Библии, принести его в жертву. И когда он пришел, чтобы принести его в жертву, этот сын в последний момент был дарован ему от Яхве. Что здесь даровано ему? От Исаака происходит весь народ. Если бы Исаак был принесен в жертву, то не было бы никакого еврейского народа. Весь народ был ему дарован. В этом принесении в жертву Исаака чудесным образом выражен этот характер дара. Сам народ — миссия Авраама, и с Исааком он принимает весь еврейский народ как дар Яхве.

Столь глубоко представления Библии. Все они в отдельности значительно и мощно соответствуют внутреннему характеру дальнейшего развития человечества. Этот древнееврейский народ должен был полностью отказаться от того, что другие культуры охватывали в себе, он должен был отказаться от древнего ясновидения. Это древнее ясновидение было связано со способностями, которые приходили из духовного мира. Эти ясновидческие способности, в зависимости от того, каковы они были, обозначали используя образы созвездий. Последней способностью, которая отдавалась за то, что древнееврейский народ даровался Аврааму, была та, которая связана с созвездием Овна. Поэтому вместо Исаака в жертву приносится агнец. Это — внешнее выражение того, что в жертву приносится последняя ясновидческая способность, чтобы древнееврейский народ был дарован Аврааму. Таким образом, этот народ был избран для развития именно тех свойств, которые служили наблюдению внешнего мира. Но во всем выступают атавистические остатки прошлого. Поэтому древнееврейский народ вновь и вновь вынужден был исторгать то, что не было заложено в крови чисто лишь для переноса этих направленных наружу способностей, но что еще напоминало о древнем ясновидении. Всегда должно было отделяться то, что пришло как наследие от других народов.

Теперь мы коснемся темы, которую описывать сегодня действительно тяжело, поскольку здесь содержится истина, которая отстоит от сегодняшнего мышления так далеко, насколько это возможно; но все же это — истина, и можно заявить о праве на то, чтобы те люди, которые уже достаточно долго

сотрудничают в наших ветвях, могли терпеть также и такие истины, которые несколько отклоняются от сегодняшних привычек мышления.

Нам следовало бы уяснить, что в древности в определенных человеческих классах совершенно (вплоть до недавних времен) сохранялись древние способности, особенно в отношении познания. Ясновидческие способности коренились у них в душе. Человек был близко связан с духовными сущностями, которые открывались ему внутри его существа. Но у определенных людей, в результате упадка, это выражалось таким образом, что их связь с духовным внешним миром осуществлялась в более низкой форме. В то время, когда собственно ясновидящие люди были связаны со всем духовным универсумом больше интуицией и инспирацией, существовали более низкие человеческие типы, такие люди, которые развивали эту древнюю связь с окружающим миром, будучи в упадке, в декадансе. Они были несамостоятельными, не желающими развивать свое сяз>, но у них уже больше не было и древних ясновидческих способностей на соответствующей высоте. Такие люди встречались всегда, и у таких людей проявлялось сродство определенных физических органов с древними органами ясновидения. И теперь мы прикоснемся к истине, которая будет звучать несколько странно. То, что можно было бы назвать древним ясновидением, это вспыхивание мировых тайн внутри души человека, должно было каким-либо путем входить в душу. Мы должны представлять себе, что происходили проникновения в человека. Древний человек этих проникновений не ощущал, но, когда проникновения происходили и вспыхивали в нем, он воспринимал их как свои инспирации. Так что в человека из окружения вливаются определенные течения; позднее они у человека преобразовались.

Эти течения в древние времена были чисто духовными течениями, они воспринимались ясновидящим, например, как чисто астрально-эфирные течения. Но позже эти чисто духовные течения, так сказать, усыхали, уплотнялись до эфирно-физических течений. И что же из этого возникло?

Из этого возникли волосы. Волосы — это результат древних проникновений. То, чем сегодня на человеческом теле являются волосы, было прежними духовными проникновениями в человека, извне вовнутрь. Наши сегодняшние волосы являются высохшими астрально-эфирными потоками. И такие вещи сохранились собственно только там, где остались лишь чисто поверхностно, буквально переданные древние истины. Поэтому в древнееврейском слово "волосы" и слово "свет" обозначается примерно теми же буквами, так как у писавших еще оставалось сознание сходства и сродства астрально струящегося света и волоса; как и вообще в древнееврейских текстах документально, чисто словесно, содержатся величайшие истины.

Итак, можно сказать, имеет место поступательное развитие человечества. У тех людей, древние способности которых были в упадке, развитие протекало так, что проникновения преобразовались, они, так сказать усохли, но из этого не развились никакие новые способности. Они были связаны древним способом с новым, но не по-новому, так как проникновения высохли. Такие

люди были сильно покрыты волосами, в то время как те, которые совершенствовались, были покрыты волосами меньше, поскольку вместо способностей, которые уплотнились позже до волос, у них выступили новые способности.

Наука лишь по прошествии долгого времени придет к этим важным истинам. Они находятся в Библии. Библия — книга намного более ученая, чем наша сегодняшняя наука, еще стоящая на детской ступени азбучных истин. Почитайте историю об Иакове и Исаве! Иаков идет впереди, поскольку развил способность последнего времени. Исав же остановился на прежней ступени, по сравнению с Иаковом он является, так сказать — простаком. Когда сыновья предстали перед отцом, Исааком, мать Иакова подменой помогла сыну представить отцу фальшивые волосы, чтобы Исаак перепутал младшего сына с Исавом. Тем самым нам указывается на то, что древнееврейский народ все еще имел в себе нечто, унаследованное от другой культуры, что должно было быть стерто. Исав был отвергнут. Через Иакова передается по наследству то, что должно было продолжать жить как внешнее комбинирование.

И как в Исаве было отвергнуто то, что было получено в несколько отставшем облике, так древние ясновидческие способности выразились как атавистическое наследие в Иосифе, который затем изгоняется братьями в Египет. Он видит сны; из них он может объяснять мир. Это — способность, которая не должна была развиваться в пределах миссии авраамитского народа. Поэтому он изгоняется, он должен уйти в Египет.

Таким образом, мы видим, как в древнееврейском народе вырабатывалось течение, построенное на кровном родстве в поколениях, и как при постепенном отсеивании чуждых элементов оно становится тем, что сохраняется как древнее наследие. Это — способность, которую древнееврейский народ имеет как свой собственный задаток: то, что здесь наследуется в течение поколений, должно становиться все более совершенным орудием, чтобы из него смогло развиться тело, которое может предоставить инструмент тому, кто будет здесь снова воплощен. Если древнееврейский народ не мог получать откровения изнутри, то он должен был получать их извне. Даже то, чего другие народы достигали путем непосредственной инспирации, древнееврейский народ должен был получать путем откровения извне. То есть, иудеи (вслед за Иосифом) должны были перейти на ту сторону, к народу, который еще имел древнюю инспирацию. И здесь, в то время, когда Иосиф посвящался в египетские мистерии, они путем внешнего посредничества достигли того, что должны были знать о свойствах духовных миров. Даже моральный закон они получили извне, а не как что-то вспыхивающее изнутри. Это было миссией древнееврейского народа. Затем, после того, как они усвоили то, что должны были усваивать только извне, захватив доставшееся им извне откровение, они снова потянулись назад, в свою Палестину.

И теперь, после того, как древнееврейский народ прошел через все это, следует показать, как он развивался из поколения в поколение, так что в конце концов в этом народе могло родиться тело, которое стало телом Иисуса, и тем

самым это древнееврейское течение влилось в христианство.

Вспомните, как мы обсуждали развитие задатков у отдельного человека. Жизнь отдельного человека распадается на семилетние периоды. От рождения до смены зубов, вплоть до седьмого года длится первый период, когда физическое тело просто строит свои формы. Затем мы имеем второй семилетний период, до половой зрелости, в течение которого эфирное тело действует для того, чтобы формы росли, становились больше. Формы определяются до седьмого года, а потом уже определившиеся формы только увеличиваются. С четырнадцатого до двадцать первого года жизни это преимущественно астральное тело, здесь оно доминирует. И мы видим, что только в двадцать один год рождается и становится самостоятельным собственное "я" человека. Так в определенные периоды протекает жизнь отдельного человека, вплоть до рождения человеческого "я".

Так же постепенно должны были развиваться и задатки в народе, который был именно тем народом, который был избран, чтобы предоставить тело самому совершенному сям. Поэтому он должен был развиваться так, чтобы то, что в течение лет выступает у человека, здесь выступало от поколения к поколению. Здесь у последующего поколения его задаток всегда должен быть более развитым, чем у предыдущего. Он не может весь сразу развернуться лишь в одном поколении. Объяснение оккультных причин, почему это так, увело бы слишком далеко. Но можно вспомнить об одном весьма обычном явлении. Вспомните, что наследование заботится о том, чтобы определенные свойства не переходили по наследству тотчас, но пропускается одно поколение, и внук в унаследованных качествах выглядит более похожим на деда. Так это было также и при наследовании качеств в сменяющихся поколениях еврейского народа. Здесь всегда должно быть "перепрыгивание". То, что соответствует у отдельного человека одному возрастному периоду, у народа соответствует двум непрерывным поколениям. Так что мы можем сказать: этот народ, как большой индивидуум, должен был развиваться от поколения к поколению так, чтобы тому, что у отдельного человека происходит от рождения до смены зубов, соответствовали дважды семь поколений, то есть, четырнадцать поколений. Затем должен был следовать второй период, в течение которого снова проходят дважды семь поколений; он соответствует периоду между сменой зубов и половой зрелостью. Затем — третий период, в котором снова проходят дважды семь поколений, которые соответствуют периоду между четырнадцатым и двадцать первым годами жизни, когда особенно выступает астральное тело. Тогда может родиться "я". "Я" могло родиться в древнееврейском народе, когда истекли трижды четырнадцать поколений.

Тот, кто хотел описать нам тело, которое предоставлялось Заратустре как инструмент, должен был указать, как на протяжении трижды четырнадцати поколений развивался задаток, который был дарован Аврааму, чтобы после того, как истекнут трижды четырнадцать поколений, смогло воплотиться с "Я"; как и у отдельного человека по истечении трижды по семь лет воплощается "я" в его тройственную телесность. Автор Евангелия от Матфея делает это. Он

изображает трижды четырнадцать поколений: от Авраама до Давида, от Давида до вавилонского пленения и от вавилонского пленения до рождения Иисуса. Здесь мы, из глубины познания, содержащегося в Евангелии от Матфея, указали на миссию древнееврейского народа, как постепенно формируются силы, которые сделали возможным то, чтобы в тело этого народа могло воплотиться совершенное "Я", которого достиг Заратустра.

И когда теперь мы видим, каковы были судьбы этого древнееврейского народа, то находим, что пленение всего народа соответствовало тому моменту жизни отдельного человека, когда после четырнадцати лет у него наступает подготовка к собственной жизни, когда всходит то, что может затем в жизни распуститься, то, что мы принимаем между четырнадцатым и двадцать первым годами: молодые надежды. Мы видим, что этот плен был временем, когда, так сказать, вступало в действие астральное тело древнееврейского народа, когда в последних четырнадцати поколениях укоренялось то, что дает ему свой импульс. Поэтому древнееврейский народ уводится в вавилонский плен именно тогда, когда, за 600 лет до нашего летосчисления, вавилонянин Заратос или Назаратос в своем тогдашнем воплощении был учителем в тайных школах. И здесь, в этих тайных школах те, которые были выдающимися водителями древнееврейского народа, соприкасались с великим учителем древних времен, с Заратосом. Здесь он становился их учителем, здесь он связывался с ними, здесь они получали великий импульс, который действовал так, что в последних четырнадцати поколениях этот народ становился подготовленным к рождению Иисуса.

Затем события происходили известным вам образом. И мы видим тогда нечто примечательное: мы видим замеченный автором Евангелия от Матфея в духовной области закон, который все больше и больше познается как закон, значительный для всей жизни. Этот закон гласит: то, что происходило раньше — повторяется на высшей ступени. В несколько искаженном виде он уже содержится в сегодняшнем естествознании, где он говорит, что у особи снова вкратце повторяется то, что происходило в течение более длительных промежутков времени в развитии вида. Величественным образом указывает нам на это автор Евангелия от Матфея. Он показывает нам это, говоря: "Я" Заратустры должно было воплотиться в теле, которое с течением времени было подготовлено в авраамитском народе. Авраам, выйдя из Ура Халдейского, из места, откуда произошла вавилонская культура, держал путь через Переднюю Азию в Палестину. Его потомки, благодаря снам Иосифа, уводились дальше на юг, в Египет и, после того, как они восприняли там египетский импульс, возвращались назад, в Ханаан.

Это — судьба всего народа. Сперва весь народ переводится через Ханаан, на ту сторону, в Египет, а затем — снова назад, в Ханаан. Теперь то, что разыгрывалось здесь как судьба народа, должно снова вкратце повториться. Здесь, где родится "Я", которому так подготавливается оболочка, после того, как развилось все, что было заложено в Аврааме, это "Я" снова избирает своим исходным пунктом Халдею. В Халдее Заратустра в своем последнем

воплощении был тайным учителем, с Халдеей был связан его дух.

Какой путь изберет душа Заратустры, когда она пожелает инкарнироваться в Вифлееме? Заратустра оставался связанным с теми, кто был посвящен в халдейских тайных школах, с магами. Они хорошо помнили, как они слышали от своего учителя, что он явится снова, что эта душа, которая здесь издавна обозначалась как Заратустра — "Золотая звезда" — должна была в определенный момент держать путь в Вифлеем. И когда этот момент наступил, они проследовали путем, которым шла эта душа, повторяя путь древнееврейского народа. Как Авраам прокладывал путь в Ханаан, так звезда, то есть, душа Заратустры — также следовала этим путем в Ханаан. И три мага следовали за звездой Заратустры, и она вела их в то место, где он воплотился в тело, происходившее из авраамитского народа, и предназначенное ему. Здесь прежде всего "Я" Заратустры, сам Заратустра держал путь, повторяя в духе путь, которым Авраам прошел до Палестины. Затем древнееврейский народ должен был держать путь на ту сторону, в Египет. Переведен он был туда благодаря снам древнего Иосифа. Теперь "Я", которое было воплощено в вифлеемском мальчике Иисусе, снова сновидениями Иосифа — переводится в Египет, тем же путем, который был проторен авраамитским народом благодаря снам древнего Иосифа. Повторением в духе это "Я" Заратустры проходит всю судьбу древнееврейского народа в теле Иисуса. Здесь оно идет на ту сторону, в Египет, и снова обратно — в Палестину. Здесь мы имеем повторение в духе, переживаемое душой Заратустры, и оно является отображением судьбы древнееврейского народа.

Мы понимаем, насколько точно это описано в Евангелии от Матфея, из познания закона, гласящего, что то, что появляется на более высокой ступени, является кратким повторением происходившего ранее. Да, эти Евангелия глубоко характеризуют событие, которое находится здесь, в начале нашего летосчисления. Оно столь величественно, что четыре автора сказали себе: это великое событие каждый из нас может изобразить лишь со своей точки зрения. Каждый из этих четырех авторов описал одно и то же событие в меру своих ограниченных способностей. Как мы, отображая существо с четырех сторон, получаем всегда лишь одно отображение и путем сопоставления противоречащих друг другу изображений познаем все существо, так автор Евангелия от Матфея описал то, что он знал о законе трижды по дважды семь, о подготовке тела для великого "Я" Иисуса из Назарета благодаря миссии древнееврейского народа, из тех тайн, которые были известны именно ему, в силу его посвящения.

Автор Евангелия от Луки писал соответственно тому посвящению, которое было известно именно ему и согласно этому представил, как иным образом влилось в христианство течение Будды, чтобы протекать в нем дальше. Другие евангелисты также писали, исходя из предпосылок других посвящений.

Событие, которое они изобразили — столь обширно, что мы должны быть благодарными, находя его описанным с четырех сторон, с точек зрения четырех посвященных.

Сегодня было достаточно упомянуть лишь кое-что из духа возникновения христианства, чтобы показать, как растет наше познание мира и человека, когда мы учимся исследовать это величайшее событие человечества. Только из этого должно пробудиться предчувствие того, как глубоко нужно понимать это событие и насколько глубоки Евангелия, если мы действительно умеем их читать.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА КАК СИМВОЛ

Берлин, 21 декабря 1909 г.

В этот день, который мы отмечаем как праздник Рождества, нам следует, может быть, немного изменить нашей традиции, несколько отвлечься от поисков познания и истины и вместо этого углубиться в мир ощущений и чувств, который должен быть оживлен светом, исходящим из духовной науки.

Этот праздник, который снова приближается и который для столь многих является праздником восторга в прекраснейшем смысле слова — еще не столь древний праздник в том смысле, как это должно осознаваться нашим антропософским мировоззрением. То, что называют христианским Рождеством, возникло не тотчас, как только христианство вошло в мир. У первых христиан еще не было такого Рождества. Они не праздновали день рождения Христа Иисуса. И прошли почти три столетия, прежде чем праздник рождения Христа Иисуса был отмечен в христианском мире.

В ходе первых столетий, когда христианство распространялось в мире, в душах тех людей, которые ощущали Импульс Христа, жили ощущения и чувства, в силу которых эти люди действительно весьма отдалялись от царившей в те времена внешней жизни, насаждавшейся с древних времен и какой она стала ко времени вступления Импульса Христа. Ибо, как смутное предчувствие, в душах первых христиан уже поднималось то, что они должны позволить возникнуть импульсу переустройства земных реалий, такого их преобразования, которое, в противоположность всему прежнему будет пронизано новыми ощущениями, новыми чувствами, и прежде всего — новой надеждой и новой верой в развитие человечества. И то, что должно было затем взойти на горизонте великого мирового бытия, — должно было взять свой исходный пункт, как бы духовный зародыш, можно сказать, буквально — во внутреннем Земли.

Мы уже часто переносились в духе в римские катакомбы, где в полном отрешении от жизни того времени первохристиане переживали праздник своих сердец и своих душ. Мы представляли себя в духе в этих молитвенных местах. Сначала здесь не праздновались праздники рождения; в крайнем случае, это были воскресные еженедельные праздники поминовения великого события Голгофы. И, кроме того, в течение первых столетий совершались еще торжественные поминовения тех умерших, которые с особым воодушевлением,

с глубоким чувством говорили об этом событии Голгофы, и которые столь значительным образом вмешались в ход развития человечества, что подвергались преследованию со стороны дряхлеющего мира. Поминальные дни смерти мучеников, так как эти мученики вошли в духовную жизнь, первохристиане праздновали в течение первых столетий как дни рождения человечества.

Не было тогда еще и праздника Рождества Христова. Но именно возникновение этого праздника может указать нам на то, что мы еще и сегодня имеем полное право сказать: христианство не появилось вдруг с той или другой догмой, с тем или иным учреждением — чтобы эти учреждения и догмы лишь передавать от поколения к поколению, — но мы имеем право сослаться на изречение Христа о том, что Он с нами, что Он во все дни наполняет нас своим Духом. Ощущая же себя исполненными этим Духом, мы можем считать себя призванными к постоянному, никогда не прерывающемуся развитию христианского Духа. И мы призваны именно путем антропософского духовного развития продолжать не мертвое, застывшее христианство, а развивать христианство для будущего, все обновляющееся, порождающее из себя самого все новую мудрость и познание. Мы никогда не говорим о бывшем Христе, но всегда — о Христе вечно живом. И о вечно живом, вечно деятельном Христе, о работающем в нас Христе мы можем вспоминать особенно тогда, когда говорим о празднике Рождества Христа Иисуса. Уже в течение первых столетий христиане ощущали, что в организм христианского развития они могут вносить нечто новое, что они могут дополнять его тем, что действительно притекает к ним из Духа Христова.

Таким образом, праздник Рождества был установлен лишь в четвертом христианском столетии. Мы можем сказать, что в 354 году в Риме было отпраздновано первое христианское Рождество. И мы, в частности, обнаруживаем, что во времена менее критичные, нежели наше, сторонники христианства были действительно проникнуты предвидящим познанием того, что они должны собирать все новые плоды с великого древа христианской жизни. Поэтому, быть может, мы можем вспомнить о внешнем символе Рождества, символе рождественской елки, который стоит здесь перед нами, с которым в ближайшие дни встретится множество людей и который в его особом значении духовная наука призвана все глубже и глубже запечатлеть в сердцах и душах людей.

Мы могли бы прийти к противоречию с развитием, протекающим во времени, держась именно за этот внешний символ. Было бы ошибкой полагать, что этот символ — древний. В душе современного человека легко могло бы возникнуть убеждение, что поэтическая елка на Рождество является древним учреждением. Имеется картина, представляющая рождественскую елку в семейной комнате Лютера. Эта картина, написанная, естественно, лишь в XIX веке, изображает нечто совершенно ложное, так как на обширных просторах немецких земель, как и в других областях Европы, во времена Лютера таких рождественских елок еще не существовало. Она является лишь более поздним

символом. Но, вероятно, именно эта рождественская елка указывает нам на нечто весьма примечательное. Не можем ли мы также сказать, что рождественская елка является сегодня чем-то, что могло бы восприниматься как предвестие будущего в том смысле, что, может быть, постепенно, но все больше и больше в этой рождественской елке станут видеть образ чего-то необычайно значительного и великого?

Здесь мы можем обратить взоры на рождественскую елку, уже не предаваясь иллюзии насчет ее исторического возраста, но при этом вызывая в воспоминании то, что уже часто вставало перед душой, — так называемую Святую легенду. Она рассказывает следующее: когда Адам был изгнан из Рая (легенда рассказывает об этом по-разному, мы воспроизведем ее как можно короче), он взял с собой три семени от Древа жизни, от которого люди не смели вкушать, вкусив от Древа познания добра и зла. Когда же Адам умер, Сиф взял эти три семени и опустил их в могилу Адама, и из могилы Адама выросло дерево. Из древесины этого дерева, говорит легенда, были сделаны разные вещи: Моисей сделал из этого дерева свой жезл, а позднее из этого дерева была взята древесина для Креста на Голгофе.

Таким, столь значительным образом легенда напоминает нам о том Райском древе, которое было вторым: люди вкусили от Древа познания, но у них была отнята возможность вкушать от Древа жизни. Но в сердцах людей навсегда осталась тоска, стремление к этому Древу. Изгнанные из духовных миров, подразумеваемых под образом Рая, во внешний мир явлений, люди чувствовали в своих сердцах стремление к этому Древу жизни. То, чего они не могли иметь без своих заслуг, без своего развития, они должны были постепенно добиваться, приобретая заслуги с помощью познания, становясь посредством работы на физическом плане зрелыми и способными принимать плоды Древа жизни.

Три семени символизируют для нас тоску по плодам Древа жизни. Легенда рассказывает нам, что в древесине Креста содержалось то, что происходило из Древа жизни. И на протяжении всего развития осознавалось, то, что сухая древесина Креста содержит, тем не менее, зачаток новой духовной жизни, что из него должно произрасти то, что люди, если они правильно им воспользуются, смогут соединить со своей душой как плод Древа жизни, плод, дарующий им бессмертие в истинном смысле слова, возжигающий свет души и озаряющий душу так, что она найдет путь из темных глубин физического мира в светлые выси духовного бытия и почувствует себя там причастной к бессмертной жизни.

Не предаваясь иллюзиям, мы можем — хотя не как историки, а как чувствующие люди — мы можем ощутить в стоящей перед нами рождественской елке нечто вроде символа того света, который взойдет в глубинах нашей души, чтобы она обрела бессмертие в духовном бытии. Мы взираем в себя и благодаря антропософскому духовному течению чувствуем себя проникнутыми той силой, которая позволяет нам взирать в духовный мир. Затем мы смотрим на тот внешний символ, который стоит перед нами как

рождественская елка, и можем сказать себе: пусть она будет для нас символом того, что будет светить и пламенеть в наших душах, вознося нас в духовный мир!

Это дерево — также происходит как бы из темных глубин. Прицать такой неисторический подход, как только что отмеченный, могут только те люди, которые не знают, что то, внешние основания чего не доступны физическому познанию, тем не менее обладает глубокими духовными основаниями. От внешнего взгляда может ускользнуть, каким образом эта рождественская елка столь примечательно проникла во внешнюю человеческую жизнь. За относительно короткое время она как счастливый обычай вошла в общий мировой обиход. Пусть внешне это ускользает от взгляда, но тот, кто знает, что все внешние события — это отпечатки духовного становления, должен ощущать, что на внешнем физическом плане, вероятно, существовало особое глубокое основание для появления рождественской елки, что рождественская елка явилась словно под влиянием глубокого духовного импульса, незримо ведущего людей, и который, возможно, неосознанно инспирировал отдельные, особо чувствительные души, чтобы в удивительно красивой рождественской елке выразить внешне тот внутренний свет, что должен сиять в мире. И когда такое знание пробуждается до мудрости, тогда это дерево может стать по нашей воле внешним символом высочайшего.

Если антропософия должна быть мудростью, то она может быть деятельной мудростью и пронизывать мудростью, то есть, покрывать позолотой внешние впечатления и внешние обычаи. Так постепенно простираясь над сердцами и душами людей настоящего и будущего, согревая и просветляя их, антропософия, возможно, сумеет покрыть позолотой и ставший столь материалистическим внешний обычай рождественской елки, сумеет пронизать его своей мудростью и сделать его величайшим символом после того, как в ходе самых последних времен он как бы из темных подоснов души вошел в земную жизнь. И если, проникнув несколько глубже, мы предположим, что в человеческие сердца свои импульсы вносило более глубокое духовное водительство, то окажется вовсе не лишним основания для нас то, что люди у горящего огнями дерева переживают в глубоких чувствах мысли, подсказанные им духовным водительством.

В различных странах Европы был старый обычай — в недели, предшествующие Рождеству, люди искали побеги разных деревьев, разных кустов, предпочитая в основном лиственные растения, которые могли распуститься или хотя бы пустить побег в ночь под Рождество. И когда на Рождество в комнате стояли заботливо собранные побеги или ветви деревьев и в ночь глубокого солнцестояния после предпринятых искусственных мер они раскрывали свои почки, во многих душах появлялось что-то вроде предчувствия непобедимой жизни, той жизни, что должна победить всякую смерть. Но сама рождественская елка моложе. Где же нам надлежит прежде всего искать обычай рождественской елки?

Нам известны проникновенные речи наших великих немецких мистиков,

особенно Иоганна Таулера/19/, действовавшего в Эльзасе. Кто испытает воздействие проповедей Иоганна Таулера с их глубокой искренностью, с их бесконечной задушевностью, тот скажет себе, что в то время, когда Таулер стремился к углублению и одухотворению христианства, его введению в глубины сердца, в Эльзасе жил совершенно особый дух, всюду искавший душу, исполненную Мистерией Голгофы. Когда Таулер произносил в Страсбурге свои проповеди, его проникновенные, пламенные слова погружались глубоко в души людей, и в них расцветало немало оставленных ими впечатлений. Немало впечатлений возникло и от того, что Иоганн Таулер произносил в своих чудесных рождественских проповедях. "Трижды, — говорил он, — для людей рождается Бог: прежде всего, когда Он происходит от Отца, из великой Вселенной; затем, когда Он сошел к людям и облекся в человеческие оболочки, и в третий раз Христос рождается в каждой человеческой душе, которая в себе самой находит возможность соединиться с тем, что является Премудростью Божией и родить в себе высшего человека".

Иоганн Таулер во всевозможных прекрасных, торжественных выражениях, в окрестности Страсбурга, и особенно на Рождество, высказывал глубочайшую мудрость. Именно такая глубокая мудрость и могла погружаться в души, пребывать в них и оказывать свое последующее действие. Чувства тоже имеют свои традиции. От столетия к столетию могло продолжать действовать то, что было тогда погружено в души; как все настоящие, проникнутые духом чувства, оно просилось в глаза и руки и внушало глазу потребность также и во внешнем символе видеть воскресение, рождение человеческого духовного света. Возможно, для материалистического мышления это — всего лишь прекрасная случайность, но для того, кто знает, как во всем физическом действует духовное водительство, это больше, чем простой случай, когда мы слышим, что первые сведения о рождественской елке, стоявшей в немецком доме, приходят из Эльзаса и именно из Страсбурга. В 1642 году появилось самое раннее сообщение о том, что такая рождественская елка стояла в одном доме на радость тем, кто в облике чувственного явления хотел видеть свет, который должен пробудиться в нас самих благодаря принятию духовной мудрости.

Насколько плохо была принята немецкая мистика тем христианством, которое прилепляется к внешним догмам, мы видим на примере Мейстера Экхарта/20/, великого предшественника Иоганна Таулера. Он был объявлен еретиком после смерти, так как при его жизни забыли это сделать. Да и пламенные речи Иоганна Таулера, исходившие из действительно преисполненного Христом сердца, тоже нашли мало признания. Как это не верующее в истинный дух внешнее христианство относилось к углублению христианства Мейстером Экхартом, Иоганном Таулером и другими, мы видим из того, что первое сообщение о рождественской елке дошло до нас от одного духовного противника. Он решил, что это детская игра; люди, мол, шли бы лучше туда, где они услышат истинное учение.

Медленно распространялась поначалу эта рождественская елка. Мы видим ее в Средней Германии, где она появляется около середины XVIII века, но и там

лишь в отдельных местностях. И только в XIX веке Рождественская елка становится все более частым духовным украшением Рождества, новым символом того, что жило в течение столетий. У тех, кто мог чувствовать все эти вещи не в блеске словесного христианства, но в блеске подлинно духовного христианства, рождественская елка всегда вызывала прекрасные человеческие чувства. И в том, что рождественская елка столь юна, вы легко убедитесь из того факта, что величайшие немецкие поэты не написали ни одного стихотворения о рождественской елке. Ведь если бы она была уже раньше, то, по меньшей мере — Клопшток поэтически дал бы знать о таком символе. Поэтому пусть и для нас эта рождественская ель будет залогом того, что символы высочайшего и величайшего могут воскресать вновь. И в особенности эти символы могут всплывать у нас перед душой, когда мы чувствуем духовную истину пробуждения "я" в душе человека, того сям, которое чувствует духовные связи души с душой, и особенно чувствует их тогда, когда благородные люди действуют вместе.

Упомянем лишь один пример, из которого мы увидим, как свет рождественской ели воссиял в душе одного великого водителя человечества. В 1821 году Гёте, к творчеству которого мы ранее уже обращались, рассматривая духовную жизнь в свете антропософии, заканчивая своего "Фауста", действительно ощутил, что единственно возможными для реализации его поэтических намерений были бы христианские символы. И он столь же определенно ощутил, что христианство должно соединять человеческие души благороднейшими узами, что оно должно учреждать те узы братской любви, которые привязаны не к крови, но к душе, которые связаны с духом.

Мы почувствуем, что еще возвращается в христианстве как импульс, если подумаем об окончании Евангелий. С Креста Голгофы Христос Иисус видит мать, видит сына, и в этот момент Он учреждает ту общность, которая до тех пор создавалась только кровью. Прежде сын давался матери, мать давалась сыну только через кровь. Христианство кровные связи не отменяет. Кровные связи должны оставаться, но к ним должны присоединиться духовные узы, которые озаряют кровные связи духовным светом. Поэтому Христос Иисус сказал с Креста: "Жено! Се, сын твой" И ученику: "Се, мать твоя!" То, что ранее устанавливали только кровные узы, основывается с Креста духовной связью.

Там, где дух живет в благородной духовной общности, там и Гёте всегда ощущал стремление обратить взор к подлинному христианскому духу. Для него это было также потребностью позволить этому христианскому духу пробиться от сердца к глазам. В 1821 году у него был для этого особый повод. Люди того княжества, которому Гёте посвятил столько своих сил, объединили свои усилия, чтобы основать высшую школу для городского населения. Это было как бы подарком князю Веймара. Гёте решил, что этот небольшой импульс духовного прогресса лучше всего отпраздновать, создав некоторое число людей в канун Рождества и отметив этот духовный прогресс стихами, которые они могли написать сообразно своим возможностям. Затем он собрал эти

вышедшие из народа стихотворения, сам написал к ним поэтическое предисловие, а передать эту книжечку князю Карлу Августу должен был под рождественской елкой будущий великий герцог Карл Александр, который в то время был трехлетним мальчиком. Ибо рождественская елка в 1821 году уже была установившимся символом.

Этим маленьким делом Гёте показал, что в ощущении и в чувстве рождественская елка является для него символом духовного прогресса в малом и в великом. А в поэтическом предисловии, которое он предпослал этой маленькой книжечке, которая еще и сегодня есть в библиотеке Веймара, Гёте воспел рождественскую елку как символ в следующих словах/21/:

Деревья яркие, деревья слепящие,
Всюду сладость дарящие, В блеске мерца,
Волнуя и старых, и юных сердца —
Такой праздник дарован нам,
Множеством ценных даров нас почтивший;
В изумленьи мы взираем вокруг.
Но, князь, когда это с тобой случится,
И вечер тебя благословит,
И огнями, и пламенем
Пред тобой засверкает
И то, что ты совершил,
И те, кто обязан тебе:
То, воздев взор духовный,
Ты восторг ощутишь несравненный.

Baume leuchtend, Baume blendend,
Überall das Süße spendend,
In dem Glänze sich bewegend,
Alt- und junges Herz erregend —
Solch ein Fest ist uns bescheret,
Mancher Gaben Schmuck verehret;
Stauend schaun wir auf und nieder,
Hin und her und immer wieder.
Aber, Fürst, wenn dir's begegnet
Und ein Abend so dich segnet,
Daß als Lichter, daß als Flammen
Vor dir glänzten allzusammen
Alles, was du ausgerichtet,
Alle, die sich dir verpflichtet:
Mit erhöhten Geistesblicken
Fühltest herrliches Entzücken.

Деревья, ярко сияющие, ослепляющие глаз,
Раздающие сласти,
Колышались при свечах,

Празднично настраивая сердца старых и молодых
Такой праздник нам подарен,
Нам поднесены драгоценные дары;
В восхищении смотрим мы вверх и вниз,
То туда, то сюда, снова и снова.
А ты, князь,
Когда придет вечер,
Который станет благословением для тебя,
Когда в свете огнен заиграет вес,
Что ты совершил, и засияют глаза всех
Обязанных благодарностью тебе,
Ты, возвысив духовный взор,
Почувствуешь радостный подъем.*

* *Пер. Елизаветы Дмитриевой-Васильевой (Черубины де Габриак)*

Это стихотворение Гёте может быть причислено к первым стихотворениям о празднике Рождества. Когда в области духовной науки мы говорим о символах, мы можем говорить также и о том, что образы, как бы бессознательно или подсознательно встающие в душах людей и вступающие в поток времени, могут быть "покрыты позолотой", то есть, облачены в мудрость.

Итак, мы видим, что христианское Рождество возникло лишь в IV веке; мы видим, что тогда оно было впервые отпраздновано в Риме. И опять-таки приходится воспринимать почти как веление судьбы то, что в областях Средней и Северной Европы праздник Рождества совмещается — не внешним материалистическим способом, но благодаря таинственному стечению обстоятельств — с древним праздником, который издревле праздновался в момент самого глубокого солнцестояния, с праздником зимнего Солнца. Не следует считать, что в Средней и Северной Европе праздник Рождества был отнесен ко времени этого праздника, и древний праздник хотели превратить в праздник Рождества, чтобы, так сказать, умиротворить народы. Праздник Рождества вышел из христианства, и именно благодаря принятию праздника Рождества в северных областях обнаружилось глубокое внутреннее сродство этих народов и их символов с христианством. В то время как, например, в Армении праздник Рождества совсем не был принят в обиход, да и в самой Палестине христиане еще долго отрицательно относились к нему, в Европе он быстро укоренился.

Попытаемся путем антропософского рассмотрения правильно понять сам праздник Рождества, чтобы понять рождественское древо как символ. Встречаясь здесь на протяжении года, мы открываем душу тем словам из духовных источников, которые должны быть не просто словами, а должны стать силой, которые должны все больше действовать в нашей душе, чтобы душа могла стать гражданином Вечности.

Мы собирались здесь целый год, чтобы позволить этим словам, этому Логосу раздаваться здесь самым различным образом: что Христос всегда с нами, и,

когда мы вместе, Дух Христа действует среди нас и наши слова проникаются Духом Христовым. Только тогда, когда мы высказываемся об этих вещах, сознавая, что слово — это крылатый носитель Откровений Духа человечеству, только тогда мы открываем наши души тому, что является словом Духа. Но мы знаем, что слово Духа не охватывается нами полностью, не может стать для нас всем, чем оно должно быть, если мы воспринимаем его просто во внешней абстрактной форме как познание. Мы знаем, что быть тем, чем оно должно быть, оно может только тогда, когда создает то внутреннее тепло, благодаря которому душа расширяется, чувствует себя расширенной благодаря внутреннему теплу и, наконец, излитой во все явления мирового бытия, учится чувствовать себя единой с тем самым Духом, который разлит над всеми явлениями.

Если мы ощущаем то, что должно стать в нас силой, должно стать жизнью, что как духовное Слово достигает нашего слуха, когда мы — если для этого настало время — ставим перед собой символ, который взывает к нам, укрепляя нас: "Дай возникнуть в тебе как новому, как духочеловеку, тому, что может зажечь как тепло, может озарить как свет, — Слово, которое приходит к нам из духовных источников, из духовных глубин", — то мы чувствуем также значение того, что звучит для нас как духовное Слово. Почувствуем же в такое мгновение как сегодняшнее со всей серьезностью то, что может нам дать духовная наука в таком душевном свете и таком душевном тепле! Почувствуем это примерно следующим образом.

Посмотрим на современный материалистический мир с его суетой, на людей, которые куда-то спешат и носятся с утра до вечера, судят обо всем с точки зрения материальной пользы, по меркам внешнего физического плана, и даже не подозревают, что за этим всем живет и ткёт Дух. Люди засыпают вечером, не ведая ни о чем ином, кроме того, что они будут в бессознательном состоянии, и что они утром опять пробудятся в сознании физического плана. Ничего не предчувствуя, человек засыпает после дневной спешки и трудов, без того, чтобы задуматься о смысле жизни. Если стремящийся к спиритуальному познанию человек принял слова Духа, то он знает нечто, не являющееся лишь теорией и учением. Он знает нечто, дающее ему душевный свет и душевное тепло. Он знает: если бы днем ты получал только представления физической жизни, ты бы иссох. Пустой была бы вся твоя жизнь, умерло бы все, чего ты достигаешь, обладая лишь представлениями физического плана. Когда вечером ты отходишь ко сну, то вступаешь в мир Духа, погружаешься всеми своими душевными силами в мир высших духовных сущностей, до которых ты должен дорасти своим бытием. И просыпаясь утром, ты приходишь из духовного мира вновь укрепленным и над всем, что получаешь с физического плана, ты сознательно или бессознательно изливаешь божественно-духовную жизнь. Каждым утром ты сам омолаживаешь из Вечного все преходящее твоего бытия. Если таким образом мы преобразуем Слово Духа в чувство, то каждый вечер можем испытывать следующее: "Я не просто перехожу в бессознательность, но погружаюсь в мир, где пребывают существа Вечного, к которым должно

принадлежать и мое собственное существо. Засыпая с чувством: я иду в духовный мир! И просыпаясь с чувством: я выхожу из Духа" — мы пронизываем себя тем чувством, в которое должно преобразоваться слово Духа, которое мы воспринимаем здесь изо дня в день, из недели в неделю в жизни, посвященной спиритуальному познанию. Тогда Дух в нас становится жизнью, тогда и мы просыпаемся иначе, и засыпаем иначе.

Если мы ощущаем себя связанными с Духом Вселенной, ощущаем себя миссионерами Мирового Духа, чувствуем, как постепенно мы соединяемся с тем, что как Мировой Дух проникает во все внешнее бытие и действует в нем, тогда мы ощущаем также, что летом, когда солнце стоит высоко и посылает Земле свои живительные лучи, Дух действует внешним образом и как, поскольку он во внешних лучах Солнца обращает к нам свой внешний лик, его внутреннее существо словно отступает назад.

Где же мы можем видеть этого Духа Вселенной, которого возвещал уже Заратустра, взирая на Солнце, когда нам светят лишь внешние физические солнечные лучи? Мы увидим этого Духа Вселенной, если сумеем узнать, где он видит себя сам. Поистине, этот Дух Вселенной творит себе органы чувств, посредством которых он может летом видеть себя самого. Он творит себе органы внешнего восприятия. Научимся же понимать, что же с весны покрывает землю как зеленый растительный покров, облачающий землю новым обликом! Что же это? Зеркало для Мирового Духа Солнца! Когда Солнце посылает нам свои физические лучи, Мировой Дух взирает вниз на Землю. То, что здесь в росте растений, в цветах и листве выбивается наружу — есть не что иное, как красочное подобие чистого, целомудренного Мирового Духа, который видит самого себя отраженным в своем собственном произведении, которому он дает произрастать из земли. Органы внешних чувств Мирового Духа заключены в растительном покрове.

Осенью, когда растительный покров исчезает, мы видим, как убывает внешняя сила солнца, как удаляется лик мирового Духа. При правильной подготовке мы ощущаем Дух, пульсирующий во Вселенной — в нас самих. И теперь мы можем следовать за мировым Духом, когда он лишается своего внешнего облика. Когда наш взор не может покоиться на растительном покрове, мы ощущаем, как в нас пробуждается Дух, в той мере, в какой он удаляется из внешних мировых явлений. И пробудившийся Дух становится нашим водителем в те глубины, куда удаляется духовная жизнь, туда, где мы передаем Духу семена на следующую весну. Там мы учимся видеть своим духовным взором и говорить себе: "Когда внешняя жизнь постепенно становится невидимой для внешних чувств, когда осенняя грусть закрадывается к нам в душу, душа следует за Духом в мертвые породы, чтобы извлечь из них те силы, которые весной покроют землю новыми органами чувств Мирового Духа".

Так люди, которые дух постигали в духе, ощущали, что они сопутствуют Мировому Духу, что они нисходят зимой вниз вместе с зерном. Когда сила внешнего Солнца минимальна, когда оно светит меньше всего, когда сгущается

внешняя тьма, тогда дух в нас благодаря Духу, с которым он соединился внизу, чувствует себя соединенным с теми силами, которые становятся наиболее отчетливо воспринимаемыми и зримыми, пробуждая зерно к новой жизни.

Так мы, подобно семени, буквально вживаемся в Землю, пронизываем Землю. Если летом мы обращались к сияющему воздушному кругу, к прорастающим и пускающим ростки плодам Земли, то теперь мы обращаемся к мертвому камню, но при этом знаем: в этой мертвой породе покоится то, что должно появиться вновь как внешнее бытие. Духовно мы следуем нашей собственной душой за прорастающей, пускающей новые ростки силой, которая исчезает из виду и скрывается в камне на протяжении всего зимнего времени. И когда зима достигает своего апогея, когда царит наибольшая тьма, именно тогда благодаря тому, что внешний мир не препятствует нам ощущать нашу связь с Духом, мы ощущаем, что в глубинах, в которые мы удалились, пробивается свет, тот духовный свет, для которого мощнейший импульс дал человечеству Христос Иисус. Тогда мы ощущаем то, что переживали люди в древние времена, когда говорили, что они должны спуститься туда, где зимой покоится семя, чтобы познать Дух в его сокровенных силах. Здесь мы ощущаем, что должны искать Христа в сокровенном, в том сокровенном, которое будет темным, мрачным, если мы сами сперва не просветлимся в душе, но это сокровенное просветлеет и засияет, если мы примем в душу Свет Христов. Тогда мы обнаружим, как с каждым Рождеством становимся сильнее и крепче благодаря тому Импульсу, который проник в человечество через Мистерию Голгофы.

Так каждый год мы, действительно, ощущаем, как бы в подтверждение нашего стремления — Импульс Христа и получаем у него гарантию и залог того, что год от года в нас будет укрепляться та жизнь, которая вводит нас в духовный мир, в котором нет смерти, существующей в физическом мире. Тогда мы сумеем одушевить и одухотворить то, что для современного материалистического человека является не символом, но лишь объектом внешней материалистической чувственной радости. И тогда мы почувствуем в символе действительность, почувствуем то же, что имеет в виду, например, Иоганн Таулер, говоря, что Христос рождается трижды: один раз — от предвечного Бога-Отца, который пронизывает и тклет мир, затем — как человек ко времени основания христианства и затем все снова и снова — в душах тех, кто пробуждает в себе духовное Слово. Без этого последнего рождения христианство не было бы совершенным, а антропософия не была бы способной постичь христианский дух, если бы не понимала, что слово, которое звучит для нас из года в год, не должно оставаться теорией и учением, но должно становиться теплом, светом и жизнью, чтобы при помощи этой силы мы вводили себя в жизнь духовной Вселенной, были бы приняты ею и вместе с нею самой приобщены к Вечности.

Мы должны ощущать это, когда стоим перед символом Рождества, ощущая себя как бы погруженными в глубокий, холодный, внешне мертвый мир под Землей, не только предчувствуя, но и познавая, что Дух пробуждает из смерти

новую жизнь. Какова бы ни была наша ступень развития, мы можем сопереживать то, что во все времена ощущали посвященные, которые в полночный час Рождества действительно спускались вниз, чтобы видеть там духовное Солнце, когда духовное Солнце Рождественской полуночи вызывает из внешне мертвых камней прорастающую, пускающую ростки жизнь, чтобы она смогла появиться новой весной.

Мы ощущаем себя едиными с теми мировыми силами, которые здесь правят, даже если внешне, физически они удалились в холод и мрак. Ощутим же то, что ощущают те, кто во время Рождества всегда помнит о духовном солнце, о том Солнце Христа, которое стоит за физическим Солнцем. Мы будем сопереживать им, чтобы постепенно взойти, пережить, а затем и созерцать все то, что может созерцать человек, развивая все новые силы, которые соединяют его с Духом. И то, о чем мы уже говорили несколько лет назад, празднуя Рождество, пусть включит в себя, как важнейшее — и это рассмотрение, которое мы можем принять и влить в наши души/22/ :

Созерцай Солнце
В час полуночи.
Строй камнями
В безжизненной почве.
Так найди в нисхождении
И смерти ночи
Начало нового творения,
Утра юную силу.
Высоты пусть откроют
Богов вечное Слово,
Глубины должны сохранить
Полный покоя оплот.
Во тьме живя,
Создай Солнце,
В материи тья,
Познай блаженство Духа.

Die Sonne schaue
Um mitternachtige Stunde.
Mit Steinen baue
Im lebenlosen Grunde.
So finde im Niedergang
Und in des Todes Nacht
Der Schöpfung neuen Anfang,
Des Morgens junge Macht.
Die Hohen laß offenbaren
Der Götter ewiges Wort,
Die Tiefen sollen bewahren
Den friedensvollen Hort.

Im Dunkel lebend Erschaffe eine Sonne,
Im Stoffe webend Erkenne Geistes Wonne.

Взирай на Солнце
В полуночный час
И строй из камня
На безжизненной почве.
И ты найдешь в нисхожденье
И в смертной ночи
Новый почин творенья,
Юную мощь зари.
Пусть выси откроют
Вечное слово богов,
Пусть сохраняют глубины
Убежище, полное мира.
Живя во мраке,
Солнце создай,
Блуждая в материи,
Блаженство Духа познай.*

** Пер. Елизаветы Дмитриевой-Васильевой (Черубины де Габриак)*

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

Берлин, 26 декабря 1909 г.

В дни перед Рождеством мы пытались подняться к тому настроению, которое также и в антропософском смысле может быть названо действительным рождественским настроением. Мы пытались тогда вызвать перед нашими душами то, что есть одно объяснение Рождества, которое позволяет определенным образом применить рождественское настроение ко всему важному, что происходит в переживании человеком года. Для ищущего познания, особенно в нашей современности, это должно принадлежать к самым важным настроениям — праздновать само духопознание в его, так сказать — отношении к Рождеству. И празднование духопознания в связи с Рождеством, все же — могло бы означать не что иное, как действительно внутренне усердно призывать себя в душе (как мы пытались это делать в течение года) к исполнению нашего духовного долга по отношению к современному развитию человечества посредством того, что понимаем задачи человечества в наше время, делаем наши души все богаче содержанием, которое черпаем из переживания духовного мира, чтобы принадлежать к людям, которые должны будут выполнять необходимую духовную работу в следующей эпохе человечества.

Так на протяжении всего года мы стремимся погружать в наши души духовнонаучное содержание, пытаемся проникать в антропософскую мудрость.

И когда год клонится к тому окончанию, которое внешне символизируется как важное уже тем, что вовне вокруг нас из-за ослабления силы солнечных лучей господствует избыток мрака, тогда в это праздничное время мы пытаемся понять, как можем праздновать Рождество в отношении к этому антропософскому году. Попытаемся все же уяснить себе, что вся антропософская истина должна быть проникнута и просветлена тем могущественным импульсом, который мы называем Импульсом Христа!

Если мы пытаемся вписать антропософские истины в свое сердце, в свою душу как послание Самого Христа, то, пожалуй, мы можем сказать, что во время Рождества антропософы должны развивать рождественское настроение посредством того, что мы то, что принятое нами на протяжении всего года, в самой нашей душе мы просветляем более глубокими чувствами, так что это полностью становится силой, и мы можем ощутить, что не только знаем нечто из антропософской мудрости, но она проникает в нашу душу, в наше сердце как пронизанная светом тепловая сила, которая делает нас способными во всех областях жизни, где бы мы ни стояли — исполнять в наступающем году наш долг, нашу работу. Так что если мы попытаемся святые истины духа превратить в святые чувства, в святую силу в нашей душе, то в нас родится на более высокой ступени то, что сперва мы принимаем в себя силами этого земного мира. Поэтому в рождественское время мы можем все больше припоминать те возможности, благодаря которым те или иные представители всего человечества пытались вознестись в те сферы духовности, где надо искать самого Христа. В область этих чувств нас привел бы наш поистине христианский немецкий поэт Новалис. И сегодня рождественское настроение, согревание себя в его теплых лучах, может исходить от этого, поистине теософского поэта/23/. Когда мы обращаемся к Новалису — там, где он в чудесной поэтической форме раскрывает перед нами сокровища своей мудрости, мы, быть может, с наибольшей теплотой ощутим то, как из духопознания нам следует обретать возможность наполнить жизнь новым блистанием и светом.

Вовне мимо нас с шумом проносится жизнь, и наша собственная работа связывается с ее сегодняшним грохотом. Если в антропософии мы получаем возможность черпать мудрость из духовного мира, то мы, сколь прозаичными бы ни казались обстоятельства, везде покрываем позолотой, золотом антропософской мудрости жизнь. Мы должны учиться этому. Тогда мы увидим, как мы наполним жизнь новым блеском, если в каждом году позволим вступать в нашу душу антропософскому рождественскому настроению, когда мы позволим антропософии, в какой-то мере — как чувству и ощущению, повторно родиться в рождественское время в нас самих. Тогда мы ощутим, насколько это невозможно, хотя бы в какой-то степени подняться к духовности, если хочешь оставаться в обычном мире! О, есть много причин, препятствующих сегодняшнему человеку расправить крылья, чтобы подняться в духовный мир... То что я вам вкратце расскажу, может символизировать то, что может происходить и с нами.

Очень многие из нас, приближаясь к духовной науке, могут сказать: да, все то, что предлагает мне духовная наука, было бы прекрасно, великолепно, все это делает мое сердце горячим, мою душу любвеобильной; но верить в это я не могу! Все, чему я учился во внешнем мире, предубеждения, которые я усвоил — все это меня удерживает, все это говорит мне: это ведь — только грезы, это не построено на надежной основе! — И многие пребывают в горьком сомнении. Если бы кому-то удалось вырваться из предубеждений невыносимо гнетущего внешнего мира, он смог бы свободно ощущать в чистом эфире духа, он ощутил бы силу духовного, и стал бы ее вносить также в труд своих рук в повседневной жизни. Символическим для того ощущения, которое столь препятствует заурядному человеку, погруженному в современность, свободно и беспрепятственно ощущать то, что может дать сердцу и душе духовная наука, может быть следующее событие.

Жил в XVIII-XIX столетии немецкий дворянин Харденберг/24/. У него был сын, относительно которого в наших тесных кругах мы не могли не признать того, что его стихи и изречения мудрости исходят из души, которая была перевоплощением значительных, могущественных личностей, выполнявших нечто важное для Земли. Но как, находясь под жестким влиянием внешнего мира, как мог отец распознать в своем сыне эту душу? Как мог он подозревать дух, который мог вырваться из души его сына? В столь же малой степени он мог освободиться от предубеждений материального мира, от сосуществования с физической реальностью, как сегодня из-за предубеждений нашего мира многие люди лишь в малой степени могут ощущать непреодолимую силу духовной мудрости антропософии.

Старик Харденберг, надо сказать, пытался бороться со своим суровым непониманием по отношению к своему сыну. Он стремился возвыситься над полностью материальной жизнью, чтобы ощутить в своей общине гернгутеров нечто от глубоко религиозного духа, можно сказать — от познания мирового духа еще древним способом. Но он не довел это до того, чтобы ощутить силу и мощь истин, которые исходили из души его сына. Потребовалось долговременное воздействие авторитарных восприятий, которые внутри такой общины ощущались суггестивно, чтобы он взволновался до глубины души тем истинно христианским духом, который можно понять лишь тогда, когда он овеивается дуновением духопознания.

Старик Харденберг однажды поразительно ощутил это дуновение духа, христианского духа, когда он, вместе с другими, был в своей общине гернгутеров и они завели песню. Этой песней/25/, происхождение которой ему было неизвестно, повеяло на него дуновением вечности, и он был глубоко тронут этой песней, которая начиналась так:

Чем был бы без тебя я в этом мире?
Чем я не стал бы без тебя?

Он ощутил нечто, чего до сих пор никак не мог ощущать. Праздник

заканчивался. Старик Харденберг, выходя, спросил кого-то из участников: чье же это великолепное стихотворение? — "Это — вашего сына!" В момент освобождения от всякой связи с физическим, не будучи смущаем предубеждениями физического плана, старик Харденберг ощутил настоящую власть духовной жизни. Но его сын вот уже несколько месяцев в отношении своего физического тела находился под землей! Ибо старик Харденберг пережил это несколько месяцев спустя после смерти Новалиса. Когда в силу обстоятельств, старик Харденберг оказался в состоянии на короткое время снять все предубеждения физического плана, которыми обвешиваются здесь, он был вознесен в духовные высоты, где ощутил их настоящую силу, настоящую власть духовных высот, которую мы должны беспечно ощущать, невзирая на все предубеждения материального мира. Если бы мы оставили их внизу, эти материалистические предубеждения современности! Ощутим же настоящую духовную жизнь и позволим этой силе и теплу струиться в наше сердце! Действуя так в должное время, мы исполняем наш долг по отношению к современному человечеству.

Этим символом, взятым из действительного переживания отца Новалиса, я хотел приблизить вас к тому настроению, к которому мы теперь возвысимся той настоящей силой, которая заложена в песнях Новалиса.

(Мария фон Сиверс (Мария Штайнер) исполняет девять "Духовных песен" Новалиса).

Пожалуй, именно в это праздничное время легче всего действительно чувствовать и ощущать, а не только лишь понимать и знать то, что мы рассматривали в ходе многих лекций, связанных с нашими Евангелиями. И рассмотрению Евангелий была посвящена большая часть времени, отведенного для таких рассмотрений в прошедшем году. Так пусть сегодня в этом кратком рассмотрении, которое присоединится к нашему празднику Рождества, будет также сделан акцент на важные следствия, вытекающие из нашего рассмотрения Евангелий: связи с тем событием, которое так живо должно стоять у нас перед глазами, особенно в рождественские дни — связи с событием Христа.

Переживая событие Христа, мы можем оценить значение и силу антропософского мировоззрения для современности и для будущего человечества. Когда мы позволяем действовать в нашей душе столь глубокому чувству по отношению к событию Христа, каким оно было у Новалиса, у нас все снова возникает потребность спросить себя: как мы можем все больше и больше ощущать истину того, что могучим импульсом вошло в человечество, когда в Палестине родился Христос Иисус? И в тесную внутреннюю взаимосвязь с этим событием Христа во всей нашей современности мы можем привести именно антропософию. Мы смогли указать, как в событии в Палестине сливаются различные течения человеческой духовной жизни дохристианского времени. Мы смогли указать на то, что сегодня это событие в Палестине множество людей представляет в высшей степени смутно, и что лишь постепенно, по мере того, как люди будут развиваться в духовном

отношении, оно будет понято в далеком будущем, во всей своей силе и значении. Великая мудрость будет обретена в ходе земного развития: однажды эта мудрость получит прекраснейшее углубление посредством того, что делается инструментом понимания того, чем, собственно, является импульс Христа.

Сегодня, в определенном отношении, мы уже стоим перед непосредственной необходимостью из духовных переживаний указать на это событие Христа. В то время, когда Христос в телесном облике странствовал по Земле, человечество получило огромный, могучий импульс — снова подняться в духовный мир. Но этот импульс действует все же, вплоть до нашего времени, так сказать, как импульс, в своем истинном виде охватывавший лишь души избранных. Человечеству же, как таковому, предписано сначала дополнить меру того, что должно быть преодолено, продолжив путь вперед, все глубже и глубже вниз, в материальное бытие. Ведь бытие человека — это нисхождение в материю. Все глубже и глубже, также и в послеатлантические времена, человек спускался вниз, в материю. Событие Христа означает мощный импульс — снова подняться. Но этот мощный импульс исполнен в минимальной степени, лишь кое-как. Напротив, нисхождение в материю, также и во времена после Голгофы — становилось все сильнее и сильнее, так что нисхождением в материю полностью захвачено мышление, чувствование и ощущение людей.

Сегодня мы живем уже в той эпохе, в которой материалистическое исследование вторглось в понимание события Христа. И в этот час следует указать на серьезные вещи, как в наше время само материалистическое исследование взялось за духовнейшее из событий, которые когда-либо касались нашей Земли; когда мы видим, как сегодня материалистические теологи/26/ говорят о так называемом "историческом исследовании", о том, что едва ли может существовать доказательство внешнего исторического Христа! И сегодня теологи уже говорят: само историческое исследование заставляет согласиться с тем, что исторически нельзя подтвердить, что в начале нашего летосчисления в Палестине жил Тот, о Котором нам в Евангелиях возвещаются столь мощные слова, от Которого вливаются в человеческую духовную жизнь столь мощные импульсы!

Представляется, что сегодня "наука" чувствует себя призванной с помощью своих методов вытравить из мира исторического Христа. Можно напомнить, что духовная наука именно сегодня призвана доказать своими средствами существование исторического Христа Иисуса. Вера людей не зависит от внутренних истин в какой-либо области знаний. Множество доказательств самых сомнительных вещей может быть приведено в любой области знаний. Люди могут жить и вовсе не замечать, что имеются такие доказательства. Таким образом и в будущем — и такое будет еще долго продолжаться — все больше людей будет идти навстречу материалистическому мышлению и все больше будет становиться захваченных верой, что надежный исторический метод вынужден отрицать достоверность исторического Христа Иисуса. Кажется, наука стирает то, для чего мы надеемся добыть новый символ в

блеске сияющей золотом мудрости.

Конечно, придут времена, когда о Христе будут знать только в тех кругах, где признается духовная наука, благодаря которой становятся понятными слова: "Я — с вами во все дни до скончания мира!", и где тот, кто может вникать в духовное исследование, узнает, что Тот, от Которого изошел импульс христианства, всегда присутствует в духовном мире, и из этого духовного мира нужно обретать достоверность события Христа. Только в кругах, где придерживаются такого духовного вероисповедания, будет достигаться достоверность того, для чего снова ищут этот символ. А люди вовне не будут утруждать себя доказательствами, что исторический метод, внешний научный метод построен на зыбкой почве. Конечно, тот, кто сегодня в состоянии понять цену и суть науки, тот уже из недоброкачества и из необоснованности методов мог бы также знать, сколь мало это достойно внимания, когда сегодня именно те, которые мнят, что подходят строго научно, приходят и говорят: существование всех персонажей, от Христа до апостолов, исторически доказать нельзя. Но это будет продолжаться еще долго, до тех пор, пока люди не освободятся от веры в авторитеты, хотя они думают, что ни в какие авторитеты не верят. Сегодня существует наихудшая вера в авторитеты. И люди вовсе не осознают того, что истинным спасителем от веры в авторитеты является Тот, кто учил в глубочайшем внутреннем людей полагаться на силу собственного "я". Тот, кто указал нам, что следует принимать в это "я", может также указать нам, как нам искать силу истины, как искать источники истины внутри самих себя. Со Христом внутри мы находим истину у себя внутри; со Христом внутри мы находим надежную почву свободного и независимого суждения, мы находим надежную почву превыше всех авторитетов. Но, именно из этого события Христа мы должны, позволить себе в серьезный час высказать серьезное слово, чтобы научиться ощущать наше призвание как антропософов.

Теперь я сделаю небольшую вставку. Я хотел бы указать на то, в чем антропософ должен усматривать глубокие симптомы своего времени: это, так сказать — бесперспективность научного подхода в наше время. Те, кто хотят верить в эту внешнюю науку/27/, которая сегодня стремится подвергнуть дискуссиям также и исторического Христа, они ведь будут неисправимы. Но должно же быть хотя бы несколько человек, которые из импульса антропософии понимают, хотя бы частично, что внешняя наука сама себя опровергает во всех областях, и что в будущем человечества может пойти на пользу лишь духовная спиритуальная жизнь.

Самого важного в актуальных событиях — не видят. Здесь, в Вене, в эти дни разыгрывался процесс, на который взирал весь мир. Вся Европа в лице своих представителей собралась на нем, чтобы информировать об этом процессе, так как его считали важным. Но самого важного, что здесь разыгрывалось, наверное, не увидели нигде. И тот, кто антропософски не подготовлен, даже если бы услышал высказанным это самое важное, воспринял бы его как фантазию. Здесь был историк/29/, известный в Европе историк, "хороший ученый", уважаемый своими коллегами, историками, который составил

несколько важных трудов по современному, строго историческому методу. Этот ученый получил в свои руки ряд документов, которые были переданы из одного из южных государств Европы. Эти документы должны были доказать, что на юго-востоке Австрии был факт предательства. Кто мог бы, по мнению людей современности, более, чем историк быть пригоден, чтобы проверить это? Историк более, чем кто-либо, должен был быть призван, чтобы проверить значение представленных документов. Ведь вся вера мира основывается на документах! То, как применяют документы и составляют, как их проверяют, это — дает истину. Это, и только это, должно также свидетельствовать и об истине, и о чудесах христианства!

Историк, который получил в руки документы, был учеником того историка, о котором я иногда вспоминаю, когда вспоминаю свою молодость. Тогда были два известных историка: один — строгий исследователь, придерживающийся строгих методов исследования документов; другой, его коллега, именно этих строгих методов придерживался меньше, но больше придавал значение тому, что студенты-дипломники знали из действительных исторических процессов. Так однажды случилось, что любимый ученик этого исследователя документов подошел к соисканию ученой степени. Он экзаменовался по дипломатике/29/, то есть по науке о том, как приходить к истине внешними, материальными средствами. Его спросили, в каком папском документе впервые появился "пункт i". Ведь знать это — очень важно! И кандидат тотчас же ответил, что "пункт i" впервые появился при известном Иннокентии. Но другой историк, его коллега, спросил его: могу ли я спросить теперь кандидата также о чем-нибудь, что он знает так же точно, как и то, где впервые появился "пункт i"? Скажите, господин кандидат, вы, вероятно, знаете, когда этот папа, в документах которого впервые появился "пункт i" взошел на папский престол? — Нет, этого он не знал. Тогда, возможно вы знаете, когда он умер? — Нет, он и этого не знал... Теперь, господин кандидат, скажите мне, все же, еще что-нибудь об этом папе! — Он не знал ничего! Тогда профессор, любимым учеником которого он был, сказал: ну, господин кандидат, сегодня у вас голова как будто набита опилками! — Но другой сказал: господин коллега, это же ваш любимый ученик! Так кто же набил его голову опилками?

Историк и исследователь истории, который получил в руки эти документы, в то время ничему особому не учил. Но он стал умелым исследователем документов, который всеми средствами исторического исследования может устанавливать, что есть истина давно прошедших времен. Кто же как не он, должен был исследовать, что это была за измена, о которой шла речь в тех документах, которые были ему переданы очень важной персоной? Он принялся исследовать их всеми средствами исторического исследования, и обвинил в публичной статье множество людей в тяжелых деяниях. Это и привело к громкому процессу. Так вот, на этом процессе один из важнейших документов оказался грубейшим подлогом! Речь шла об одной личности, которая должна была в некотором городе вести собрание в некоторой организации; но простым запросом было установлено, что данный человек именно в указанное время

находился в другом месте, в Берлине.

Историческое исследование строго работает с документами, которые базируются на фактах современности. В данном случае исторический метод в отношении документов современности показал свою полную несостоятельность. Но, на мой взгляд — здесь важно не то, что перед судом предстал какой-либо человек или люди, а в данном случае был осужден сам исторический научный метод, в самом деле был осуждён?

Это важнейший симптом разыгрывающегося в современности процесса. Здесь надо вполне серьезно себя спросить: чего стоит метод, который берется судить о том, что произошло 18 или 19 столетий тому назад, если этот метод не в состоянии что-либо узнать о простейших вещах современности? В упомянутом процессе на скамье подсудимых сидела "наука". Это нужно было признать! И наука, которая происходит из материалистических предубеждений современности, всегда будет сидеть на скамье подсудимых, когда людям удобнее всего опираться на такой авторитет, который может быть только авторитетом современности, который отличается от других только тем, что он — известен. О других авторитетах более не знают, ни каковы они, ни какова мадам "наука".

Если, серьезно разделяя духовное мировоззрение, вы подойдете к тому, что сегодня называют наукой, то увидите, как рассыпается, оказывается действительно построенным на песке, рушится научное мировоззрение, если заняться им всерьез. Но люди не озабочены, чтобы рассматривать современность с этой стороны.

Люди, в особенности те, которые находятся вне антропософской жизни, не настолько добросовестны, чтобы как-нибудь вникнуть в то, каким образом вырабатываются методы, внедряющие в души людей материалистические навязчивые суждения.

Поэтому еще долго не представится возможности, кроме как в интимном круге антропософской деятельности, увидеть в свете истины то, что является величайшим благом для человечества. И если то, что происходило в Палестине и чему мы каждый год позволяем вновь символически возрождаться в нашем сердце, если это все больше будет находиться отрицаемым и искореняемым внешней наукой, то в антропософском, духовном мировом течении будет находиться средоточие того, в чем сила палестинского события будет вспыхивать все ярче и ярче, и откуда в остальное человечество снова будет струиться жизнь, которая может прийти только из этого события.

Что может взойти у нас в душе благодаря действительно переживанию события Палестины? "Я с вами во все дни до скончания века!"/30" Таково, могли бы мы сказать, основное речение Христа Иисуса. Христос Иисус в начале нашего летосчисления странствовал в Палестине в телесном облике. С того времени Его нужно искать в духовном мире, так как с того времени он соединен с духовной атмосферой Земли. Он стал духом Земли. Мы находим Его в духовной атмосфере нашей Земли, если ищем. Он все больше пронизывает всю жизнь нашей Земли.

Но что должны приобрести люди благодаря все более вживающемуся в их души духу Христа? Если мы хотим совершенно точно понять, что люди благодаря этому, вживающемуся в их души духу Христа должны приобрести в будущем, то мы должны испытать именно то, что с некоторого времени совершаем в нашем антропософском движении. То, что мы совершаем в антропософском движении — произошло вовсе не из некоего произвола, оно не произошло из какой-либо установленной тем или иным человеком программы. Духовная жизнь, в конце концов, восходит к тем источникам, которые мы ищем у тех индивидуальностей, которых называем с Мастерами мудрости и созвучия ощущений. И у них мы находим импульсы, если действительно их ищем — как нам следует действовать от эпохи к эпохе, от века к веку.

Великий импульс из духовного мира пришел к нам в последнее время. И сегодня, в этот торжественный рождественский сочельник, пусть в нашем кругу будет обращено внимание на этот важный импульс, на указание, которое поступило нам в ходе последних лет из духовного мира как мероприятие астрального плана. И под действием этого импульса здесь, в Средней Европе, развивалось наше антропософское движение. Облечь этот импульс в человеческие слова мы могли бы следующим образом: "Взгляни на то, что происходит во внешнем мире: слова Евангелий понимаются все более и более неверно! Их превратно истолковывают, их проверяют внешними историческими методами. Вся обычная внешняя история для духовного исследователя некоторое время должна молчать. То, что теперь необходимо, это — чтобы Евангелия снова понимали совершенно буквально, так как в их буквальном понимании заключена истинная основа их мудрости"

Духовный мир направлял нас сперва познавать Евангелия буквально, понимать, что содержится в их словах. Из этого импульса (а также из расширения и оформления этого импульса) произошло то, что мы пытались сделать при рассмотрении Евангелия от Иоанна, Евангелия от Луки и Евангелия от Матфея и то, что мы еще попытаемся понять при рассмотрении Евангелия от Марка. Мы снова должны пытаться понять Евангелия буквально! Так говорят нам те, чей импульс из духовного мира мы воспринимаем. Это — грядущее христианство: следовать этому импульсу понимания Евангелий в их буквальности. И что же говорится нам, когда мы понимаем Евангелия буквально, когда мы выполняем указание духовных властей, которые вещали с астрального плана столь отчетливо, что едва ли выскажутся повторно в течение одного столетия? Это то, что нам необходимо, если мы хотим сделать себя инструментом, чтобы суметь правильным образом направить наступающую эпоху человечества и суметь дать верные наставления.

Оглядываясь назад, в те времена, когда развитие человечества разыгрывалось в седой древности, мы знаем, что человеческое "я" тогда не было полностью развито. Человек в своем развитии восходит к групповой душе. Как животные еще имеют сегодня групповую душу, так и для определенного числа людей была характерной общая "я"-душа (Ich-Seele). Мы находим это у всех народов. Мы знаем, что человечество развилось из групповой душевности. И в то время,

когда Христос спустился на нашу Землю, человечество пришло к той точке, где древние групповые души начинали утрачивать свое значение. Древние групповые души отходили. Каждому человеку была предоставлена возможность развивать в себе индивидуальную душу, собственное "я". И кто принес то, что должно было излиться в индивидуальную душу? Это принес Импульс Христа! И чем больше мы исполняем этим Импульсом Христа, тем богаче становится наше "я", позволяя восходить тем истинам, в которых мы нуждаемся, чтобы вживаться в будущее.

Теперь, в современности, мы пришли к важному поворотному пункту. Сегодня многие спрашивают: какой смысл, говорить о перевоплощении, ведь мы же не можем вспомнить о прежних воплощениях? Конечно, сегодня этого не могут. Но я уже обращал внимание на то, что когда приводят четырехлетнего ребенка и говорят: вот человек, но он не может считать, то это вовсе не является доказательством того, что человек вообще не может считать. Нужно подождать, пока ребенок подрастет, чтобы научиться считать: Через 10 лет он сможет считать. Так и душа человека созревает до воспоминаний о прежних воплощениях. Правильно ли она будет вспоминать, это — другой вопрос.

Теперь мы находимся в важном поворотном пункте. В четвертом послееатлантическом периоде Христос спустился как Импульс, под действием которого люди могут почувствовать свое "я" как единое, на себе самом основывающееся существо. Теперь мы живем в пятой культуре, последней, в которой люди не могут больше вспоминать о своих прежних воплощениях. В шестой культуре, которая последует за нашей, люди вспомнят о своих прежних воплощениях. Вспомнят ли они правильно — это зависит от того, как сегодня они принимают в свою душу импульсы к этому, становятся ли способными вспоминать правильным образом. В будущем правильным образом вспомнят свое нынешнее бытие только те, которые приняли Импульс Христа, источник истинного "я". Для тех же, которые не принимают этот источник истинного "я", будут образованы новые групповые души.

Взгляните на внешнюю действительность: как люди сегодня прямо-таки дерутся за групповую душевность, хотя они не должны были бы делать этого, они могли бы находить источники истины, произрастающие в их собственной душе. Понаблюдайте, как каждый стремится все делать только так, как "все". Люди ищут не согласно тому, что могут найти лишь в своей душе, но мы видим их ищущими сообразно тому, что они сводят всё в категории, в группы, и как они рады, когда могут обладать не независимыми истинами, а быть подобными другим. Да они даже ненавидят индивидуальность, и в этой ненависти против индивидуального надеются выковать самое сильное оружие против такой мудрости, как антропософская. Ибо антропософская мудрость должна вспыхивать в душе каждого человека; она не побуждается с помощью рычагов, винтов и внешнего эксперимента. То, что говорится с антропософской стороны, предстает перед нами не с внешними рычагами и винтами. И поскольку оно принадлежит невидимому миру, в который каждый должен входить собственным мышлением сам, мы должны его усваивать, каждый сам для себя,

не позволяя убеждать себя с помощью внешних инструментов. Благодаря антропософской мудрости мы становимся индивидуальностью.

Если мы принимаем эту антропософскую мудрость правильным индивидуальным образом, когда она, будучи пронизанной Импульсом Христа, нисходит затем в нашу душу, то обретаем возможность в шестой культуре вспомнить о "я", которое каждый имеет индивидуально, которое заключено в себе самом. И напротив, воспоминание тех, которые ищут сегодня искусственные групповые души, будет таково, что снова возникнет групповая душевность. В шестой культуре люди вспомнят свое современное воплощение; но тогда им станет ясно: ты зависишь в то время в своем суждении вместе с суждением других! И это станет страшными оковами для человека, который будет вынужден чувствовать себя вставленным в групповую душевность. Групповая душевность грозит тем, кто не в состоянии принять в наше время Импульс Христа. Если мы принимаем в себя весть события Христа, весть о человеческом то в нашу душу нисходит возможность в шестой культуре достигнуть цели человечества: то, что мы оглядываемся назад не в групповую душевность, а в пронизанное Христом "я".

Так в того, кто сегодня может правильным образом охватить христианство, воспламенить и пронизать его духом антропософии, может войти то необходимое, чтобы в шестой культуре он был целостным человеком, мог быть орудием праведной деятельности в той культурной эпохе.

Итак, встает вопрос: хотим ли мы, оглядываясь из наших новых воплощений в шестой культуре на наше современное увидеть его как неиндивидуальное, как несамостоятельное, как заключенное в групповой душе, или же — мы хотим вспомнить себя в "я", которое овладело источником духовности в нашем земном развитии, которое овладело великим словом: прежде, чем была любая личность, прежде чем было что-либо, что может кроме нас жить на Земле, и "прежде, чем был Авраам, был Я-есмы/31/.

То, что живет в нас, непосредственно смыкается с Духом-Отцом. То, что может в нас оживать путем понимания Импульса Христа, сознательно смыкается в нас с источником мира, когда мы понимаем Импульс Христа. Таким образом, Импульс Христа, когда он нисходит в нашу душу, означает для нас возможность возродиться в шестой культурной эпохе как такая «я»-сущность, которая стала самостоятельной. Если мы позволим правильно понятому Христу родиться в нашем собственном внутреннем, то сможем оживить воспоминание об этом правильно понятом Христе в шестой послееатлантической культуре.

И если в пятой культуре мы празднуем истинное Рождество, то благодаря этому в шестой культуре мы будем праздновать истинную Пасху. Как звучит для нас прекрасная рождественская песня в ночь под Рождество: "Сегодня родился наш Спаситель!" так и мы, вспоминая рожденного в нашей душе Христа, воспримем в нас послание этой истинной высшей "я"-сущности. Мы вспомним об этом, и это воспоминание возродится в нас как Пасха; и тогда мы услышим в себе величественный, прекрасный звук пасхального органа:

Христос воскрес в нас, возжигая и просветляя нашу собственную Божественную индивидуальность!

Так Рождество и Пасха объединяются в пятой и шестой культурах нашего послееатлантического времени. Так мы должны учиться понимать то, что узнаем из Евангелий. Мы уже частично учились и будем учиться далее, как в христианстве слились — течение Будды, течение Заратустры и древнееврейское течение и как они, в том смысле, как это нам изображают также и Евангелия — вошли в личность Христа Иисуса. В нашем собственном "я" жизнь должна обрести то, что ткало и жило в мире в дохристианское время; оно должно родиться вновь, пронизанное Импульсом Христа. Мы празднуем антропософское Рождество в нашей собственной душе: рождение в нас Христа. И если этого, понятого нами Христа, мы переносим через камалоку и девахан/32/ в новую земную жизнь, и оттуда — снова и снова к новому земному существованию вплоть до шестого культурного периода, то мы вспомним о том, что пережили в нашей пятой культуре, и тогда отпразднуем в нас самих христианскую Пасху.

Так в нас символически, в рождественском символе живет то, что в последние времена мы вписали из Евангелий в нашу душу как мистерию Христа. Огням, которые горят здесь перед нами, мы предоставляем проявлять в нас во всей полноте тот импульс, который приходит к нам из духовного мира: понимать Евангелия буквально! И мы понимаем эти внешне блистающие огни как чувственное образы тех огней, которые должны возжигаться в нашей душе и которые, если они будут разожжены антропософским познанием Христа, снова возгорятся в шестой культурной эпохе послееатлантического времени.

Ощутите именно на этом празднике Рождества, что это есть в ваших душах — решение становиться достойными инструментами развития человечества в будущем! Почувствуйте всю значимость и всю тяжесть антропософского решения: мы должны быть антропософами — не каждый для себя; но в то время как мы учитываем, что именно было сказано, мы должны быть антропософами из долга перед человечеством, из долга перед всей задачей человечества и его миссией. Пусть от рождественской елки нас символически пронизывает свет, который воспламенит нас к этой духовной миссии человечества. Тогда мы поняли нечто из того, что снова даст нам в Новом году силы, чтобы мы все далее осваивались в антропософской жизни и в антропософских истинах.

ПРИМЕЧАНИЯ.

В данных лекциях излагается, прежде всего, "Предыстория великого события Христа", а также продолжается тематика предшествовавшего цикла лекций "Евангелие от Луки" (Базель, 15-26 сентября 1909 года).

Часто использованные в докладах слова "теософия", "теософское", которыми

пользовался Рудольф Штейнер в смысле его антропософски ориентированной духовной науки, были заменены в рассматриваемых местах выражениями "антропософия", "антропософское", "духовная наука", "духопознание".

Текстовые документы; две первые лекции (11 и 18 октября 1909 г.) — сильно сокращенные обобщенные заметки, первая из которых печаталась по записям Якоба Мюлеталера, а вторая, вероятно, по записям от Элис Кинкель. Лекции от 2,9 и 23 ноября 1909 г. записаны г-жой Бертой Ребстайн. Конспекты лекций от 13,14 и 19 ноября записаны рукой неизвестного. Лекции от 4 и 7 декабря 1909 г. печатались по записям Камиллы Вандрей, а рождественские лекции от 21 и 26 декабря 1909 г. по записям Вальтера Фегелана. Сохранились оригинальные стенограммы только лекций от 2,9 и 23 ноября 1909 г.

Отдельные издания на немецком языке;

Берлин, 2, 9, 23 ноября 1909 г. ^Глубочайшие тайны становления человечества в свете Евангелия от Матфея, Дорнах, 1934.

Штутгарт, 13 и 14 ноября 1909 г. "Духовная наука, ее задачи и цели. Евангелия", Берлин 1923.

Мюнхен, 4 и 7 декабря 1909 г., I и II лекции в книге "Я, Бог внутри и Бог во внешнем откровении", Дорнах, 1935.

Берлин, 21 декабря 1909 г. "Рождественская елка как символ" (Берлин, 1910 г.; Дорнах, 1938 г.; Дорнах, 1965 г.).

Берлин, 11 и 18 октября, Цюрих 19 ноября 1909 г.: первое издание в этом томе, I издание в 1966 г. На русском языке;

Берлин, 21 декабря 1909 г. "Символ Рождествёнской елки"(пер. Г. А. Кавтарадзе) в кн.: "Рудольф Штейнер. "Праздники года", СПб., "Дамаск", 2002.

с. 12 (1) В "Последнем Базельском курсе; "Евангелие от Луки". 10 докладов, Базель 15-24 сентября 1909, GA 114. На русском языке: М., "Антропософия", 2000. (2) В немецкой секции; руководимая тогда Рудольфом Штейнером секция Теософского общества. Вступительные слова, характеризуя желаемый Рудольфом Штейнером метод духовнонаучной работы и подхода к пониманию существа Христа, появляются в томе GA 251. Они изданы в Листке сообщений "Что происходит в Антропософском обществе, № 44, 4 ноября 1934 г.

с. 16 (3) у орехотворки; форма и поведение относятся к песчанной осе.

с. 25 (4) Эсхил, 525-456 г. до Рождества Христова, греческий трагик,

с. 33 (5) Рассмотрения, которые были предприняты в связи с Евангелием от Иоанна и Евангелием от Луки; "Евангелие от Иоанна в сравнении с тремя другими Евангелиями, особенно с Евангелиём от Луки". 14 докладов в Касселе, GA 112. "Евангелие от Луки", см. примечание к стр. 4. На русском языке: М., "Антропософия", 2001.

с. 52 (6) Там это означает: Быт. 22:17.

с. 70 (7) Геббель: дневник, запись 1336: "Согласно переселению душ вполне возможно, чтобы Платон получал бы теперь порку на школьной скамье за то, что он не понимает Платона".

с. 77 (8) слова, которые говорит Крестительль; Евангелие от Матфея, 3:7-9.

с.84 (9) Акаша хроника; см. "Из Акаша хроники", GA 11. На русском языке:

Калуга, "Духовное познание", 1992.

с.89 (10) Спиноза, 1632-1677. "Этика", 1677.

с.98 (И) "Очерк тайноведения", GA 13. На русском языке: Ереван, "Ной", 1992.

с. 101 (12) Дмитрий Иванович Менделеев, 1834-1907, русский химик.

с. 133 (13) в то время, когда некоторые из избранных учителей водителей древнееврейского народа были уводимы в вавилонский плен; разрушение Иерусалима 586 г. до Рождества Христова и угон в Вавилон.

с. 151 (14) Гёте "Тайны; Рудольф Штейнер: "Тайны, рождественское и пасхальное стихотворения Гёте". Доклад в Кельне 25 декабря 1907. Отдельное издание: Дорнах, 1963, из GA 98. На русском языке: Рудольф Штейнер. "Тайны". "Рождественско-пасхальная поэма Гёте". В книге: И.В. Гёте. "Тайны. Сказка. Рудольф Штейнер. Гёте", М., "Энигма", 1996.

с. 151 (15) как по праву сказал Фихте; "Чаще всего люди охотнее держались бы за кусок лавы на Луне, чем за Я". Фихте, "Основы общего наукоучения". Примечание к §4.

с. 176 (16) восточные истины с точки зрения западного учения; Рудольф Штейнер, "Восток в свете Запада. Дети Люцифера и братья Христа". GA 113.

с. 186 (17) всё это вращается по кругу; имеется в виду род представлений в книгах "Theosophical Society".

с. 187 (18) так называемого Евангелия египтян; существующее только во фрагментах апокрифическое Евангелие. Приведенное здесь место - "На расспросы Саломеи, когда предмет ее вопроса стал ясен — когда [пришло бы Его царство], Господь сказал: когда вы попираете одежду стыда ногами, и когда двое становятся одним [и внешнее как внутреннее]".

с. 217 (19) Иоган Таулер, ок. 1300-1361, доминиканец. В его проповедях содержатся самые ранние упоминания о рождественских елках: Страсбург, 1539 г.

с.218 (20) Мейстер Экхарт, ок. 1260-1328, доминиканец. Проповедовал в Париже и Кельне. В 1329 году осужден за 26 тезисов его учения.

с. 231 (23) действительно теософского поэта; "теософского", — примерно, в смысле высказывания Рудольфа Штейнера 23 октября 1909 г. (Первая лекция в книге "Антропософия, психософия, пневматософия", GA 115). 26-го декабря 1797 года Новалис писал Фридриху Шлегелю: «Чтобы нам повидаться! И взаимно обменяться твоими и моими бумагами! Ты нашел бы много теософии и алхимии». На русском языке: Р. Штейнер. "Антропософия, психософия, пневматософия", М., "Новалис", 2007.

с. 233 (24) немецкий дворянин Харденберг: Генрих Ульрих Эразм Фрайгерр фон Харденберг, 1738-1814.

с. 233 (25) Этой песней; первая из "Духовных песен"Новалиса. На русском языке: см. Новалис. "Гимны в ночи", М., "Энигма", 1996.

с. 236 (26) сегодня материалистические теологи; напр. Альберт Кальтхофф, "Проблема Христа", Лейпциг, 1902 (на немецком языке).

с. 238 (27) Те, кто хотят верить в эту внешнюю науку; напр. Об этом,

Рудольф Штейнер — в лекции от 8 мая 1910 г., в цикле "Импульс Христа и развитие самосознания", GA 116.

с. 239 (28) Здесь был историк; Heinrich Friedjung, 1851-1920, австрийский историк и политический писатель, использовал фальшивый документ, чтобы свидетельствовать о сербских интригах против Австрии. Ср. к этому: Масарик рассказывает о своей жизни, беседы с Карелом Чапеком, издательство Cassiер, Берлин, 1937, стр. 130/131.

с. 239 (29) по дипломатике: вспомогательная историческая наука, имеющая своей задачей определение степени достоверности исторических документов и названная так от главного вида документов — дипломов.

с. 242 (30) Я с вами во все дни до скончания века: Евангелие от Матфея, 28:20.

с. 247 (32) камалоку и девахан; "мир душ" (элементарный мир) и "духовный мир" (страна духов); ср. кроме прочего, "Теософию розенкрейцера" Рудольфа Штейнера, GA 99. На русском языке: М., "Энигма/Эвидентис", 1999. «Если Евангелие от Иоанна учит идеям Софии, Евангелие от Луки учит мистериям жертвы и любви. Евангелие от Марка учит силам Земли и мира, то принимая во внимание Евангелие от Матфея, мы познаем человеческую жизнь, человеческую историю, человеческую судьбу". Рудольф Штейнер.